

Е. К. УСТИЕВ

У ИСТОКОВ ЗОЛОТОЙ РЕКИ

ПУТЕШЕСТВИЯ. ПРИКЛЮЧЕНИЯ. ПОИСК

Е. К. УСТИЕВ

У ИСТОКОВ ЗОЛОТОЙ РЕКИ

Издание 2-е, исправленное

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»
Москва • 1977

Научный редактор, автор послесловия и примечаний доктор геолого-минералогических наук Ф. Э. АПЕЛЬЦИН

Художник М. И. Худатов

Устиев Е. К.

У истоков Золотой реки. Изд. 2-е, исправленное. Науч. ред., авт. послесл. и примеч. Ф. Э. Апельцин. М., «Мысль», 1976.

159 с. с карт.; 8 л. ил. (Путешествия. Приключения. Поиск)

Поиски и открытие золотых месторождений на Колыме — одна из славных страниц в истории изучения природных ресурсов нашей страны. В книге рассказывается о первой советской геологической экспедиции, открывшей на Колыме промышленные россыпи золота, о трудностях и опасностях, встававших на пути исследователей, о суровой и прекрасной природе Крайнего Северо-Востока.

У 20901-258 167-77
004(01)-77

91(С18)

© Издательство «Мысль». 1977

Вместо введения

Есть события, о которых нельзя забывать. Иногда, даже и не замеченные современниками, они столь важны по своим последствиям, что именно от них зависят многие позднейшие повороты истории.

К числу таких событий относится Первая Колымская экспедиция 1928—1929 годов.

Горсточка хорошо подобранных, но плохо снаряженных, еще не очень опытных, но одержимых единой идеей молодых людей открыла в те годы для Страны Советов громадную территорию к востоку от Лены. Это было Второе открытие, поскольку просторные земли северо-восточной Азии явили миру сибирские землепроходцы XVII века. Но на этот раз были открыты не только обширные пространства тайги и гор, рек и морей, но и богатства руд и металлов*. И за прошедшие с тех пор десятилетия мы оказались свидетелями поразительного экономического и культурного расцвета этих веками прозябавших земель...

Теперь уже трудно себе представить, что у истоков удивительного преобразования края, который легко вместил бы все государства Западной Европы, лежат мысль, труд и воля нескольких энтузиастов.

Два геолога, Юрий Александрович Билибин и Валентин Александрович Цареградский, возглавили Колымскую экспедицию, разработали план исследований и два долгих года самоотверженно его осуществляли. Сергей Дмитриевич Раковский, Эрнест Петрович Бертин и Дмитрий Николаевич Казанли братски делили с ними все опасности экспедиции; они копали в этой вечномерзлой земле первые шурфы, промывали первое золото и чертили первые карты*.

«Первооткрыватели» — давно и по праву называют их поэтому на Колыме.

Я давно хотел описать эту историческую экспедицию на край земли — туда, где прошла значительная часть и моей жизни, но повседневные заботы не оставляли нужного досуга. Шли годы. Один за другим уходили в прошлое ее участники. Сперва умер Билибин, затем Раковский, за ним Казанли. Бывший прораб-геолог экспедиции Бертин и по сию пору живет в Ленинграде, но по болезни и старости он уже практически недоступен для общения. Таким образом, единственным, но зато исчерпывающим источником сведений остался для меня один из организаторов первой и

руководитель всех трех последующих колымских экспедиций — В. А. Цареградский.

Этот давно вошедший в легенду человек всю свою творческую жизнь отдал Северу. Кому, как не ему, лучше знать историю организации и ход исследований Первой Колымской экспедиции, из которой, как дерево из семени, выросли прииски и шахты, города и поселки, научно-исследовательские институты и вузы современной Колымы! Биография геолога так тесно сплелась с развитием огромного края, что расплести их уже нельзя и писать об одном, не касаясь другого, просто невозможно.

Много вечеров мы просидели с Валентином Александровичем Цареградским, перебирая воспоминания о давно прошедших днях. Неторопливо развертывал он передо мной картины минувшего, воссоздавая фактическую основу и эмоциональную окраску событий.

Постепенно мы восстановили все важнейшие шаги и открытия двухлетней экспедиции, с которой началась Золотая Колыма, и я окончательно утвердился в своем решении закрепить повесть о них на бумаге. Естественно, что в центре повествования находится один из тех, кто был в свое время в центре событий, тот, кому советская геология в значительной мере обязана направлением дальнейшего развития геологоразведочного дела и научных геологических исследований в Колымском крае.

...Сейчас Валентину Александровичу за семьдесят, но тридцатилетняя работа на Дальнем Севере сказалась на нем больше, чем возраст. Постоянное творческое напряжение, а также дневные и ночные заботы о «плане», о «приросте запасов», о людях, о хлебе насущном, бульдозерах, подъездных дорогах, а также о тысяче прочих важных и маловажных вещей изнурили этого когда-то на редкость здорового и жизнерадостного человека. И все же сквозь возраст, болезни и хроническое утомление в нем еще ясно проглядывают творческий жар и боевая натура.

Сильно отвисшие мешки под глазами и исхудалые щеки только подчеркивают медальную скульптурность лица. Пристальный, но не впивающийся взгляд серых глаз всегда обращен к собеседнику, а вежливая улыбка смягчает несогласие с его доводами. Высокий рост делает Цареградского стройным, а поредевшие серые волосы еще кудрявятся над высоким лбом с выпуклыми жилами гипертоника.

Пенсионное положение не означает для него безделья. Отнюдь нет! Он в непрерывном труде.

Разве может человек забыть о деле, которому он посвятил всю свою жизнь, и перестать думать о проблемах, не дававших ему спать тысячи предыдущих ночей!

Он не только размышляет, но и пишет об этих проблемах, развивая выношенные еще на Севере идеи о связи земных геологических процессов с космосом. Кроме того, он консультирует некоторые работы Министерства геологии и даже ездит в отдален-

ные края, чтобы решить судьбу какого-либо нового и сложного месторождения золота.

Отзывчивый на просьбы, он с удовольствием выступает с докладами перед студентами, пропагандирует свои космогеологические идеи перед научными аудиториями и ведет активную работу в партийной организации.

Однако у людей такого склада одна какая-либо сфера деятельности не может заполнить все их существование. Их интересы слишком емки, а главное, многогранны. Когда-то на Колыме, руководя колоссально развернувшимися работами Геологоразведочного управления, Цареградский искал отдыха от бесчисленных служебных забот в искусстве. Теперь у бывшего северянина появилась еще одна любовь — садоводство.

На живопись, которой он когда-то так увлекался, с успехом выставляя свои картины на областных выставках в Магадане, у него уже не остается сил и времени. Стихов он также больше не пишет. По-видимому, резко усилившийся гипертонический шум в ушах заглушает в нем музыку души — поэзию. Но зато сад — его новая привязанность. То, о чем когда-то мечталось на холодном Севере, расцвело теперь яблонями, кустами подвенечного жасмина, многоцветными пионами и великолепными букетами ухоженных роз.

На старости лет он не поленился окончить курсы садоводства и с тех пор неутомимо ищет и испытывает все новые сорта малины, яблонь, слив и вишен, выращивая невиданные под Москвой урожаи. Однако семья у Цареградских небольшая: он да жена, и им, разумеется, вовсе не нужно столько фруктов. Но ведь дело не в горах душистых яблок, а в той гордости, которую испытывает творец!

— Приезжайте и берите, сколько по силам! — говорит Мария Яковлевна Цареградская друзьям и знакомым. Праздник урожая превращается в праздник для многих.

Таков в наши дни один из последних оставшихся в живых первооткрывателей промышленной и культурной Колымы. Но где начало того пути, что привел Цареградского к этой окруженной уважением старости, украшенной золотыми медалями Героя Труда и лауреата Государственной премии?

Тут мы вновь возвращаемся к началу, скрытому в тумане того пасмурного утра, в которое почти полвека назад Первая Колымская экспедиция вступила на каменистый берег Охотского моря...

Рождение мечты

Уже в середине 20-х годов у студента-старшекурсника Ленинградского горного института Валентина Цареградского зародилась мечта о Севере. И во сне и наяву он грезил о скалистых горах, непроходимых лесах и полных рыбы могучих реках, описанных Маминым-Сибиряком, Короленко, Джеком Лондоном и другими знатоками северной природы. Но особое влияние на него оказали попавшиеся ему в библиотеке записки революционера-народника, талантливого натуралиста и геолога Ивана Деметрьевича Черского. Записки должны были лечь

в основу так и не составленного отчета о длительной поездке в дикую тогда Якутию и низовья Колымы, куда Черский был командирован в 1891 году Петербургской академией наук. Изложенные точным и образным языком ежедневные записки создавали очень живую картину. Перед читателем выпукло и ярко рисовались суровые пейзажи, лица проводников и кочевников-оленьеводов, их ломаная, но точная речь, слоистые обнажения с окаменелыми раковинами и жилами кварца и все возрастающие трудности путешествия. Измученный политическими преследованиями и жизненными лишениями, Черский заболел скоротечной чахоткой и умер на второй год своего путешествия, когда плыл на плоскодонном баркасе в низовьях Колымы. Верная спутница революционера-ученого Мавра (Марфа) Павловна Черская похоронила мужа на невысокой террасе левого берега Колымы против устья Омолона. Грубо обтесанный деревянный крест с выжженной надписью и деревянная же оградка отмечали место упокоения первого геолога, проникшего на Колыму и оставившего о ней первые точные сведения.

(Более полу столетия спустя истлевший крест был заменен, по распоряжению Цареградского, ставшего к тому времени во главе Геологоразведочного управления, каменным обелиском с надписью:

ВЫДАЮЩЕМУСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЮ
СИБИРИ, КОЛЫМЫ, ИНДИГИРКИ И ЯНЫ,
ГЕОЛОГУ И ГЕОГРАФУ
ИВАНУ ДЕМЕНТЬЕВИЧУ ЧЕРСКОМУ
ОТ БЛАГОДАРНЫХ ПОТОМКОВ

Так, минуя время, сомкнулись судьбы Черского и увлеченного им на Колымский Север благодарного почитателя.)

Однако вернемся к прошлому. Мечты студента зрели. Он перечитал то небольшое, что можно было найти в книгах о Восточной Сибири,— все, вплоть до корявых донесений, писанных первыми землепроходцами в московские приказы «тишайшего» государя Алексея Михайловича. Теперь он ясно понимал, как мало известно о необозримых просторах к востоку от Лены. Тоненькие, теряющиеся в безмерности тайги и тундры тропки шли через Яну, Индигирку, Колыму, Анной, через каменные Анадырские горы к Студеному морю, на котором когда-то боролись с ледяными штормами корабли командора Беринга. Все, что было в стороне от этих редких тропинок или от туманных берегов Охотского моря с их редкими рыбацкими поселками, оставалось загадочным и волнующим своей неизвестностью.

Цареградский разыскивал в библиотеке Горного института все новые и новые книги в старинных, под мрамор, переплетях, тренировал себя гимнастикой и спортом, набивал глаз в тирах, обливался ледяной водой и спал ночью с открытой форточкой. Никакие насмешки товарищей не могли поколебать в нем удивительную для его молодости целеустремленность. Молодость всегда верит в свою звезду, а одержимая, она верит в нее стократно!

Как-то случай свел Цареградского с единомышленником. Одним туманным ленинградским утром он познакомился в лаборатории количественного анализа со студентом Юрием Билибиным, который отрабатывал академическую задолженность по химии. Высокий, стройный и очень волевой студент был старше Цареградского года на два, а по институту — на два курса. Билибин тоже был романтиком и мечтал о тайге и далеких краях, хотя его больше привлекала Камчатка с ее действующими вулканами и горячими источниками, о которых геологи почти ничего еще не знали.

Молодые люди подружились и объединили свой энтузиазм и энергию. Вскоре при студенческом геологическом кружке благодаря их совместным усилиям была организована сибирская секция. Участники выступали с рефератами прочитанных книг и статей, слушали доклады побывавших в Сибири геологов, географов и даже случайных путешественников. Их легко воспламенявшееся воображение было однажды поражено интересным докладом Сергея Владимировича Обручева, который только что возвратился из длительного путешествия в бассейн Индигирки и привез оттуда массу новых геологических и географических сведений. Он только что начал свои многолетние исследования, распространившиеся затем на бассейн Колымы и приведшие через несколько лет к открытию громадной горной цепи. Названная в честь Черского, горная гряда оказалась сенсацией для географов. Протяженностью во многие сотни километров, она уже сама по себе показывала, как много неизвестного еще скрывается к востоку от Лены!

— Послушай, Юра,— воскликнул после обручевского доклада Валентин,— ведь это новая Америка! Там можно ждать чего угодно!

Однако время шло, один за другим сдавались экзамены, а до исполнения родившейся в гулких просторах Горного института мечты было, по-видимому, не ближе, чем до Луны.

Профессор палеонтологии Анатолий Николаевич Рябинин обратил внимание на выдающиеся способности студента Цареградского и пригласил его помочь в обработке коллекции древних земноводных — мезозавров, ихтиозавров и плезиозавров. Позже другой профессор Горного института, знаменитый кристаллограф Анатолий Капитонович Болдырев, позвал Цареградского к себе в ассистенты, но тот уже увлекся ископаемыми позвоночными и не захотел изменять палеонтологии. Болдырев не обиделся. Как все настоящие ученые, он знал цену увлеченности и понимал, что наука не выносит насилия.

И все же эти успехи на академическом поприще не заглушили в студенте главного — стремления на Север. Наконец в 1926 году молодому человеку улыбнулась удача. Он попал в состав геолого-поисковой экспедиции в верховья Алдана. Конечно, отсюда до бассейна Колымы было еще очень далеко, но все-таки в глубине души он чувствовал, что первый шаг к будущему уже сделан.

По пути к месту работ Алданской экспедиции Цареградский много дней провел вместе со своим институтским приятелем Билибиным. Юрий уже окончил Горный институт и работал геологом в тресте Алданзолото. Сейчас он возвращался на Алдан из командировки в центр.

Долгий путь на восток воскресил студенческие воспоминания и вновь сблизил молодых людей. Билибин полностью отдался новому делу и с увлечением рассказывал о блестящих результатах, которые дало в золотопоисковом деле применение шлихового опробования*. (Вряд ли, беседуя за кружкой чая о новом методе, они могли предположить, что в недалеком будущем именно этим путем они придут к решающим в своей жизни открытиям!)

Позднее, летом, Цареградский практически познакомился на Алдане с шлиховым опробованием речных наносов лотком и научился хорошо отмывать тяжелые, матово-блестящие золотины от ненужных песчинок.

Метод шлихового опробования необычайно прост по идее и практическому выполнению. Рассеянное в коренных месторождениях золото почти не поддается химическому разложению и отличается необыкновенной физической устойчивостью. При разрушении жильной породы (например, кварца) происходит выделение содержащихся в ней зерен и самородков золота, а поверхностные воды переносят их вниз по склонам в речные отложения русла. Естественно, что переотложение золота на дне и берегах рек приводит к его постепенному накоплению, а в некоторых случаях, когда коренные источники были значительными, — к появлению богатых россыпей. Но золото — очень тяжелый металл, и его крупинки не могут далеко переноситься водой. Поэтому россыпь образуется либо на месте разрушающейся коренной жилы, либо

несколько ниже ее по течению. Еще ниже вдоль реки тянется все более убогий «шлейф» из мелких золотинок, которые как раз и можно уловить при планомерном лотковым опробованием рыхлых речных отложений. Золотины вместе с другими тяжелыми минералами остаются после промывки на дне лотка, в «шлихе». По их количеству, степени окатанности и распределению в россыпи можно судить о расположении коренного источника, о форме россыпи, ее богатстве драгоценным металлом и о многих других важных данных, которые помогают оконтурить россыпь в речном русле, определить характер распределения в ней золота, подсчитать его запасы и, наконец, обработать месторождение.

Обо всем этом и о многом другом говорили во время долгой поездки на Алдан Цареградский и Билибин.

Юрий Александрович Билибин принадлежал к числу тех, кого следует и в прямом и в переносном смысле называть первооткрывателями.

Необыкновенно талантливый человек с изобретательным умом и проникновенной интуицией, он вместе с Цареградским проложил путь на Золотую Колыму, открыв новую страницу в экономической географии нашей страны. Билибин по всем свойствам своей натуры был пролагателем новых путей всюду, куда проникал его пылкий, а иногда и причудливый ум. Роль этого замечательного человека и ученого в жизни Цареградского была решающей. Достаточно сказать, что после их совместной работы на Колыме Цареградский по примеру Билибина полностью переключился на поиски месторождений золота и редких металлов, оставив в стороне свое раннее увлечение палеонтологией.

Но Билибин — это большая и самодовлеющая тема, требующая больших разысканий и специального места. К сожалению, я никогда с ним не встречался и могу судить о нем, лишь основываясь на его печатных работах и воспоминаниях его друзей. Здесь же важно отметить, что счастливый случай свел в Горном институте, а затем во время Алданской экспедиции двух этих выдающихся людей, положив начало новой главе в истории геологической науки и новому этапу в освоении дальней северо-восточной окраины нашего государства.

Не менее важно и второе обстоятельство. Находки полезных ископаемых во все времена зависели от интуиции ищущих и были в какой-то мере случайными. Не исключение и россыпи золота. Однако сплошное опробование речных долин, впервые проведенное в Алданской экспедиции 1926 года путем планомерной промывки речных песков через определенные расстояния, было той методической новинкой, которая стала залогом будущих удивительных поисковых успехов на Колыме.

Мы подошли к тому моменту в жизни начинающего геолога, который он мог бы с полным на то основанием назвать осуществлением мечты...

Первая Колымская экспедиция

Ранней весной 1928 года Юрий Александрович Билибин был назначен начальником геологопоисковой экспедиции на Колыму. Первым делом он предложил только что закончившему курс обучения в Горном институте Валентину Цареградскому поехать с ним в качестве его заместителя. Экспедиция снаряжалась Всесоюзным геологическим комитетом на средства треста Союззолото и была рассчитана на полтора года.

— Есть интересные сведения. Может быть, там, к востоку от Лены, мы найдем что-то похожее на золотые

россыпи Ленского бассейна,— сказал Билибин.— Правда, надежды на это не слишком велики, но попытаться нужно!

У Цареградского, хотя он и старался изо всех сил казаться спокойным, забилося сердце. Кажется, начинается то самое, о чем он настойчиво думал все последние годы, к чему так долго себя готовил, по-мальчишески тренируя волю, мускулы и сердце.

Разумеется, он тут же с радостью согласился ехать помощником своего старшего приятеля, но... на беду, студент Цареградский еще не защитил свой давно оконченный и даже перепечатанный дипломный проект. До разговора с Билибиным торопиться ему было некуда, а теперь вдруг оказалось, что выезжать нужно немедленно: время не ждет! По словам молодого, но очень энергичного начальника, к началу навигации в Охотском море они обязаны со всем штатом экспедиции быть во Владивостоке. По самым скромным подсчетам, до того места, где будут разбиты их первые палатки, нужно проехать, проплыть и пройти около двенадцати тысяч километров! Почти все остальные сотрудники экспедиции были уже оформлены, и каждый на своем месте занимался подготовкой снаряжения, оборудования, инструментов и тысячи мелочей, которых мы не замечаем в повседневной жизни, но без которых не обойтись в такой долгой и далекой поездке.

Цареградский тоже развил бурную деятельность. Декан геологического факультета профессор Болдырев (впоследствии и он оказался на Колыме и работал там под началом бывшего своего ученика вплоть до дня своей трагической гибели в марте 1946 года) пошел ему навстречу и назначил защиту проекта в ближайшую сессию.

Отзыв одного из рецензентов, профессора Трушкова, был получен всего за двадцать минут до заседания. Очень волновав-

шийся дипломант вскоре справился со своим дрожащим голосом и уже уверенно закончил доклад. Все сошло хорошо. Диплом он получил с отличием. Через полтора часа маститые члены квалификационной комиссии поздравляли бывшего студента Горного института и будущего помощника начальника Колымской поисковой экспедиции.

Экспедиция началась с трудностей.

Утомительная многодневная поездка на поезде и двухнедельное путешествие на грязном полугрузовом японском пароходе «Дайбоши-мару» привели наконец в ночь на 4 июля 1928 года Билибина, Цареградского и их спутников в рыбацкое село Олу. Полтора десятка потемневших и покосившихся от старости избрасполезлось по широкой пойме реки, которая незаметно сливалась здесь с приморской равниной. В центре села еле отличалась от изб маленькая деревянная церковь с похожим на сторожку домиком священника. Лишь принадлежавший прежде местному богатейшему дому сельсовета да длинное одноэтажное здание школы на берегу Ольской протоки были крыты железом и потому выглядели богато.

Экспедиция разместилась в школе. Тут, на берегу туманного Охотского моря, Билибин и Цареградский надеялись достать верховых лошадей, вьючных оленей, проводников и рабочих. Заведующий Ольской торговой факторией, с которым они связались по телеграфу еще будучи в Ленинграде, уверил их в том, что сделать это будет нетрудно. Но, увы, послы заведующего оказались совершенно необоснованными; ни лошадей, ни оленей в Оле не было. Единственный оказавшийся на месте представитель власти, милиционер, лишь разводил руками:

— Помочь трудно. В Оле рыбаки живут, ни лошадей, ни оленей не имеют. Надо со всего района собирать. Подождите зимы, тогда дороги наладятся, понемногу транспорт соберем!

— Ждать до зимы?!— бушевал импульсивный Билибин.— Да ведь это же срыв экспедиции, срыв важного государственного задания! Я буду жаловаться в Хабаровск, в Москву!

Он и в самом деле послал через местную радию срочные телеграммы в Хабаровск, Ленинград и в Москву. Приходившие оттуда ответы, которых геологи с трепетом ожидали в небольшой избушке с ветхим передатчиком, поднимали их настроение, но не улучшали положения. Злополучный заведующий факторией сперва скрывался при их приближении на задворках, а затем надолго уехал из Олы на оленьи стойбища.

Потянулись скучные дни, заполненные хлопотами о транспорте, работой со снаряжением, а то и просто вынужденным бездельем, игрой в карты и знакомством с местностью. Ведь экспедиция была велика, а ее участники очень отличались друг от друга и характерами, и уровнем интересов. Помимо геологов Билибина и Цареградского, прорабов-разведчиков Раковского и Бертина и геодезиста Казанли в ней были врач Переяслов, завхоз Корнеев и пятнадцать рабочих, набранных Билибиным на Алдане. Занять

всех работой было трудно, но Билибин умел найти дело для каждого и прилагал к этому много стараний. Главная забота — о транспорте — легла на его плечи, а также на плечи Раковского и Бертина, которые разъезжали по всем окрестным селам в поисках лошадей и оленей.

Чтобы не терять времени даром, Цареградский уговорил Билибина отпустить его для геологической съемки прибрежной полосы. Он арендовал у рыбаков двухпарную шлюпку, на которой и отплыл с четырьмя гребцами. Около месяца небольшой отряд работал вдоль скалистых обрывов между полуостровами Старицкого и Кони.

Это было очень романтическое и нередко опасное путешествие из-за сурового характера Охотского моря, постоянных густых туманов, которые окутывали берега Тауйской губы, из-за стремительных течений и противотечений, ненадежной, переменчивой погоды начала лета... Однако оно имело только геологический интерес и не сопровождалось никакими практическими открытиями, потому что основная зона россыпной золотоносности, как это выяснилось позднее, находилась намного севернее прибрежного района.

Во время этого плавания Цареградский познакомился со многими разновидностями гранитов, слагающих некоторые береговые скалы. Вскоре он имел возможность убедиться, что эти граниты (позднее они были названы охотскими) резко отличаются от гранитных пород Колымского золотоносного района. Кроме того, он обнаружил в береговых скалах великолепные обнажения древних вулканических пород. Темные лавы и светлые граниты громоздились к небу в колоссальных, усеянных птичьими гнездами обрывах, у подножия которых непрерывно грохотал прибой. Составленная им в эти недели геологическая карта побережья была первой для этого района картой такого рода.

Но вот томительное ожидание отъезда подошло к концу. Из окрестных сел и с далеких стойбищ приведены лошади и вьючные олени. Правда, гораздо меньше, чем нужно, но делать нечего. Теперь хоть можно оторваться от морского побережья и уйти в синие горы на мгlistом горизонте горы.

Но опять беда. Погрузить всю экспедицию, все ее тяжелое снаряжение и провиант на восемь имеющихся лошадей, разумеется, невозможно. Пригнанные же олени слишком дики и совершенно непригодны для перевозки вьюков. Лишь позднее, к глубокой зиме, они перестали шархаться от каюров и привыкли к небольшому вьючному седлу на загривке.

Билибин собрал совет. Кроме него и Цареградского судьбу экспедиции решали в то раннее августовское утро прорабы-поисковики Раковский и Бертин, геодезист Казанли и проводник Макар Медов. Раковский и Бертин были опытными разведчиками-таежниками и до этого уже несколько лет служили в тресте Алданзолото. Их мнение и совет были крайне важны. Что же

касается местного жителя якута Медова, то это был очень полезный для экспедиции человек. Нанятый в проводники Билибиным, он сыграл важную роль во всех последующих ее открытиях. (Умный и энергичный, проницательный следопыт, для которого не было тайн в тайге, он один мог бы послужить темой для полной приключений книги вроде повестей В. К. Арсеньева о Дерсу Узала. Впрочем, каждый из пришедших в то утро обсудить дальнейшие действия экспедиции был достоин того, чтобы стать героем книги, и по своим качествам характера, и по необычной судьбе. Однако Макар Медов оказался самым удачливым: раньше, чем кто-либо другой из собравшихся, он был увековечен топографами, которые назвали один из островерхих пиков в вулканическом нагорье этой части Охотского побережья пиком Макара Медова.)

— Что будем делать? — спросил Билибин. — Макар обошел за этот месяц все ближние и дальние поселки и смог достать всего восемь лошадей. И тех нам арендуют до зимы с неохотой, больше из-за уговоров Макара, чем ради предписаний из центра. Советская власть здесь только утверждает, и старая психология еще не поколеблена. Нам тоже не очень верят.

— Почему не верят? Верят! — прервал его Макар. — Я сказал, хороший люди, деньги платить будут, мануфактура будет, спирт будет! — Все рассмеялись. — За лошадей я отвечаю, головой отвечаю! Больше лошадей не дают, это все!

— Вот видите! Следовательно, мы должны начать переброску экспедиции с тем, что у нас есть. Откладывать нельзя: еще месяц — и лето кончится.

— Да, — сказал Раковский, — через месяц в горах начнутся заморозки, а там вскоре закроет перевал снегами. Нужно спешить.

С его мнением нужно было считаться. Алданский таежник был хорошо знаком с особенностями смены сезонов в этих краях.

— Вопрос решается просто, — промолвил со своего места Цареградский. — Надо собирать восемь вьюков и выходить с ними на север. Кто поведет первую партию, безразлично. Могу взять это на себя. Могу и остаться здесь, готовить вторую партию и заканчивать съемку побережья.

— Ну, конечно, надо закончить со съемкой, раз уж мы ее начали. Первый караван поведу я, — решил Билибин. — Но давайте разработаем план нашей переброски, маршрут, место будущей базы, сроки передвижений и так далее.

Вооружившись карандашом, он придвинул к себе большой лист бумаги, на котором с помощью Медова была начерчена грубая схема рек Колымского бассейна.

— Макар советует выйти с лошадьми на Бахапчу. Это километров двести тридцать — двести пятьдесят по вьючным тропам, по которым водят на Колыму олени транспорты. Правда, якуты везут свои грузы на нартах зимним путем, а у нас только вьючные лошади. Это, конечно, труднее, но мы постараемся использовать преимущества легкого пути. Поднимемся по Оле и, перевалив

через Охотский водораздел, спустимся по долине Малтана к Бахапче. По словам Макара и других каюров, это многоводная река и по ней можно сплыть на плотах к Колыме. Итак, мы построим на Бахапче плоты и поплывем до ее впадения в Колыму, а затем и по самой Колыме до устья Среднекана. Там и начнем работать. От Бахапчи мы вернем лошадей с Макаром в Олу, и затем этим же путем сразу отправится партия Валентина. Весь остальной состав экспедиции выедет на Среднекан с Корнеевым уже третьим эшелоном, по зимней дороге.

— А Бахапча проходима для плотов? — спросил Казанли у Медова.

— Наши люди всегда на оленях зимой кочуют, — отвечал проводник. — По реке не плаваем. Страшно, камни много. Давно-давно большой плот разбился, двадцать казаков пропало. Однако нынче в Бахапче вода большой, должно, и на плоту можно. Ничего, ваша экспедиция сплавится. Народ крепкий, молодой, веселый, хорошо песни поет!

— Нам ведь никто не велит на плотах плыть, если опасно, — вступил в разговор Бертин. — Пойдем, куда можно, с лошадьми, а там посмотрим.

— Нет, идти нельзя, — возразил Медов. — На лошадях в Среднекан к зиме никак не поспеем. Шибко далеко берегом идти. Рекой сплавляться надо!

Идею о сплаве по реке энергично поддержали Цареградский и Раковский. Им не раз приходилось пользоваться плотами на реках Алданского района, и они уже имели некоторый опыт плавания среди порогов. Да другого выхода и не было. Только поэтапная переброска грузов могла вывести экспедицию из затруднений с транспортом.

Они еще долго совещались, согласуя график передвижений, составляя списки грузов и людей в первой, второй и третьей партиях и распределяя между собой геологические и хозяйственные обязанности.

Через несколько дней, 18 августа 1928 года, первая партия на восходе солнца покинула Олу. Впереди шли Медов и Билибин. Караван вьючных лошадей замыкал Раковский. С такими ограниченными возможностями Билибин смог взять с собой только геолога-прораба и четырех рабочих.

Еще широкая у поселка вьючная тропа поднялась на террасу реки Олы, и путники оглянулись на ярко блестящее за ними иссиня-голубое море. Впрочем, за месяц ожидания оно порядком надоело, и потому Билибин, крепко пожав руку Цареградскому, решительно повернулся в сторону зубчатых вершин на горизонте и широким шагом двинулся вперед.

(Это мгновение можно смело считать историческим. Именно 18 августа 1928 года потянулась первая путевая ниточка в неведомый край, который позднее сыграл такую важную роль в истории страны.)

Цареградский остался один. Ему и всем остальным участникам экспедиции предстояло ожидать здесь возвращения Медова и лошадей, с тем чтобы, забрав свою долю снаряжения и провианта, присоединиться к Билибину близ устья Среднекана.

На мгновение молодому геологу стало грустно. Но безоблачное небо, блестящие под солнцем скалы и ритмичный шум прибора не располагали к грусти. Его ожидало много дел и забот — гораздо больше, чем предполагалось при распределении обязанностей.

Прежде всего Цареградский опять занялся геологической съемкой. В последние дни, когда ему вместе с Билибиным пришлось хлопотать со сборами к отъезду и вести трудные переговоры с хозяевами лошадей, он запустил свои маршруты вдоль побережья. Предстояло наверстать упущенное.

В тридцати километрах к западу от Олы находится глубоко врезанная в горы извилистая бухта Нагаева, которую он давно решил во что бы то ни стало осмотреть. Его первая попытка проникнуть туда с моря окончилась неудачей. Шлюпку не пустили сильные встречные ветры, мощное противотечение и громадные, бьющие в скалы буруны. Теперь Цареградский поставил себе целью проникнуть в бухту с суши. Она привлекала его защищенностью от ветров, глубиной и многочисленными пресными родниками, о которых сообщала старинная лоция Охотского моря.

Бухта получила свое название в давние времена в честь екатерининского адмирала Нагаева, который плавал здесь в середине XVIII века. Адмирал составил первую, и притом великолепную, карту извилистых берегов Охотского моря, а против бухты приписал, что она лучшая на всем побережье.

Цареградского привлекала не только геология прилегающего к бухте района, но и мысль о возможном использовании бухты. Он верил, что край, в который только что вступила экспедиция, со временем ждет великий расцвет, и понимал, что Ола с ее мелководным и открытым всем ветрам заливом не может служить морскими воротами Колымы. Молодой геолог был на редкость дальновиден. Отправляясь сейчас вдоль берега с Бертиным, Казанли и двумя рабочими, он в сущности присматривал удобное место для морского порта.

«Во всяком случае будущая экспедиция на Колыму должна высаживаться в бухте Нагаева, а не в Оле», — думал он. (И действительно, Вторая Колымская геологоразведочная экспедиция, которой суждено было руководить уже ему самому, высадились в Нагаевской бухте.)

Впрочем, перевалив через невысокую, заросшую густым стлаником гранитную гряду и окинув глазами великолепную бухту, в которой спокойно поместился бы флот любой державы, он все-таки не был еще достаточно дерзок, чтобы воскликнуть:

— Здесь будет город!

(А между тем то, о чем еще не смел думать этот трезвый мечтатель, осуществилось на его глазах, и притом в самом

непродолжительном времени. Именно на том месте, с которого он сейчас смотрит на уходящий вдаль скалистый коридор с отсвечивающей на солнце водой, всего через два десятилетия возникнут широкие проспекты и многоэтажные здания города, известность которого оставила далеко позади славу многих больших городов мира. А вон там вместо согнутых ветром лиственниц вырастет стальная телевизионная вышка...)

В тот момент он, конечно, не думал ни о каком городе. Позднее он напишет в своем первом отчете, что бухта Нагаева удобна для причала самых крупных морских судов и что на ее склонах можно без труда разместить все необходимые постройки большой перевалочной базы. Осмотрев в следующие дни окрестности бухты, он с радостью отметил в своей записной книжке отсутствие здесь болот и превосходные условия для проведения дороги.

Вернувшись через неделю в Олу, Цареградский стал готовиться к отъезду. Со дня на день ожидалось возвращение Макара Медова. Упаковывались выючные ящики и сумы со снаряжением, продовольствием, зимней одеждой и бельем. Тщательно отбиралось и откладывалось в сторону все, без чего можно обойтись. Следовало учитывать не только недостаточное количество лошадей, но и их усталость, а то и истощенность после путешествия на Бахапчу. Кроме того, было необходимо перераспределить весь остающийся в Оле груз, приспособив его по весу и количеству мест к зимней перевозке на оленьих нартах. До отъезда второй партии следовало также закончить оформление договоров с эвенгами из окрестных стойбищ, которые согласились перебросить грузы и оставшихся участников экспедиции, когда установится зимний путь.

В ожидании Медова Цареградский вечерами уходил к себе в класс, где описывал и укладывал в ящики собранные им образцы горных пород и страницу за страницей заполнял путевой дневник. Бертин просматривал и определял собранные на побережье шлиховые пробы, а Казанли вычерчивал топографическую карту.

Макара все не было. Он явно запаздывал против всех сроков и расчетов.

Между тем короткое северное лето стремительно летело к концу. Небо было еще ясное, но по утрам в ведре звенел ледок. Даже здесь, на морском побережье с его относительно мягким климатом, чувствовалась осень. Позолотели лиственницы, побурела в протоках ольха, и над поселком потянулись звонкие косяки гусей.

— Нынче рано зима будет, — говорили, глядя на небо, местные жители, — вон как торопится гусь.

— Успеет добраться до Среднекана? — тревожно спрашивал Цареградский.

— Кто знает, может, успеете, а может, зимовать придется!

Подошла середина сентября. С договорами, пересортировкой и упаковкой грузов все было закончено. Чтобы сократить томительное ожидание, Цареградский совершал небольшие однодневные

маршруты или просто охотился на уток в окрестностях Олы. Возвращаясь, он с затаенной надеждой смотрел на огороженный двор школы: не толпятся ли там вернувшиеся с Медовым лошади? Увы, их все не было; с тяжелым вздохом геолог входил в свою загроможденную ящиками комнату.

Он поручил рабочим расспросить местных пастухов и охотников: не знают ли они чего-нибудь о Билибине и Макаре Медове? Но все было тщетно. И вот, когда тревога уже не покидала Цареградского ни днем ни ночью, Макар наконец возвратился. Он вошел во двор ранним ясным утром один, без лошадей.

— Ты где же был столько времени?! — набросился на него Цареградский. — Мы думали, ты совсем пропал! Где начальник? Почему без лошадей пришел? Что случилось?

На крыльце вокруг Медова с шумом толпились полуодетые рабочие. Не замечая общего внимания, якут, не торопясь, поздоровался и достал из-за пазухи письмо. В другой руке он держал небольшой, но увесистый мешок с образцами.

— Вот письмо. Вот камни посылал тебе Юрий. Простой серый камень. Зачем посылал, не знаем! — иронически улыбаясь, сказал Медов. Его и без того узкие глаза сомкнулись в едва видные щелчки, вокруг которых светлели мелкие морщинки. На лице отчетливе выступили оспенные отметины.

Цареградский нетерпеливо вскрыл письмо. Билибин писал, что отряд благополучно добрался до водораздела между рекой Олой и системой Бахапчи. До водораздела сто сорок — сто пятьдесят километров. Затем они легко поднялись на перевал и через широкое водораздельное плато Эликчан спустились в верховья правого притока Бахапчи реки Малтана. Спустившись по Малтану до устья небольшой речки Хирюнды, Билибин решил начать сплав отсюда. Малтан оказался здесь уже достаточно глубоким, и было ясно, что плоты свободно поплывут вниз, к Бахапче и Колыме. Таким образом он выигрывал около двух-трех десятков километров.

28 августа при устье Хирюнды был разбит лагерь, и рабочие приступили к сооружению плотов. Билибин задержал лошадей и Медова еще до 30 августа. За эти дни на склонах горы было отобрано и срублено нужное количество хороших сухостойных деревьев. Бревна стаскивались вниз на лошадях и укладывались у небольшого затона на берегу. К концу третьих суток у лагеря уже покачивались на воде два плота, на которых Билибину и его спутникам предстояло совершить длинное путешествие по течению трех рек — Малтана, Бахапчи и Колымы.

В своем письме Билибин просил Цареградского поторопиться с выездом, чтобы поспеть к Малтану до наступления сильных заморозков, и рекомендовал также воспользоваться рекою и плотом, чтобы добраться до Среднекана.

«Река — лучшая дорога, — писал он, — и ты потратишь меньше времени и сил, чем если бы добирался до места с лошадьми».

Письмо заканчивалось коротким описанием скалистого обнажения в верховьях Олы, где, неподалеку от водораздела, они нашли какие-то крупные окаменелые раковины.

«Посылаю их тебе для определения, — писал Билибин. — Нам важно знать геологический возраст всех здешних пород».

31 августа они отплыли, а Макар с лошадьми не спеша отправился в Олу.

— Почему же ты так долго не возвращался? — спросил Цареградский. — По письму Юрия Александровича, до устья Хирюнды двести двадцать километров. Это не больше недели ходу, а ты пропал две недели. И потом, где же лошади?

Макар ответил, что он вернулся уже пять дней назад, но оставил лошадей отдыхать и подкормиться на своем зимовье, в четвернацати километрах выше Олы, в местности Сопкачан.

— Лошадь много ратал, много ящики, много дерево возил, мало кушал, трава совсем нету, — говорил он неторопливо. — Надо хорошо отдыхай, хорошо кушай!

— Когда же ты приведешь их сюда? Пора ехать. Видишь, зима близко!

— Однако через два дня можно ехать, — ответил Макар.

— Ну смотри, чтобы через два дня лошади рано утром были здесь!

— Приду, — ответил Медов и придавил пальцем выгоревший табак в трубке.

Проводив Макара, Цареградский внимательно осмотрел присланные Билибиным образцы. В ту пору он еще считал себя прежде всего палеонтологом и, вооружившись справочниками, с увлечением взялся за определение очень красивых раковин, вросших в буровато-серый песчаник. Это оказались иноцерамы. Так называют живший в юрское время (то есть около 150—160 миллионов лет назад) большой двустворчатый моллюск с груборебристой и толсто-стенной раковиной. Эта первая находка ископаемой фауны хорошо увязывалась с давними находками Черского в долине Индигирки и геолога Казанского, прошедшего в 1909—1912 годах по поручению Геологического комитета вдоль морского побережья в районе Охотска. Таким образом, оказывалось, что на огромной территории площадью в многие сотни тысяч квадратных километров распространены сходные по происхождению толщи сланцев и песчаников, отлагавшихся в юрском море. Это был важный шаг в расшифровке геологической истории Колымского края.

Непреодоленный перевал

Через два дня второй отряд Колымской экспедиции, возглавляемый Цареградским, двинулся из Олы на север. С ним шли Бертин, промывальщик Майоров и рабочий Игнатьев. Впереди цепочки лошадей ехал Медов. Тяжело груженные лошади, покачивая вьюками, медленно углублялись в пахнущий осенью лес. Вскоре за поселком Цареградский подстрелил сидевшую на дереве большую серую глухарку, и это показалось ему добрым признаком. На душе было бодро и спокойно. Длительное «ольское сидение» осталось позади, и он

шаг за шагом приближается к тому самому таежному будущему, о котором так много думалось и ради которого он с такой радостью оставил широкие проспекты Ленинграда.

На следующее утро после выхода из Олы ясная осенняя погода сменилась ненастьем. Сгустились облака, и из них посыпался нескончаемый, нудный дождь. С деревьев и кустов стекали струйки воды и холодными брызгами обдавали и без того мокрые лица, намокшую одежду, вьюки, лошадей. Нехотя, понуро, молчаливо шагали по мокрой траве и скользкой земле люди. Один Макар покачивался в седле во главе этой хмурой процессии, все остальные брели пешком.

К 20 сентября караван прошел около ста километров. Вечером этого дня подул резкий и холодный ветер. Вскоре мокрые ветки и полегшая сухая трава покрылись ледяной корочкой, которая печально звенела под ногами. Медов остановил отряд на ночлег на широкой пойменной террасе, которую отделяли от реки тальниковые заросли.

Надвигалась холодная и неуютная ночь. По быстро темневшему небу бежали разорванные в клочья облака.

— Однако снег будет, — поживаясь, сказал проводник. Действительно, ночью пошел снег. Цареградский долго ворочался в тесном меховом мешке и вдруг почувствовал, что в природе произошла какая-то перемена. Откинув капюшон, прислушался. Перестала шелестеть под ветром трава, замолкли тонко звякавшие оттяжки палатки, не хлопала о тугий брезент плохо пристегнутая полоска. Он вышел наружу.

Было тихо и тепло. Ветер стих. На побелевшую землю сыпался и сыпался снег. Крупные снежинки налетали в лицо с невидимого неба и тут же таяли. Под ногами было не менее чем на четверть снега...

Наутро оказалось, что положение гораздо хуже, чем можно было предположить. Снега выпало много, и он продолжал густо сыпать, скрыв плотной завесой окружающие горы и придавив кусты на берегу ручья. Как и ночью, ветра не было, но еще заметнее потеплело. Снежинки набухли и тяжело опускались на мокрую землю, облепив палатки и все их оттяжки. У лагеря, поживаясь, теснились мокрые и голодные лошади.

— Плохой дело будет, — сказал Макар. — Шибко плохой. Лошади трава нету. Голодный далеко ходить нельзя.

Цареградский встревожился: ему показалось, что проводник желает возвращения.

— Нет, нет, Макар, давай поспешим дальше! Может, снег через день-два растает. Иначе реки замерзнут, и мы опоздаем к сплаву, — уговаривал он Медова.

Проводник нехотя начал заседлывать свою лошадь. Все бросились к вьюкам. Но, увы, пройдя еще день и приблизившись к перевалу, они убедились, что снежный покров с каждым километром становится все более тяжелым. Лошади с трудом пробивали путь в рыхлой толще мокрого снега, под которым скрывалась трава. Лошадям грозил голод.

— Стой! — вдруг крикнул Медов. — Дальше не идем, кони пропадут! Ждать надо!

— Чего ждать?! — возмутился Цареградский. — Нельзя терять ни одного дня! Зима пришла! Мы и так уже ждали все лето!

— Куда пойдешь? — невозмутимо промолвил проводник. — Снег много, трава нету, овес нету. Коли лошади помирай, как пойдешь? Сами пропадем, Среднекан не придем!

Было ясно, что Медов прежде всего боится погубить лошадей, за целостность которых он поручился перед хозяевами своим добрым именем, а может быть, и имуществом. Но он, несомненно, был прав и по существу. Успех экспедиции во многом зависит от лошадей. Есть они — люди не привязаны к месту, не отрезаны от мира, сами распоряжаются своей судьбой. Нет их — путники теряются в бесконечной сибирской тайге, как в океане. Сотни, а то и тысячи километров гор и тайги полны не меньших опасностей, чем океанские просторы.

Через такой глубокий, а главное, рыхлый и мокрый снег им действительно не пробиться. Цареградский чуть не плакал от досады. Но здравый смысл и ясное понимание границ возможного, которое немало способствовало его дальнейшим жизненным успехам, взяли свое, и Медов недолго пришлось уговаривать своих спутников вернуться в Олу. Раз уж они опоздали с летней дорогой, нужно ждать зимнего пути.

— Зима будет, снег боись не надо, — говорил проводник. — Вода нет, олени хорошо пойдут, люди легко будет!

В этот день повернувшись к морю отряд раньше обычного остановился на ночлег. Спустившись с Эликчанской водораздельной равнины в узкое ущелье, где их меньше тревожил свирепый

ветер, они разбили лагерь. Под палатку пришлось расчистить место в снегу. Из-под снега откапывали и дрова для печек. Вскоре в палатке, где они все собирались для еды, стало тепло, и проголодавшиеся люди принялись за наскоро приготовленный ужин. Все молчали, подавленные неудачей. Уже за чаем Бертин промолвил:

— А что, Валентин Александрович, не остаться ли мне здесь с Майоровым до вашего возвращения по зимнему пути? Что нам делать сейчас в Оле? Решительно нечего! А здесь мы хоть пользу принесем: пока не замерзнут реки, опробуем все прилегающие долины и походим с геологической съемкой по окрестностям. Палатку поставим поосновательнее, на сруб. Продовольствия хватит. Дождемся вашего возвращения, и уже все вместе тронемся к Среднекану!

«В самом деле, — подумал Цареградский, — почему бы Эрнесту Петровичу и не остаться для шлихового опробования верховьев Олы? Пока я буду налаживать зимний транспорт и возиться с отправкой грузов и рабочих, прораб сможет сделать много полезного!»

Он согласился и сказал, что оставит не только промывальщика, но и рабочего: все же втроем в горах будет безопаснее. Обсудив некоторые подробности дальнейших планов и условившись о сроках встречи, они разошлись спать.

Несмотря на то что идти по однажды пройденной дороге всегда легче, это возвращение в Олу было ужасным.

Прежде всего работа, которая до сих пор распределялась между пятью человеками, теперь свалилась на двоих. Кроме того, еще ухудшилась погода. С моря вверх по долине неслись свирепые шквалы. Мокрый снег залеплял глаза связанным в цепочку лошадям. Они ежеминутно спотыкались, тянули друг друга и часто падали. Обледеневшие, мокрые рукавицы были лишь помехой, и два измученных человека все делали голыми руками: поднимали и перевьючивали лошадей, расчищали от снега площадку для палатки, раскидывали ночной лагерь и сыпали на ожелезневший от воды и мороза брезент быстро таявшую порцию овса.

Через три дня после эликчанского отступления Цареградский и Медов возвратились в Олу. Оба были еле живы от усталости и перенесенных невзгод.

Как неуютно было в тот день на побережье! Дул пронзительный, холодный штормовой ветер. С моря, которое кипело и взрывалось у скал бурунами, доносился то ровный, то грохочущий гул прибоя. Прижавшееся к земле село казалось совсем маленьким и безнадежно-серым. Из кирпичных и деревянных труб вырывались и клочьями стелились над землей светлые дымки. Все было завалено мокрым снегом. Бесчисленные собаки запрятались куда-то и не встретили, как обычно, дружным лаем втягивающийся в село караван лошадей.

Возвращение отряда как громом поразило оставшихся в школе.

— Выпейте, голубчик, — говорил через полчаса доктор Петр Степанович Переяслов, — выпейте и согрейтесь. В такую погоду хороший хозяин собаку не выгонит!

После возвращения вновь потянулись однообразные дни ожидания настоящей зимы. Всех беспокоила судьба билибинского отряда, от которого с конца августа не было никаких известий. Было ясно, что и Билибин сейчас не меньше беспокоится об оставшихся в Оле: ведь он не знает причину их задержки! И ему, вероятно, лезут в голову всякие тревожные мысли и противоречивые догадки!

Цареградский решил, как только утвердится зима, выйти из Олы со всеми купленными и нанятыми оленями и нартами. Тогда он сможет увезти на Среднекан большую часть оставшегося груза и поможет экспедиции протянуть с провиантом до конца длинной зимы. Мысль о возможном голоде всегда мучила Билибина и Цареградского больше других забот. Поэтому и сейчас он в первую очередь думал о транспорте с продуктами.

Поблизости от Олы находилось небольшое стадо оленей, приобретенных еще летом Раковским и Бертиным. Но оленеводы-эвены пригнали диких или почти диких животных — для перевозки вьюков они пока вовсе не годились. Легче было использовать их для упряжки в нарты. Для этого необъезженных животных следовало присоединить к транспорту с ездовыми оленями, среди которых они быстро привыкнут тянуть нарты.

Отправившись после возвращения с Эликчана на стойбище, Цареградский увидел, что олени уже не шарахаются от первого встречного, как это было всего месяц назад.

Медов переговорил с каюрами и сказал:

— Ничего, через месяц нарты повезут!

Однако вслед за первыми снежными штормами на побережье установилась слякотная погода, которая еще долго не позволяла тронуться с места. Пришлось вооружиться терпением и продолжить обработку собранного на побережье шлихового материала. К сожалению, никаких признаков золота в шлихах не оказалось.

(Если бы молодому геологу сказали, что через несколько десятков лет здесь будут найдены коренные месторождения серебра и золота, он бы, наверное, не поверил *...)

Борискин шурф

В россыпях Колымского района находят золото. Оно было рассеяно когда-то в кварцевых жилах чешуйками, сгустками и даже большими гнездами. При разрушении кварца золото освобождалось из жил и попадало в русла рек; там оно окатывалось течением и благодаря своей тяжести все глубже погружалось в донные речные отложения.

На Охотском побережье, как выяснилось намного позднее, также есть золотые месторождения, но они относятся совсем к другому типу. Золото вместе с серебром рассеяно здесь в

некоторых сернистых рудных минералах, которые разрушаются гораздо легче, чем кварц. Однако в этом случае благородные металлы попадают в реки в виде мельчайших, почти невесомых частичек, которые не оседают на дне, а уплывают по течению к морю. Ясно, что в этом случае не образуется золотоносных россыпей. Такое золото невозможно уловить в лотке при шлиховом опробовании.

Месторождения подобного типа (их называют эпитермальными золото-серебряными) очень трудно находить. Эпитермальные жилы трудно различить среди вмещающих вулканических пород. Нужно вплотную подойти к ним, чтобы их увидеть, и требуются лабораторные анализы для определения количества заключенного в них металла. Понятно, что при беглой геологической съемке, которую вел в 1928 году Цареградский, он не мог найти такие жилы, тем более что у самой Олы, где он вел съемку, их пока еще не обнаружили и при более детальных исследованиях, проведенных уже в наши дни, хотя присутствие их здесь не исключено.

Понадобилось больше тридцати лет упорных поисков, чтобы геологи наконец натолкнулись на жилы с невидимым, тонкорассеянным в других рудных минералах золотом. До этого колымские прииски разрабатывали только речные россыпи с типичными для них крупными золотинами. Попадались на этих приисках и отдельные самородки.

Однако осенью 1928 года все это было делом далекого будущего и ни Билибин, ни Цареградский ничего еще об этом не знали. Все их сведения ограничивались смутными известиями о том, что на Колыме, как и на Алдане, есть золото и что его там искали и находили старатели.

Тут уместно сказать несколько слов о колымских старателях. Это поможет понять, что натолкнуло геологов на мысль об

экспедиции в глубину таинственной Колымской страны, в долину Среднекана.

О золотых россыпях на далекой северо-восточной окраине необъятной Российской империи ходили смутные слухи еще в дореволюционные времена. Небольшая старательская добыча золота велась в районе старинного города Охотска, где в наши дни существуют небольшие прииски. Такие же незначительные россыпи были обнаружены пришедшими с Аляски американскими золотоискателями у Анадырского залива. Река, на которой велись разработки, до сих пор называется Золотой, хотя промышленного золота там сейчас уже нет.

Золото было найдено и в бассейне Колымы. Во время империалистической войны в далекие колымские края сбежал от призыва в армию некий татарин Сафи Шафигуллин по прозвищу Бориска.

Этот неграмотный, спасавшийся от ужасов войны и преследования властей горемыка впервые обнаружил здесь крупинки драгоценного металла.

Сперва Бориска искал золото один. Затем он подобрал себе артель таких же голяков, как и он сам, но через несколько лет все-таки отошел от товарищей и вновь стал промышлять в одиночку. По-видимому, мысли о золоте целиком владели его сознанием. Он не обзавелся семьей, хотя и мог бы жениться на якутке или эвенке, благо татарский язык сродни якутскому. Как одержимый он бродил от долины к долине, пробивая неглубокие шурфы в мерзлом грунте, и промывал, промывал, промывал...

Увы, бедняга не знал законов образования золотых россыпей и потому в большинстве случаев мыл не там, где надо, и не так, как надо. В его лотке, по-видимому, чаще всего оказывались пустой речной песок и галька (в приисковой практике их впоследствии стали называть торфами), так как тяжелое золото всегда садится у основания наносов. Это коренное дно с обычно прикрывающим его слоем плотной глины называется на приисках плотиком. Чаще всего Бориске не удавалось пробить мощную толщу пустых наносов, и он довольствовался редкими крупинками драгоценного металла, застрявшими на пути к коренному ложу реки.

Бориску нашли зимой 1917/18 года мертвым на краю недорытого шурфа. Он сидел, прислонившись к куче выброшенной породы, и, казалось, дремал. Никаких признаков насилия не было. Старатель, безусловно, умер своей смертью и внезапно.

Одно обстоятельство осталось, впрочем, так и не объясненным. Весь шурф был оплетен суровыми нитками из большой шпульки. Цепляясь за ветки кустов и деревьев, серые нитки тянулись от палатки к шурфу, много раз обвивая как шурф, так и мертвого Бориску. Как и все лишнее видимого смысла, это тонкое нитяное оплетение казалось зловещим и исполненным какого-то тайного значения.

В небольшой ветхой палаточке под изголовьем у покойного

нашли небольшой кожаный мешочек с горсточкой мелкого золотого песка.

Слухи о золотом мешочке Бориски распространялись медленно. Огромные, все захлестнувшие события Октябрьской революции и гражданской войны, окончившейся на Охотском побережье в 1923 году, а в глубинах Колымского края — только в 1925 году, заслонили это известие. Лишь к 1924 — 1925 годам, когда освобожденные от белых банд районы Колымы были вовлечены в общую жизнь государства, слухи о Борискином золоте достигли Охотска, Якутска и Алдана.

Бывшие спутники Сафи Шафигуллина Михаил Канов, Сафи Гайфуллин, а за ними и другие предприимчивые старатели направились к месту, где был найден труп Бориски с его золотым мешочком, уже превратившимся в легенду. Летом 1926 года с помощью якута, обнаружившего в свое время мертвого Бориску, они добрались до Среднекана. Здесь, близ устья ручья Безымянного, они нашли один из старых шурфов, углубили его до плотика и стали разрабатывать небольшой золотоносный пласт.

Следом за ними в феврале 1927 года на Среднекане появилась еще партия старателей во главе с русскими Поликарповым и Степановым. Старатели добывали золотоносные пески из двух больших ям-шурфов у устья Безымянного. Канов и Поликарпов с товарищами поднялись в правую вершину Среднекана, где также получили пробы с небогатым золотом.

Именно Роман Поликарпов и был первым, кто сообщил точные сведения о среднеканском золоте. Выехав в Олу и затем в Охотск, он передал находившемуся там уполномоченному треста Союззолото заявку на золотоносную россыпь в Среднекане, испрашивая разрешение на старательскую промывку. Заявка Поликарпова, о которой в Союззолоте сообщили Билибину, и послужила главным основанием для того, чтобы сосредоточить работы Колымской экспедиции в бассейне Среднекана.

Имелось, кроме того, и второе основание. В архиве бывшего Горного департамента было обнаружено сообщение горного инженера Юрия Яновича Розенфельда о том, что, пробираясь по поручению торговой фирмы Шустова от Охотского побережья к Колыме, он нашел много кварцевых жил золотоносного типа. Пробная промывка поблизости от этих жил, ниже устья Буюнды, дала несколько мелких золотин. Устье Буюнды находится недалеко от устья Среднекана. Таким образом, Билибин и Цареградский, направляясь в эту часть бассейна Колымы, надеялись попасть в самый центр распространения золотоносности и разом проверить все: заявку Поликарпова, сведения Розенфельда и неясные, но очень многообещающие слухи о золоте Бориски.

Чтобы завершить это короткое отступление, следует сказать, что в истории Бориски судьба не упустила случая зло посмеяться.

Тело злосчастного золотоискателя было опущено якутами в выкопанный им шурф и засыпано грунтом из отвала. Двадцать с небольшим лет спустя на этом самом месте вырос прииск Борискин. Однажды снимавший «торфа» приисковый экскаватор подцепил, к ужасу рабочих, в вечномёрзлом грунте труп неизвестного — полностью сохранившегося бородатого человека в изорванной одежде старого покроя. Это оказался все тот же неприкаянный Бориска. Шурф, который он копал перед своей окутанной тайной смертью, находился как раз на краю россыпи...

Вторая попытка

Осень в тот год выдалась на Охотском побережье затяжная. Несмотря на ударившие морозы, настоящего снега не было чуть ли не до конца октября. Цареградский действительно готовился ко второму выезду.

К концу октября все было собрано. Но каюры просили немного подождать, так как снегу еще мало и лед на реке тонок. Оленям трудно тянуть по еле припорошенной земле и камням тяжелые нарты. Кроме того, зимняя дорога прокладывалась в основном по речному льду, которого еще замерзло недостаточно.

— Снег будет, немножко поздно пойдем — немножко рано придем! — поддерживал каюров Макар Захарович Медов.

Однако бежали дни, тянулись недели, а зима все не спешила. Наступил ноябрь. Молодого геолога снова томили нетерпение и тревога за судьбу первого отряда, захватившего с собой мало продовольствия и не имевшего зимней обуви, белья и одежды. Каждое утро, выходя на берег реки, он с досадой следил за быстрым течением, которое никак не поддавалось морозу.

«Выше Ола и ее притоки, наверное, уже покрыты льдом, — думал он, — и толщина его ежедневно растет. А вот сюда, на побережье, зима никак не спустится!»

В середине ноября ему удалось нанять пару собачьих упряжек и отправить часть груза к Бертину. В конце ноября с возвратившимся каюром пришел тревожный ответ Эрнеста Петровича. Разведчик писал, что перебрался на присланных нартах ближе к Эликчанскому перевалу, где прибывшая из Охотска группа рабочих Союззолота начала строить склад-барак для грузов, и что там он увидел собаку Демку из отряда Билибина. Оказывается, страшно отошавший пес прибежал к строителям еще в октябре и с тех пор жил там. Кроме того, писал Бертин, по слухам, Билибин взял с собой на плот проводника-эвена, который до сих пор не вернулся домой. «Боюсь, не случилось ли чего с Юрием Александровичем», — заканчивал он свое письмо.

Встревоженный известием Цареградский подробно расспросил вернувшегося каюра. Он узнал, что охотившиеся в районе Бахапчи эвены действительно нигде не встретили отряда русских и не видели следов его продвижения. Положение усугублялось тем, что собака в самом деле откуда-то прибежала в эликчанский лагерь очень измученная и истощенная.

«Наверное, все русские разбились и утонули на порогах», — решили охотники. Зловещий слух пополз от человека к человеку по окрестностям.

Но Цареградский не мог поверить, что с Юрием Александровичем и его спутниками произошло несчастье. Во-первых, он надеялся на опытность и осторожность Билибина и Раковского; во-вторых, был слишком молод и оптимистичен, чтобы допустить возможность такой непоправимой катастрофы.

В глубине души он был убежден, что все эти дурные слухи основаны на недоразумении. Тем не менее создавшееся положение, конечно, требовало срочных мер к розыску билибинского отряда, если он действительно застрял где-то у порогов на Бахапче.

В тот же день Цареградский распорядился готовить всех — своих и нанятых — оленей и обошел владельцев собак в Оле, уговаривая срочно ехать с ним за перевал. К концу дня ему удалось собрать пять нарт с каюрами. Этого было слишком мало: каждый каюр вез запас сушеной рыбы для своих собак, и для экспедиционной клади места оставалось совсем немного. Вечером выяснилось, что есть еще одна собачья упряжка, но хозяин ее болен.

Выслушав посетителей, старый якут сказал:

— Видишь, я не могу ехать. Если хочешь, возьми нарту, собак, но ищи другого каюра.

— Я сам буду каюрить!

— Собака не пойдет чужой человек, сперва хорошо корми надо!

Со следующего утра началась предотъездная спешка. Оленеводы собирали оленей. Подгонялись нарты, распределялся между ними груз и откармливались в дорогу ездовые собаки. Цареградский тоже кормил собак из упряжки большого якута. Сперва они не подпускали к себе чужого человека, но потом ласковое обращение и сытная еда помогли сломить недоверие. Через день он уже осмелился погладить вожака; на третий день собаки встречали его с меньшей настороженностью во взгляде, а некоторые из них даже лениво помахивали хвостами.

Все эти дни из низко висевших облаков шел обильный снег. Вскоре его намело по колено — установилась настоящая северная зима. В первых числах декабря длинная цепочка из шести собачьих упряжек по десять собак в каждой тронулась из Олы.

Олений транспорт подготовить к этому дню все-таки не удалось, и он должен был выйти вместе с частью оставшихся рабочих несколькими днями позднее. Его возглавлял известный в этих краях старый проводник Михаил Петрович Александров.

Цареградский решил не ждать оленей: он очень спешил к Бахапче, чтобы проверить на месте слухи о билибинском отряде. Собаки бегут быстрее оленей, и они меньше зависят от качества дороги. Макар уверял, что они домчатся до сплавной базы Билибина меньше чем за неделю.

И все-таки путешествие по первопутку оказалось тяжелым. Животным было трудно тащить груженные нарты по глубокому,

непрямому снегу. Поэтому впереди иногда шли на лыжах люди, прокладывая путь. Когда собаки первой упряжки выбивались из сил, они останавливались, отходили в сторону и пропускали вперед все остальные нарты, пристраиваясь в хвост цепочки.

На душе у Цареградского было беспокойно.

«Неужели с Билибиным в самом деле что-то случилось?» — думал он, мерно передвигая широкие охотничьи лыжи или сидя на нарте и погоняя собак. Мимо скользили заснеженные склоны реки. В серое небо вонзались голые верхушки лиственниц. Местами над снегом зеленели густые заросли стланика.

«Нет, не может быть, — в такт шагам, под монотонное повизгивание нартовых полозьев плыли мысли. — Билибин сплавлялся на двух больших плотах. Не могли погибнуть оба плота и все люди на них до последнего. Кто-нибудь да уцелел бы и сообщил о катастрофе».

Через несколько дней тяжелого пути по снежному бездорожью отряд перевалил из бассейна Олы в долину Малтана и вскоре подошел к строящейся перевалочной базе на Эликчане. В тепло натопленном бараче сошлись гости и хозяева. Среди них крутился уже поправившийся Демка и скулил от радости, узнавая старых знакомых. О Билибине никаких сведений и здесь не было.

Беспокойство подгоняло Цареградского. Дав отдохнуть людям и животным всего ночь, он отправился вниз по Малтану. Бертин должен был подождать здесь олений транспорт из Олы и ехать с ним на Среднекан через Буюнду. Таким образом, Цареградский решал две важные задачи сразу: продолжал поиски отряда Билибина и перебрасывал значительную часть экспедиционного груза к месту полевых работ на Среднекане.

Отдохнувшие собаки бежали весело, и еще засветло они спустились к тому месту, откуда в конце августа начала свой путь на плотах группа Билибина. Здесь, на пойменной террасе, среди тополей и ив остались следы от палатки и засыпанное снегом пепелище большого костра. На нескольких больших деревьях светлели еще свежие затески. На одной из них виднелась четкая надпись: «ВКГРЭ¹ начала отсюда сплав по Малтану, Бахапче и Кольме 31 августа 1928 года». Дальше следовали подписи всех участников. На другой затеске оставил свою роспись и Макар Медов. Он с гордостью показал ее сейчас Цареградскому.

Неподалеку от стоянки поднимался крутой и частью обрывистый склон, состоящий из пород светлого, почти белого цвета. Недаром Билибин окрестил это место в своем письме Белогорьем. Это были именно те вулканические отложения, в которых он разыскал отпечатки листьев древних растений и окаменевшие стволы. Цареградский, получив образцы еще в Оле, определил их как верхнемеловые или третичные. Это было первое определение флоры, которая зеленела здесь восемьдесят — сто миллионов лет

¹ Верхнеколымская геологоразведочная экспедиция.

назад, а затем была законсервирована в вулканических пеплах. Толщи подобных лав и пеплов покрывают огромные пространства водораздела Охотского моря и Ледовитого океана. (Именно в таких вулканических породах много лет спустя были обнаружены не дающие россыпей и поэтому не улавливаемые шлиховым опробованием золото-серебряные месторождения, о которых сказано выше.)

Вечером, собравшись в палатке, Цареградский, Казанли и Медов долго обсуждали дальнейшие планы.

Предполагалось спуститься по Малтану до впадения его в Бахапчу, тщательно осматривая берега в поисках остатков крушения, и, если ничего не будет обнаружено, двигаться по Бахапче, а затем вниз по Кольме до Среднекана.

— Мы повторим маршрут Билибина. Если с ними действительно что-нибудь произошло, непременно найдем следы катастрофы.

Такое решение страховало от всяких ошибок и неуверенности. Однако в нем был и серьезный недостаток. Долгий путь вниз по течению трех рек изобилует трудностями: вода на перекатах не вечно замерзала, и местами на них все еще дымятся большие полыньи, а берега рек далеко не везде проходимы.

По рассказам охотников, на Бахапче имеются пороги, у которых река сжата крутыми гранитными скалами.

— Река шибко плохой, — говорил Медов. — Коли Билибин Среднекан нету, он все равно пропал!

Это соображение опытного проводника было, конечно, правильным. Однако Цареградский твердо решил дойти до конца в своих поисках, хотя в душе почему-то был все более уверен, что Билибин со спутниками живы и что возвращение собаки на Эликчан объясняется не гибелью людей, а какой-то другой причиной, которая со временем разъяснится.

На следующее утро они тронулись вниз по замерзшему Малтану. Термометр показывал ниже пятидесяти градусов Цельсия, и полозья нарт резко скрипели в неподвижном воздухе.

Здесь, в горах, вдали от моря, климат был совершенно не похож на ольский. Всего неделю назад Цареградский и его спутники ежились при десяти — пятнадцати градусах мороза, а здесь, к их удивлению, они с большей легкостью переносили сорок, а затем пятьдесят и даже шестьдесят градусов; мерзли только ноги, руки и лицо. Дело объяснялось просто: морозы на побережье всегда бывают с пронзительными ветрами и высокой влажностью воздуха, здесь же, в глубине континента, воздух сух и неподвижен.

Тут же Цареградский отметил и записал в полевой книжке еще одну любопытную особенность: самые низкие температуры его пращевой термометр отмечал на дне долины; по мере подъема по склону красная полоска спиртового термометра поднималась выше. Разница могла достигать трех и даже пяти градусов. Замерзшие рабочие, то и дело хватаясь за носы, шутили: «Полезли наверх греться!»

Это странное обстоятельство объяснялось особенностями передвижения воздуха. Холодная и уплотненная воздушная масса медленно сползала по склонам гор вниз, в долину, а более легкий и относительно теплый воздух вытеснялся кверху.

Спускаясь по долине Малтана, отряд дошел наконец до широкой долины Бахапчи. Вскоре светлые вулканические породы остались позади, и расступившиеся, покрытые лесом склоны состояли теперь из черных и серых глинистых сланцев и песчаников. Очень однообразная по составу и виду толща имела тонкослоистое строение и была смята во время горообразовательных процессов в многочисленные крутые складки. Как выяснилось позднее, эта толща занимает огромное пространства в бассейне Колымы. Именно в подобных породах Билибин обнаружил в районе Охотско-Колымского водораздела юрских иноцерамов.

Дорога оказалась нелегкой. Вернее, никакой дороги не было. Перед путниками простиралась то гладкая, то торосистая снежно-ледяная поверхность замерзшей реки. Она была оторочена зарослями тальника и повторяла изгибы фарватера. К счастью, снега пока скопилось немного — на четверть или две. Лишь местами ветром намело обширные сугробы, и тогда кто-нибудь шел впереди, прощупывая и протаптывая путь. Нарты то ходко скользили по ровной поверхности льда, то осторожно огибали полыньи и торосы или взбирались на берег, петляя между заснеженными кустами и голыми скалами. Прошло больше двух часов. Вершины гор справа от долины стали ослепительно светлыми. Их коснулись лучи позднего зимнего солнца. Все, что ниже вершин, было заштриховано голубыми тенями. Казалось, что и без того крепкий мороз сейчас, с восходом солнца, еще усилился.

Цареградский всматривался в берега, выискивая за каждым поворотом реки хоть какие-нибудь следы человека. Однако, насколько хватал взгляд, долина оставалась пустынной и впереди, и справа, и слева. Никаких признаков близкого жилья или кочевья, никаких указаний на то, что здесь когда-нибудь проходили люди! Лишь редкие узоры куропаточьих следов на девственно белом снегу говорили о том, что и в этой ледяной долине есть жизнь.

Равномерно и, казалось, медленно вслед размеренному мельканию собачьих ног скользили нарты. Макар, ехавший на тех же нартах, что и Цареградский, время от времени поднимал голову и тоже всматривался в долину. Оба молчали. Мороз пробирался под одежду, заставляя ежиться и запахивать ее поплотнее или соскакивать с нарт и согреться на бегу.

Поворот за поворотом оставались позади, а снежный пейзаж не менялся. Но вот за небольшим залесенным островком показался длинный ровный плес, и Цареградский протер рукавицей заиндеветые ресницы. Навстречу как будто двигалась струя тумана, под которой что-то серело.

— Макар, посмотри, кажется, люди? — неуверенно обернулся он к Медову.

— Эвены кочуют, — ответил проводник.

Через несколько минут уже можно было рассмотреть быстро движущиеся навстречу олени нарты. От разгоряченных животных клубился пар, окутавший туманом и нарты, и тех, кто на них сидел.

Обернувшись через плечо, Макар крикнул что-то задним каюрам, и те, покрякивая на собак и тормозя остолом, стали. Остановил своих собак и Медов. Теперь все они ждали у нарт, придерживая собак за потяг и уговаривая их не волноваться.

Ехавший навстречу эвен также придерживал своих оленей, а затем отвернул с ними в сторону, чтобы не столкнуться с собачьими упряжками.

Передав свой остол, Макар подошел к встречному. Вскоре он помахал рукой.

— Вот он говорит, — сказал он подошедшему Цареградскому, — русских сам не встретил. Однако охотники из Таскана видели шесть русских, два плота на Колыме у Среднекана.

— Когда это было?!

— Осенью, еще снег не шел.

— А что они там делали?

Макар еще поговорил с эвеном.

— Груз сняли, две ночи ночевали на Колыме, а потом взяли, сколько могли, вещи и пошли вверх по Среднекану.

Итак, внутреннее убеждение не обмануло: Билибин и его спутники не утонули! Но вдруг здесь какая-нибудь неточность или эвен что-нибудь путает? Цареградский предложил сделать небольшую остановку и попить чаю. Он надеялся услышать какие-нибудь новые подробности о своих товарищах. В тепле и за чаем эвен мог оказаться более разговорчивым.

Быстро привязали собак, растянули палатку, покрыли в ней снег ветками лиственницы, разожгли печурку, натаяли в котелке снег и в ожидании чая снова принялись расспрашивать эвена. Однако он мог лишь повторить уже известное. Ни примет русских на Среднекане, ни тем более их имен он не знал.

За чаем выяснилось, что эвен едет в долину реки Талой, где находится его кочевье; эта река никогда не замерзает из-за вливающих в нее горячих источников.

— Очень горячей вода, — рассказывал он, — из земли, как кипятки, идет. Пей нельзя, надо подожди, пока немного холодный будет.

Цареградский впервые услышал об этом источнике и решил посетить его при первой возможности. Пока Макар, Казанли, каюры и их гость с наслаждением тянули обжигающе горячий и крепкий чай, он размышлял, следует ли им продолжать эту трудную и долгую поездку вдоль рек, раз прямая надобность в ней отпала. Ведь Билибин не погиб. Следы его обнаружены на Среднекане. Следовательно, и ему нужно поспешить туда же, и притом по самому короткому пути — через перевалы.

— Товарищи, — сказал он после чаепития, — раз с Билибиным все в порядке, нам незачем ехать кружным путем по Бахапче. Сейчас возвратимся на Эликчан.

По уже проторенной дороге собаки бежали гораздо веселее. Но вечером произошло неожиданное. Перед сном к нему в палатку пришли Медов и все остальные каюры.

— Собачкам корму мало, — сказал Медов. — Ты взял много груз экспедиции. Вот они говорят, собачки помирай будут. Что делать станем?

— Как что делать? Придем на Среднекан, они вернутся обратно в Олу.

— Нет. Юколы совсем мало осталось, обратно дорогу не хватит, — решительно заявил проводник. — Люди помирай, собаки помирай. Так нельзя!

— Что же делать? — растерялся при этом неожиданном обороте событий Цареградский. — Я не могу отпустить вас с полдороги. Ты же знаешь, Макар, как мне необходимо поскорее попасть на Среднекан!

— Поедешь на оленях, — невозмутимо продолжал Медов. — Сейчас придет Михаил, тридцать нарты. Олени ничего не боись, корм сами под снегом берут. Все твой вещи Михаил однако хорошо везет.

Действительно, большой олений транспорт Александрова должен был пройти через Эликчан в ближайшие дни. Он вышел из Олы дня через два после них и, следовательно, был уже на подходе. Но все-таки Цареградскому очень не хотелось расставаться с собаками.

— Но как же вы, товарищи, так плохо рассчитали с кормом? — обратился он к сидевшим на корточках каюрам. — Ведь договаривались же ехать до Среднекана! А если бы мы вчера не встретили кочевника? Ехали бы?

Каюры все разом зашумели.

— Они говори, — перевел Макар, — поехали помогать. Сейчас Билибин помогать не надо. Все хорошо. Зачем собаки пропадай, коли не надо!

В рассуждениях якутов была логика. Они отправились в дальний путь из человеколюбия и по чрезвычайным обстоятельствам. На том же основании они взяли с собой голодный паек сушеной рыбы — юколы, перегрузив нарты продовольствием и одеждой для билибинского отряда. Сейчас тревога рассеялась. Зачем же рисковать жизнью собак, а может быть и людей? Цареградский согласился с этим. Повеселевшие каюры пошли спать.

Через несколько дней действительно подошел олений транспорт, и Цареградский вместе с Казанли и рабочими выехал на Среднекан. Это и в самом деле оказался более надежный, хотя и менее быстрый способ передвижения.

Днем раньше, с первой партией оленей, вышли к Среднекану Бертин и доктор Переяслов.

Кипящий источник

Путь вел сперва по Малтану. Ближе к вечеру сильно растянувшаяся оленья цепочка свернула в небольшой правый приток и, перевалив через очень крутой и узкий гребень, спустилась в один из притоков реки Талой. Вскоре они уже ехали по довольно широкой и плоской долине. Талая резко отличалась от всех других рек этого района. Посередине реки дымилась не схваченные морозом большие участки воды. Они резко чернели на снежном фоне и казались удивительными при пятидесятиградусном морозе. Над рекой высоко поднимался, слегка колеблясь под ветром, густой туман.

— Горячий вода! — сказал, указывая рукою вдаль, Александров.

— Где вода, далеко? — спросил Цареградский.

— Нет, скоро приедем.

В сумерках они остановились на ночевку, так, впрочем, и не добравшись до места.

Вечером за ужином Александров объявил, что здесь будет дневка и отдых оленям.

Оказывается, он всегда останавливался у Тальского минерального источника по пути из Олы на Колыму, куда ежегодно возил муку, соль и другие продукты местным жителям.

— Руки боли, ноги боли, — говорил он, показывая суставы. — Горячий вода очень хорошо помогай!

Дальше выяснилось, что он не только принимал горячие ванны, но и брал оттуда минеральную грязь, которую затем прикладывал дома к больным суставам.

Известие об источнике заинтересовало Цареградского. Вулканическая обстановка, о которой можно было судить по белым туфам и лавам на крутых склонах долины, вполне допускала появление горячих вод. Ему очень хотелось увидеть, как раз в дни лютых морозов, бьющую из недр, нагретую вулканическим теплом воду.

Утром на трех нартах они выехали к источнику, прихватив с собой лыжи, запас еды и палатку. Источник находился примерно в трех километрах от лагеря, за небольшой ледниковой мореной.

Уже издали Цареградский увидел, что они приближаются к какому-то необыкновенному месту. Прежде всего поразителен был сам ручей, вдоль которого они ехали. Он был живой и бурлил, как летом. Прозрачная, как темное стекло, вода скакала с камня на камень и весело шумела. Померещились даже темные плавники

метнувшихся в сторону хариусов. Он попробовал воду рукой. Разумеется, холодная, но все же теплее окружающего воздуха градусов на сорок—сорок пять!

Однако всего удивительнее в этом пейзаже выглядели деревья. Незамерзший ручей и горячая вода, которая просачивалась через галечник, сильно парили. Все кусты и деревья вокруг были покрыты толстым слоем инея. Блестевшие и искривленные под северным солнцем снежные кристаллики сцеплялись в гроздья, нити и шапки. Они тонким кружевом окутывали стволы и веточки, спускались гирляндами по травинкам, причудливыми фестонами поднимались по нависшим над водой корням. Самое пылкое воображение не могло бы представить себе это причудливое богатство форм и переливы нежнейших красок.

Цареградский, уже баловавшийся к тому времени акварелью (позднее это перейдет в серьезное увлечение живописью), остановился, восхищенный удивительным зрелищем.

—И вся эта сказка создана водяными парами!— подумал он вслух.

—Что говоришь?— спросил Александров.

—Ничего. Я говорю, далеко ли идти?

—Нет, совсем близко!

Вскоре они были у знаменитого сейчас в Сибири Тальского минерального источника. Там, где в наши дни возвышаются многоэтажные корпуса санатория, шумит электростанция, сверкают бесчисленные стекла ваннх зданий и теплиц, тогда простиралась пустынная тайга.

Вдоль маленького ручейка, впадающего в реку Талую, Цареградский увидел несколько выходов (геологи называют их грифонами) сильно газированной, бурлящей, горячей минеральной воды. Самая низкая температура (тридцать—тридцать пять градусов) была в нижнем грифоне, самая высокая (больше восьмидесяти градусов)— в верхнем. Он был осторожен и не стал пробовать воду на ощупь, а предварительно измерял температуру термометром, так как знал, что может иметь дело с кипятком.

Александров кое-как объяснил ему, что несколько лет назад здесь заживо сварился один эвен. Несчастный также приехал лечиться от ревматизма и неосторожно полез в естественный бассейн с самой горячей водой. Видимо, он сразу потерял сознание от ожога и удушливого запаха сероводорода. Через некоторое время такие же, как и он, «курортники» нашли начисто отмытый скелет, все еще лежавший на дне минерального бассейна. Несчастную жертву собственной неосторожности похоронили здесь же, на берегу.

Над выходами Тальского источника стояла предшественница современного санатория— крохотная избушка. Это был плосковерхий сруб, в котором к одной стене прислонились короткие нары, а к другой— маленький столик с двумя пнями лиственницы вместо стульев.

Александров с помощью младшего сына натянул палатку над средним, искусственно углубленным грифоном. Воздух в палатке быстро нагрелся горячим паром, и она вздулась пузырем. Затем старый якут разделся и полез в воду. Он вытянулся на дне бассейна, зарыв искривленные ревматизмом ступни и кисти рук в тяжелую синеватую глину, которая покрывала все дно минерального ручья. Это была та самая целебная глина, ради которой он главным образом и ездил ежегодно на Тальский источник.

Цареградский измерил температуру воды: тридцать восемь градусов. Тело старика быстро покраснело, кожа покрылась мелкими бисеринками газовых пузырьков, а глаза сделались блаженными.

— Долго нельзя!— строго сказал геолог, указывая на воду.

— Нет, долго сиди надо!— возразил якут.

Он вытащил руки из грязи, отмыл их и стал пригоршнями зачерпывать горячую воду. Он лил ее себе на голову и пил, пофыркивая и отдуваясь.

Цареградский отошел ко второму грифону, набрал кружкой воды и попробовал. Вода сильно отдавала сероводородом, но была почти безвкусной. Он еще не знал, что Тальский горячий источник слабо минерализован, но содержит радон и сероводородный газ, которые и являются главной причиной его высоких целебных свойств.

Позвав на помощь молодого Александрова, он распаковал рюкзак с бутылками и набрал пробы воды и газов. Набрать пробу воды нетрудно. Он сделал это в самом горячем грифоне, полагая, что именно здесь источник наименее разбавлен грунтовой водой. Но вот с газом дело сложнее: никаких полагающихся для этого приспособлений не имелось, а газ был нестерпимо горяч.

Но выход найден. Он укрепил наполненную минеральной водой бутылку между связанными палками от лыж, подвел ее к бурлящей струе газа и прямо над ней перевернул вверх дном. Пузырь за пузырем газ стал вытеснять воду из бутылки. Самым трудным оказалось закупорить бутылку: ведь сделать это нужно было под водой, которая по своей температуре не так уж сильно отличалась от кипятка. Он осторожно подвел весь свой «прибор» с наполненной газом бутылкой к самому дальнему краю бассейна и, попросив молодого якута кинуть туда большой ком снега, сунул руки в похолодевшую воду и заткнул бутылку пробкой.

Потом он залил обе бутылки сургучом, наклеил на них этикетки и опрокинутыми сунул в рюкзак. Это были первые пробы с Тальского источника— теперешней всеколымской здравницы «Талая».

На все эти процедуры ушло не меньше часа, а старик все еще сидел в своей «ванне» и время от времени убагаторенно говорил:

— Хорошо, шибко хорошо!

В конце концов Цареградский чуть ли не силой заставил его выйти из воды. Разумеется, теперь не могло быть и речи о

возвращении в лагерь. Александров еле держался на ногах от охватившей его слабости и, поддерживаемый сыновьями, с трудом добрался до избушки на террасе. Здесь и пришлось им кое-как переночевать. Старика уложили на нары, а Цареградский с младшим Александровым прикорнули у разожженного камелька.

И все же, несмотря на все неудобства этой ночи, он запомнил ее на всю жизнь. С приближением сумерек мороз стал крепчать, а от горячего ручья поднимались все более густые облака пара. Они медленно таяли в застоявшемся воздухе и оборачивались то в каких-то невиданных зверей, то в шевелящих своими белыми лохмотьями макбетовских ведьм, то в невесты что еще! Ночью где-то с треском лопались деревья, от минерального ручья ползли какие-то шорохи, бульканье и гуденье. Словом, ночь была фантастической, и он очень хорошо понял, почему якуты и эвены считают, что целебные источники охраняются специально приставленными к ним духами. Впрочем, старик Александров сказал, что, если не осквернить источника нечистотами, пьянством или дурным словом, охраняющий его дух не причинит никакого вреда.

Рано утром старик набрал в брезентовую торбу синей целебной глины, наскоро еще раз искупался в горячей воде, и они возвратились в лагерь. Остаток дня им пришлось простоять на месте, так как до вечера они бы недалеко ушли.

— Ничего, завтра много пойдем! — утешал Александров.

Среди колымских снегов

Отдохнувшие за дневку олени бодро потащили нарты. Длинный транспорт, извиваясь между неровностями высокой террасы, тронулся дальше. Мороз перевалил за пятьдесят. На мордах оленей, на кухлянках, на усах и на ресницах у людей быстро оседал густой иней. Ледяные корочки мешали следить за дорогой, и Цареградский время от времени пальцами сбрасывал их с ресниц. Пока мороз не пробрал до костей, он сидел на нартах и вглядывался в пейзаж, а затем соскочил и, приладив лыжи, побежал догонять хвост каравана.

Тянувшаяся внизу река была сначала окутана почти непрозрачной пеленой пара. Иногда сквозь прорывы в этих облаках была видна темная поверхность воды. Вскоре, однако, пар сделался менее плотным, а затем и вовсе исчез. Непреодолимая сила мороза взяла свое, и температура речной воды упала. Теперь окружающая местность уже ничем не отличалась от обычного для зимы колымского ландшафта. Цепочка людей и оленей терялась среди заснеженных гор и мертвых долин, которые медленно разворачивали перед путниками свою бесконечную белую простыню.

Впрочем, местами утомляющее глаз снежное однообразие нарушалось бурыми скалами, которые в виде крутых уступов поднимались над долиной. Это были красные граниты с очень крупными кристаллами светлого полевого шпата. Местами на обрывах четко выделялись разрезающие их жилы кварца. В особенно интересных местах Цареградский ненадолго задерживал транспорт и, пока каюры курили и подправляли упряжь, отбивал образцы и делал необходимые замеры горным компасом. Тот, кому приходилось на таком морозе иметь дело с металлическими предметами, знает, как это мучительно. Толстые меховые рукавицы не позволяют откручивать и закручивать маленькие винтики, и драгоценный для геолога компас вот-вот может выскользнуть из неловкой пятерни и разбиться о камни. Приходится снимать рукавицу и брать жгуче-холодный металл голой рукой. Опасаясь отморозить себе пальцы, он, однако, скоро приспособился, скидывая только рукавицы, но не поддетые под них шерстяные перчатки.

Уже к концу дня ущелье Талой сильно раздвинулось, гранитные скалы исчезли, а белые склоны гор сделались гораздо более пологими. Ходко скользившие нарты приближались к широко раскинувшейся долине Буюнды. Один из крупнейших правых

притоков Колымы уходил далеко на северо-восток, врезааясь своим течением в самое сердце Колымского нагорья. Когда на следующее утро олени неспешным, но размашистым шагом вышли на буюндинскую тропу, перед путниками оказалась уходящая за горизонт белая, испещренная тонкими черточками голых лиственниц равнина поймы. Далеко в стороне виднелись склоны долины, которые казались отсюда менее высокими и крутыми, чем были на самом деле. Долина уходила вниз на многие сотни километров, раздвинувшись в стороны не меньше чем на десяток километров.

Сердце Цареградского невольно сжалось при виде этой беспредельности. Может ли крохотная горсточка людей покорить такие необозримые пространства? Хватит ли у них знаний и таланта, чтобы разгадать их тайны и разыскать их богатства? Достанет ли, наконец, у них мужества, чтобы выдержать все трудности и противостоят неудачам?

В широкой долине Буюнды снега было меньше, чем на Талой и особенно на Охотском склоне. Олений транспорт относительно легко и быстро продвигался к северу. Местами попадались хорошо сохранившиеся следы прошедших недавно нарт, и олени ускоряли на проторенных участках свой бег. Поспеть за ними на таком ходу было трудно, и люди ехали на нартах, пока мороз опять не сгонял их на снег.

Потянулись похожие друг на друга дни. Тропа то ниткой тянулась по заснеженной пойменной равнине, на которой торчали редкие скелеты деревьев, то взбиралась на белую, как скатерть, террасу или поднималась еще выше — к склонам гор, откуда открывалась широкая перспектива бледнеющих вдали горных цепей. Белыми были горы, белела под ногами долина, белесым чаще всего было и нависшее над головой небо. К полудню, когда рассеивался морозный утренний туман, над горами показывалось низкое солнце, такое тусклое, что на него можно было смотреть не прищуриваясь. В особенно морозные и безветренные дни вокруг солнца появлялись радужные круги, ограниченные вертикальными световыми столбами. Однажды путники увидели вместо столбов два ложных солнца. Они были поменьше настоящего, но почти не отличались от него яркостью. Так в течение получаса окутанный паром от оленьего и человеческого дыхания караван скользил по долине, освещаемый тремя солнцами.

Когда надвигались ранние сумерки, Александров останавливал переднюю нарту и под гортанные окрики каюров растянувшийся транспорт подтягивался к выбранной им снежной площадке. Все якуты и эвены с детства приучены к подобным путешествиям, и каждый каюр без напоминания и распоряжений быстро делал свое дело. Одни разбивали на утоптанном снегу палатки, другие рубили и сносили к лагерю дрова, третьи распрягали оленей, четвертые заготавливали мягкие ветки лиственницы — подложить под постели или оттаивали снег для чая. Каждому было чем заняться, и каждый исполнял свои обязанности быстро, молча и без лишней

суеты. Цареградский не сразу нашел свое место в этом бивачном распорядке и пытался помогать то одному, то другому, то третьему. Но потом он вошел в однообразный ритм путешествия и помимо своих записей взял на себя заботы о чае. Когда палатки были разбиты и печи в них растоплены, все собирались в большую палатку каюров, где уже кипел, постукивая крышкой, большой чайник с дочерна заваренным чаем. Казанли вынимал из вьючного ящика две кружки, каюры доставали свою посуду, и начиналось долгое вечернее чаепитие, за которым следовал более поздний и основательный ужин.

Местами тропа подходила к обрывистым черным склонам, на которых не держался снег, и тогда было видно, что геологическая обстановка резко изменилась. Светлые вулканические породы и красные граниты остались далеко позади, в долине Талой. Покрытые редким лесом склоны состояли теперь из черных и серых глинистых сланцев и песчаников. Очень однообразная по виду толща отличалась тонкослоистым строением и была смята во время горообразовательных процессов в многочисленные крупные складки. Как выяснилось позже, точно такие же породы Билибин наблюдал и намного западнее, в долине Бахапчи. В подобной же толще он обнаружил в районе Охотско-Колымского водораздела юрских иноцерамов. Так мало-помалу выяснилось геологическое строение этой обширной горной области и очерчивались контуры когда-то, более ста миллионов лет назад, шумевшего здесь моря.

Монотонно-серые глинистые сланцы и песчаники уходящими одна за другой складками тянулись по склонам Буюнды к далекой Колыме. Однажды, осматривая очередное обнажение, Цареградский натолкнулся на многочисленные отпечатки окаменевшего тонкоробристого двустворчатого моллюска.

— Если я не ошибаюсь, — сказал он Казанли, — это верхнетриловый «псевдомонотис». Если это так, мы углубляемся в историю Колымы еще на сотню миллионов лет.

(Позднее оказалось, что полевое определение было верным, хотя именно обнаруженный здесь вид оказался новым и поэтому получил собственное наименование «псевдомонотис охотика».)

По мере того как отряд продвигался на север морозы все усиливались, спиртовой столбик термометра опускался на восходе солнца до шестидесяти градусов. Над долиной Буюнды сгустились плотные туманы, которые медленно рассеивались лишь ко второй половине дня. В воздухе повисала тонкая взвесь из мельчайших ледяных кристалликов, которые, преломляя солнечные лучи, порождали нечто похожее на зимнюю радуго. Воздух, если его слегка выдували сквозь сложенные трубочкой губы, трещал, как разрываемый шелк.

— Почему это происходит? — спросил Казанли, которому еще не приходилось иметь дело с поющим воздухом. Он на момент задержал дыхание, а затем осторожно подул; раздался совершенно отчетливый, быстро замирающий треск.

— Так бывает только при температуре ниже пятидесяти градусов,— пояснил Цареградский.— Северяне по этому признаку даже определяют, насколько силен мороз. Если воздух не шуршит, значит, тепло. Скорее всего это трещат, ударяясь друг о друга, крошечные льдинки, которые мгновенно образуются из выдыхаемого водяного пара. При меньших морозах капельки влаги застывают не сразу и, рассеявшись в воздухе, кристаллики льда уже не сталкиваются друг с другом и потому не шуршат.

Через четыре дня караван спустился по Буюнде до устья реки Гербы. Отсюда ему предстояло свернуть налево, к перевалу, который вел из долины Буюнды в долину Среднекана.

Путь к перевалу шел сперва по Гербе, а затем по ее притоку Сулухучану, откуда тропа спускалась в верховья Среднекана. Там, близ устья этой золотиносной реки, их ждут товарищи, деревянный, а не брезентовый дом и отдых после долгого и трудного пути.

— Такой холодный зима барак лучше, чем палатка!— сказал Александров. Эту мысль разделяли все, так как ночевки в быстро промерзающих палатках при трескучих декабрьских морозах были все-таки мучительны.

Однако даже на Крайнем Севере погода может быть капризной. Когда караван свернул в Сулухучан, небо вдруг заволочло тучами. С юга подул сильный и теплый ветер — столбик термометра сразу подскочил на тридцать градусов.

— Кажется, пахнет большой непогодой,— сказал Цареградский.— Нужно бы устроиться на ночлег пораньше и выбрать место с хорошим лесом.

— Неужели можем застрять?— с тревогой спросил Казанли.

— Я слышал, что потепление в этих краях всегда заканчивается пургой. Но она может и миновать нас. Все зависит от направления ветра.

Однако сбылись самые худшие ожидания. Ветер крепчал с каждым часом. Вскоре он достиг такой силы, что двигаться дальше стало невозможно. Вдоль долины неслись тучи снега, которые мешали идти, залепляли глаза и морды животным и снизили видимость до десяти, а в сильные порывы даже до пяти метров. Олени и люди сгрудились на заросшей тощими лиственницами террасе и топтались на месте, не видя пути и боясь отбиться от общей кучи. Цареградскому еще не приходилось попадать в пургу такой силы. Напор воздуха был столь велик, что нужно было сопротивляться, чтобы не покатиться по ветру.

— Дальше ходи нельзя, здесь стоять будем!— прокричал ему в ухо Александров.

Но разбить лагерь в такую пургу оказалось еще труднее, чем выстоять на ногах. Задыхаясь от забивавшего глотку ветра и снега, хватаясь за вырывавшиеся из рук оттяжки и полотнища, люди с величайшим трудом кое-как поставили палатки. Они окружили их тяжелыми нартами, придавив грузом не только концы оттяжек, но

и самые края плохо натянутых скатов. И все-таки палатки издувались пузырем и готовы были вот-вот сорваться с места и улететь в бушующую бездну.

Проваливаясь по брюхо в рыхлом снегу, олени направились к ближайшему склону горы и скоро скрылись за снежной пеленой. О том, чтобы поставить, а тем более разжечь печки, не могло быть и речи. Ветер с такой силой крутил у палаток, что он сразу ворвался бы в трубу и задул огонь или, еще хуже, наделал бы пожара. Впрочем, людям было не до печек. Они сбились в большой палатке и, подперев собой стенки, не давали буре взвить свое жилище к облакам. В палатке все-таки можно отдышаться и закурить.

Цареградский зажег папироску и прислушался. За вздувающимся и опадающим брезентом стоял могучий гул. Это несся по ущелью прилетевший с океанских просторов ветер. Временами ухо различало в ровном гуле то пронзительные высвисты, то низкое, напоминающее рев паровой сирены завывание.

— Такой плохой погода олень далеко не пойдит!— спокойно сказал, попыхивая трубкой, один из каюров.

Они курили ужасающе крепкий зеленый самосад, и вскоре в палатке сделалось душно от спертости и прокуренного воздуха. Лавируя между сидящими, Цареградский вылез наружу. Ветер сразу чуть не свалил его с ног. Только обернувшись спиной к буре, можно было устоять на ногах и оглядеться.

Смеркалось. Кажется, ураган еще усилился. Не только небо, но даже верхушки близких лиственниц скрыты массой взвившегося снега. Край террасы не виден вовсе, хотя лагерь разбит не дальше тридцати метров от обрыва.

Вместе с тем нисколько не страшно. Наоборот, приплясывающий и буйствующий ветер вызывает бодрость и что-то вроде задора. Хочется раскинуть руки, как крылья, и нестись вместе с ветром на север.

С той же неизвестно откуда берущейся силой пурга продолжалась всю ночь. Люди жались друг к другу, не имея возможности ни разжечь огня, ни согреть воды. Вечером они пожевали всухомятку сухарей и потом в промежутках между тяжелым забытием курили. Во рту было горько и противно.

Утром ветер приутих, но не прекратился. Вместо стремительно летящей упругой массы воздух налетал теперь шквалами то с одной, то с другой стороны.

Олени уже давно разбрелись по отдаленному склону горы и копытами выбивали из-под снега ягель.

— Может, поедим?— Казанли неуверенно показал в сторону перевала.

— По-моему, рановато,— ответил Цареградский.— Каюры не смогут на таком ветру собрать оленей и погрузить нарты. А перевал, кажется, трудный.

— Иди нельзя!— решительно сказал проводник.— Завтра пойдим!

К полудню путешественники уже смогли как следует натянуть палатки, нарубили дров, поставили и растопили печи, наварили чаю (прежде всего чаю!) и мяса. Потом, плотно поев, они со всеми возможными удобствами устроились на отдых.

—Черт возьми!—вдруг хлопнул себя по лбу Цареградский.—Ведь завтра Новый год!

Действительно, в монотонном однообразии зимнего пути по Буюнде он сбился со счета дней, а в напряженной борьбе со вчерашней пургой и вовсе забыл о течении времени. Только сейчас, расположившись с записной книжкой перед свечой, он восстановил порядок чисел и сообразил, что подошел канун 1929 года.

Пришлось опять вылезать из маленькой палатки, которую он занимал с Казанли, идти в палатку каюров и снимать с нарта с помощью Александра ящик со спиртом.

Через полчаса все путешественники чокнулись кружками с небольшой дозой разведенного спирта и, закусив разогретыми мясными консервами и печеньем, пожелали друг другу успехов.

База в Среднекане

Проснувшись рано утром, Цареградский поразился тишине. Откинув полость, он вышел и с наслаждением потянулся.

— Как хорошо!

На быстро светлеющем небе плыли легкие, разорванные облака. В том месте, где должно было бы появиться солнце, разгоралось зарево. В воздухе ощущалась резкая перемена. Термометр уже показывал сорок пять ниже нуля, и красный столбик продолжал быстро опускаться. Непогода кончилась.

Отдохнувший за время бури отряд бодро вышел с этого памятного места. Впереди четко рисовался на бледно-зеленоватом небе перевал на Среднекан. Снег скрыл все неровности, и отсюда казалось, что подъем будет длинным и пологим. На самом водоразделе черточками и точками выглядывали из-под снега темные скалы.

Подъем на перевал был и в самом деле пологим, но не легким. Пурга нанесла из нижней части ущелья громадное количество снега. Людям приходилось протаптывать путь каравану, и он медленно поднимался к скалам на водоразделе. Чем ближе, тем скалы все выше вырастали над снегом и к полудню превратились в громадные причудливые нагромождения. Они напоминали то руины замков, то изваяния невиданных зверей. Это останцы разрушенного массива гранитов. Скалы простояли на водоразделе тысячелетия, и еще очень нескоро время сотрет их с лица Земли.

Глубокие снега сильно задержали транспорт, к сумеркам отряд успел лишь перевалить в долину Среднекана и идти до ближайшего леса. К этому времени зима окончательно отвоела свои права, и температура понизилась до пятидесяти градусов. Однако мысль о том, что они близки к цели, согревала душу.

— К вечеру придем, к вечеру придем,—радостно напевал Казанли.

Однако им пришлось заночевать еще раз. Александров считал, что прибывать на новое место к вечеру нельзя: плохая примета. Всякое новое дело нужно начинать с утра: утренняя встреча мудренее вечерней! Поэтому, когда они спустились по Среднекану приблизительно на тридцать километров, он остановился, воткнул в снег свою палку и сказал:

— Здесь будем спать!

Цареградскому не терпелось поскорее дойти до места. Ему казалось, что на горизонте горы раздвигаются и там должна бы

быть долина Колымы (так оно на самом деле потом и оказалось), но он не был в этом уверен и потому безропотно подчинился проводнику.

Утром, едва они тронулись в путь и прошли пять-шесть километров, ехавший впереди проводник показал на четко видную на снегу лыжню и воскликнул:

— Люди ходи!

Человек, по-видимому, шел снизу по долине Среднекана и свернул направо, в небольшой левый его приток. Александров завернул своих оленей по тому же пути, и через несколько минут они увидели глубоко врезающуюся в снег колею. В семи-восьми километрах выше устья этого притока, названного Безымянным, показался дым среднеканской базы.

У края шумного летом, а теперь насквозь промерзшего ручья на трехметровой террасе стоял небольшой плоскокрыший барак, срубленный из толстых лиственниц, проложенных ягелем и перекрытых накатником. Небольшие окна затянуты вместо стекла сильно обмерзшей белой бязью. Из выведенной коленом трубы вьется гостеприимный дымок. Это и было жилище, построенное Билибиным.

Опередивший оленей Цареградский увидел, что перед домом над чем-то копошатся сидящие на корточках люди. Тут же стояла подпираемая деревянными распорками палатка — склад снаряжения. Люди заметили приближающийся транспорт и поднялись, всматриваясь: свои ли?

— Юрий Александрович, наши приехали! — радостно закричал молодой парень с засученными по локоть рукавами ватника.

Перед ним густым паром дымился оцинкованный таз с горячей водой, в которой лежал кусок рыжей конской шкуры. Двое рабочих только что оскабливали ее блестящими охотничьими ножами.

— Валентин, наконец-то! — навстречу Цареградскому бросился выскочивший из барака Билибин. — Слава богу! Мы уже черт те что передумали. Ну, здравствуй, черт полосатый!

— Здравствуй, Юрий! — Цареградский протянул обе руки. — Мы уж второй раз из Олы выходим, в первый раз ничего не вышло!

Они обнялись.

— Товарищи, — крикнул Билибин, — помогайте разгружать!

— Здравствуйте, друзья! — Он протянул руку Казанли и Александрову. — Добро пожаловать!

— Что это у вас такое? — спросил Цареградский, показывая на таз с конской шкурой.

— Обед... Если бы вы не приехали, нам предстояло бы есть похлебку из лошадиной шкуры. Ну, а теперь, братцы, — весело крикнул он, направляясь к бараку, — голодовке объявляется конец!

— Неужели голодали?!

— Все начисто съели, — ответил Билибин. — Постреляли всех белок, куропаток и даже кедровок в округе. Покончили с кониной, а

вчера впервые попробовали студень из конской шкуры. Дрянь, скажу я тебе, порядочная!

— Вовремя мы поспели!

— Да уж куда лучше; прямо как у Джека Лондона — избавление в последний момент!

Несмотря на яркий снежный день, в бараке стоял полумрак. Полотняные окна покрылись слоем льда толщиной в два пальца, и день скупно сочился через них, освещая то край грубо обтесанного стола с эмальированными кружками и стопкой книг, то длинный ряд нар, покрытых слоем веток, сена и оленьими шкурами, поверх которых рядами вытянулись спальные мешки.

— Разместимся ли? — озабоченно спросил Цареградский, пройдясь по помещению.

— Ничего. Первое время потеснимся. Потом Раковский закончит шурфовку* Безымянного и переберется со своими рабочими в долину Среднекана. Да и Бертина пошлем с группой рабочих в Правый Среднекан. Вот и хватит вам места. Теперь, раз у нас появились одежда и продукты, мы развернемся вовсю!

— Неужели продолжали работать на голодном пайке?

— А как же? Конечно, работали! Помалу, но работали. Иначе нельзя, цинга одолеет. Ребята сперва хотели бастовать, а потом сами убедились, что лежать хуже. Только последние две недели отменил шурфовку.

В это время в барак стали заносить ящики с продовольствием. Изголодавшиеся билибинцы восхищенно ахали при виде ящиков со сливочным маслом, макаронами, мясными консервами, сахаром, чаем, конфетами и сгущенным молоком. Они бегом таскали мешки с мукой и крупами. Один ящик, со спиртом в бутылках, внесли с особой осторожностью. Билибин тут же распорядился отнести его к изголовью своего грубо сколоченного топчана, который стоял в дальнем углу барака.

Наконец все нарты и вьюки были разобраны, а груз внесен в помещение. Дежурные, которые недавно возились у барака с лошадиной шкурой, с удовольствием отшвырнули ее в сторону и, распечатав ящик с макаронами и мясной тушенкой, принялись за приготовление настоящего обеда.

Через час длинный стол был еще надставлен ящиками, посередине водружено ведро с дымящейся густой похлебкой, а на обоих концах стола стояло по бутылке со спиртом и по чайнику с холодной водой.

— Итак, за радостную встречу! — поднял свою кружку с разведенным спиртом Билибин. — За встречу и большие успехи в будущем!

— За встречу, верную дружбу и Золотую Колыму! — воскликнул Цареградский. — Только найдя здесь золото, мы оправдаем возлагаемые на нас надежды!

— Я уже нашел золото! — отозвался со своего места Раковский. Он еще не выпил своей порции, но его подвижное худое лицо с

длинным носом и впалыми щеками уже раскраснелось от вкусного запаха варена и крепкого спиртного духа.

— Это еще не настоящее золото, Сергей,— прервал его Билибин.— Мы должны найти здесь более богатые россыпи!

Его красивое лицо с четким профилем и высоким гладким лбом тоже порозовело, а светло-серые глаза, которые всегда казались холодными, сейчас сияли мягким блеском.

— Держу пари, что мы найдем такое золото! — продолжал он и, залпом опрокинув свой спирт, спешно запил его холодной водой. Затем он шумно выдохнул воздух и со стуком поставил кружку на стол.

Все рассмеялись. Привычка Билибина заключать пари и его любовь их выигрывать были общеизвестны. Этот с виду жесткий и сдержанный человек на самом деле скрывал в себе много увлеченности и самобытной непосредственности.

(Во многом схожие с Цареградским, а в чем-то и разные, они оба горели страстью к неизведанному. Именно это упорное стремление при совершенной готовности к жертве было залогом их успеха. Билибин, воплощенный теоретик, и Цареградский, более склонявшийся к практике,— впоследствии он также увлекся чистой теорией и «улетел» в безвоздушное пространство космогонии — идеально дополняли друг друга. Пожалуй, самой замечательной чертой их обоих было безошибочное умение окружать себя воодушевленными помощниками. Оба были талантливы, а потому терпимы к проявлению таланта у других. Всякое чувство зависти и страха перед чужими успехами было вовсе чуждо этим выдающимся людям. Теперь, когда они объединились, им обоим вместе и каждому порознь еще приходилось испытывать сомнения и тайный страх перед будущим — до тех пор, пока превзошедший все ожидания успех не увенчал славой эти две головы.)

Послеобеденный вечер на среднеканской базе прошел для участников экспедиции по-разному: одни возились с разборкой и размещением ящиков, другие прилаживались к своему новому жилью, третьи завалились переваривать необычно сытный обед, а четвертые весело играли в дурачка.

Билибин и Цареградский уселись в дальнем углу барака и, прикрепив оплывающую свечу к пустому ящику из-под папирос, занялись экспедиционными делами. Цареградский подробно рассказал о том, что происходило в эти месяцы в Оле, о своем неудачном выходе сюда в сентябре, о возвращении и втором путешествии по зимнему снегу, о неудачных поисковых работах на золото в верховьях Олы, которые проводил Бертин, о найденной фауне и о Тальском источнике — словом, обо всем, что произошло с ним самим и его отрядом с того памятного дня, когда они растались за околицей Олы. В свою очередь Билибин рассказал о полном неожиданных опасностей путешествии на плотках, об аварии, которая произошла с одним из плотов на порогах Бахапчи, о постройке нового плота и о сплаве по Колыме, о встречах с

икутами, о рассказах про Бориску, о прибытии сюда, на Среднекан, о постройке барака, о результатах шурфовки ключа Безымянного, о голоде — обо всем, что произошло с его отрядом здесь, в самом сердце Колымского края, пока они так долго, мучаясь беспокойством и сомнениями, ждали Цареградского.

Далеко за полночь продолжалась их беседа. Перед ними на низкие лежали карты их маршрутов, а также составленная Казанли общая географическая карта этой части Колымского бассейна. По Малтану, Бахапче, Колыме, Мякиту и Букюнде вдоль путей обоих отрядов тянулись узенькие, раскрашенные цветными карандашами полоски. Эти синие, зеленые и сиреневые полоски изображали распространенные вдоль их маршрута сланцы и песчаники юрского, мелового и триасового возраста, а ярко-красные пятна — выходы гранитных массивов. Так выглядели наметки геологической карты края, на составление которой потом потребовались десятки лет. (И сейчас, когда эти десятки лет уже прошли, мы, глядя на пестреющую всеми цветами радуги геологическую карту Колымского края, не можем даже представить себе, какое безграничное количество труда многих тысяч геологов вложено в ее создание.)

А начинатели этой гигантской работы, пионеры освоения края, в котором легко уместился бы ряд государств Западной Европы, поднялись с жесткого билибинского топчана, когда все в бараке уже спали. По низкому потолку из накатника бежали длинные, ломящиеся тени. Над жарко нагретой большой железной печкой гроздьями висели портянки, а на специальных козлах сушились валенки. То там, то здесь раздавалось заливиное всхрапывание.

— Кстати, Юра, а что случилось с собакой? — спросил Цареградский, отворяя обитую мешковиной дверь.

— Она была на разбившемся плоту и, напугавшись, сбежала от нас обратно.

— Ну и наделала же она у нас беспокойства!

Ночью мороз еще усилился. На небе переливались и сверкали холодные звезды. На юго-востоке высоко над горизонтом поднялось созвездие Ориона. В северных широтах не Большая Медведица, а Орион служит украшением звездного неба. Раскинувшиеся царским венцом блестящие, как индийские алмазы, крупные звезды Ориона висели в ту ночь над застывшей землей, как предвещание успеха и связанной с ним печали; недаром на всех языках словом «венец» обозначаются и победа, и мученичество...

В долине гулко треснул лед у наледи. Вскоре мороз стал пощипывать нос, щеки, уши и пробираться под телогрейку. Они вернулись в барак, быстро разделелись, погасили почти догоревшую свечу и юркнули в свои мешки. Мягкая собачья шерсть облекла усталое тело, и, радостно вздохнув, Цареградский почти мгновенно погрузился в молодой, крепкий сон.

Среднеканское россыпное золото

Наутро в лагере на Среднекане опять зазвучали радостные голоса. Праздничный переполох вызвал подошедший транспорт с Бертиным и Переясловым. Они задержались в пути, пережидая непогоду. Пожилой врач был измучен долгой дорогой и еле сполз с нарт. Теперь весь основной состав экспедиции был в сборе. Отныне все приехавшие включились в налаженный на базе размеренный ритм жизни. Билибин ввел очень строго регламентированное расписание, которому подчинялись все, от начальника экспедиции до младшего

конюха. Эта жесткая дисциплина была необходима не только по деловым соображениям. Экспедиция состояла почти из трех десятков людей разного возраста, образования, общественного положения и привычек. Однако их объединяла работа. Подробно распланированная и достаточно напряженная программа не оставляла времени для безделья и связанных с ним раздоров. Умно продуманный режим позволил Билибину избежать осложнений даже в критические дни острой голодовки, когда легко могло вспыхнуть недовольство, которое разрушило бы основу коллектива — общее согласие.

Главной заботой экспедиции, естественно, было золото. Поэтому основное место в зимних работах на среднеканской базе занимала проводимая Раковским разведка.

Сергей Дмитриевич, которого по праву следует считать первым разведчиком золота на Колыме, до приезда Цареградского успел опробовать всю долину ключа Безымьянного. Он поднимался с рабочими на позднем зимнем рассвете и отправлялся шурфовать. Работы заканчивались лишь с наступлением темноты, и проголодавшиеся люди весело или понури в головы, в зависимости от успеха или неудачи, торопились к бараку.

Линии шурфов пересекали Безымьянный во многих местах. Глубина их зависела от мощности речных наносов на коренном дне долины. Копались шурфы самым первобытным способом и требовали много человеческих сил и времени.

Колыма — царство вечной мерзлоты. Длившиеся миллионы лет подряд суровые холода намертво проморозили здесь почву. Ниже полуметрового оттаивающего летом слоя мерзлый грунт тянется в глубь земли на сотни метров. (Позднее, когда на многих колымских месторождениях были пробиты глубокие шахты, они шли в

твердом, как камень, мерзлом грунте до глубины четырехсот и даже пятисот метров. Лишь на этой громадной глубине прекращается действие наружного холода и начинает преобладать влияние внутреннего тепла Земли. В шахтах появляются талые грунты, а с ними и новая забота для горняков — обильные грунтовые воды, которые необходимо откачивать, и оплывающие кровли выработок, которые надо крепить.)

Через несколько дней Цареградский решил пойти с Раковским и его рабочими на шурфовку.

Было восемь часов утра, когда они, позавтракав, вышли из барака и двинулись вниз по долине. Солнце еще не вышло из-за гор. На востоке сквозь густую морозную мглу пробился яркий оранжевый луч и осветил нависшее над головой облачко. Оно порозовело. Воздух был совершенно неподвижен. Мороз захватывал дыхание. Спиртовой столбик висевшего за дверью термометра опустился к цифре шестьдесят шесть. Такой температуры здесь еще этой зимой не бывало. Все прятали лица в шерстяные шарфы. Холод мгновенно схватывал пар от дыхания, и уже через несколько минут мягкий шерстяной шарф превратился в ледяное забрало.

— До каких температур вы работаете на воздухе? — спросил Цареградский.

— Сначала, если ниже пятидесяти, не выходили, а затем попривыкли. Работаем, невзирая на мороз. Дома-то хуже, с тоски подохнешь! — отвечал Сергей Дмитриевич.

— В шурфах тепло! — глухо, сквозь шарф, проговорил шагающий рядом рабочий. — А около костров и вовсе жарко, знай берегись, штаны не сожги!

Они подошли к линии шурфов. У двух шурфов стояли столбы пара и дыма. Это догорали разоженные на дне костры. У пока еще неглубоких ям копошились двое измазанных глиной и копотью рабочих. Они вышли на несколько часов раньше основной группы проходчиков, чтобы разжечь костер и подготовить для них талый грунт.

Техника проходки была нехитрой. От костра мерзлые наносы оттаивали, затем их долбили кайлом и ломом и выбирали лопатой.

— На какую глубину хватает одного пожога?

— Если хорошо прожечь, то на полметра. Чаще сантиметров на тридцать, а то и двадцать. Но это уже считаем браком!

Костры догорели. На дне шурфов жарко светились угли, из-под которых пробивался густой пар.

— Пожалуй, можно и выгребать? — сказал, обращаясь к главному шурфовщику, Раковский.

— Подожди, пусть лучше прогреется. Ребята пока покурят, — отвечал тот, свертывая из газеты огромную козью ножку.

Рабочие прошли в большую закоптелую и залатанную палатку, где на раскаленной железной печке таял снег. Рабочий носил его в ведре и сыпал в большую жестяную банку из-под сухарей. Натаявшая вода была мутной, и в ней плавал всякий мусор и

щепки. Тут же, в палатке, стояла на козлах плоская деревянная бадья, в которой и промывались золотосодержащие пески. К бадье были прислонены два вырезанных из цельных брусков деревянных лотка для промывки.

Цареградский не раз видел работу опытных промывальщиков и знал, с какой виртуозностью промывают они шлих, вращательными и покачивающими движениями лотка смывая с него пустой песок. Быстро, на глазах шлих становится все более темным. Это отходят светлые кварцевые и глинистые частицы. На лотке остается все больше черных железняковых частиц и кое-где начинают поблескивать золотишки. Еще с десятков потряхиваний, с лотка сбрасываются уже последние черные зерна — и остается матово-блестящий, тяжелый драгоценный металл.

Такая техника промывания золотоносных песков была простой и древней, как сам золотой промысел. Она требовала точности движений и зоркости глаза, иначе неловкая рука могла смыть вместе с ненужными частицами и мелкие золотишки. Конечно, механическая промывка была более производительна, но мелкие крупинки золота при этом часто смывались. Человеческий глаз и человеческая рука оказывались в этом случае более чувствительными, чем механизмы.

Из десятка шурфов только один был доведен до коренных пород, остальные из-за голодовки остались незаконченными. Он имел около четырех метров глубины, и пески подавались наверх для промывки с помощью переносного ручного ворота. Когда остатки прогорающих углей были удалены и воздух в шурфе проветрился от угара, туда спустились двое рабочих и принялись выбирать в деревянную бадью золотоносную породу. Потом ее, еще теплую, переносили в палатку на лотки промывальщиков.

Недавно начатые шурфы были еще неглубоки, и потому воротов над ними не было, а прогретые костром речные наносы выбрасывались лопатой прямо наружу.

Так, отрабатывая шурф за шурфом, группа Раковского разведала уже почти всю долину Безымянного.

К сожалению, разведчики не могли похвастать успехом. В редких случаях на лотках промывальщиков оставалось заметное количество значков, которое можно уже было взвешивать. И лишь в единичных шурфах содержание золота едва достигало нескольких граммов на тонну породы. Этого было недостаточно для ручной добычи: она не окупила бы разработку россыпи. (Правда, через три десятилетия даже и более убогие россыпи стали разрабатываться на Колыме механическим способом — драгами. Однако в среднеканскую зиму такие результаты разведки казались обескураживающими.)

Вот промывальщик осторожно смыл на железный совок и просушил на огне первую пробу золота. Раковский подождал, пока совок остынет на воздухе, ссыпал золото в маленький бумажный конвертик и протянул его Цареградскому.

— Радости мало, — сказал он. — Не больше грамма на тонну!

Действительно, в конвертике было всего несколько крупинок величиной с булавочную головку. Некоторые из золотишек были расплющены и напоминали мелкие лепестки цветов.

— Никак в толк не возьму, почему они сделали заявку на Безымянный? — продолжал Раковский, сворачивая конвертик и сделав на нем отметку карандашом. — Пустой ручей, ничего нет, как в барабане!

— Но ведь где-то тут промышлял Бориска?

— Кто его знает, где? По Среднекану у Безымянного нарито несколько ям, а кто, когда и какую рыл, неизвестно!

— А среди старателей есть его товарищи?

— Есть несколько, да разве они скажут правду! У старателей закон: нашел — молчи, потерял — молчи. Так и живут по своему закону!

Уже здесь, на зимней базе, Цареградский узнал о некоторых обстоятельствах, неизвестных ему раньше.

Оказалось, что почти одновременно с партией Билибина в этих краях появилась большая группа старателей. Некоторые из них пробрались сюда по своей инициативе, другие были направлены отделением Союззолота. Старателей пришло больше двадцати человек. Двое бывших товарищей Бориски служили им проводниками. Вернувшись в знакомые места, они вместе с остальными начали кустарную добычу. Во главе группы стоял уполномоченный Союззолота Оглобин, который ниже устья Безымянного построил барак, организовал контору по скупке золота и наладил энергичное, хотя и бессистемное старательство. Билибин и Раковский по-дружески помогали им своими советами, не вмешиваясь, однако, в планы старательских работ и появляясь на разработках, лишь когда их просили об этом.

Подобные отношения между геологоразведочной экспедицией и старательской артелью длились вплоть до осени, когда геологи уехали со Среднекана. Во время зимней голодовки в экспедиции Билибина еще более острый голод поразил старателей. Артельщики истощили все свои запасы провианта, потом, не побрезговав дохлятиной, съели павших с голоду двух своих лошадей и, наконец, с благодарностью взяли у Билибина половину забитой им экспедиционной лошади. Билибин поделился с ними и продуктами, привезенными на Безымянный группой Цареградского.

— Как у них обстоят сейчас дела со старательством?

— Неплохо. В среднем граммов около двух-трех на душу они вырабатывают.

— Вы еще не знаете источников золотоносности, — задумчиво сказал Цареградский, — поэтому и ведете разведку ощупью. Необходимо выяснить, откуда попадает золото в россыпи. Тогда мы сможем сознательно направлять разведку и искать металл там, где он заведомо должен быть!

— Правильно, но попробуйте выяснить, когда все вокруг завалено снегом! Ведь для этого нужно, как я понимаю, найти коренные месторождения золота!

— Конечно! Но неужели вы думаете, что это возможно за одну зиму? Я думаю, что нам потребуется гораздо больше времени!

(Валентин Александрович был прав. Установить происхождение золотых россыпей Колымы оказалось очень трудной задачей, решение которой отняло у геологов несколько десятилетий. Однако в ту памятную зиму 1928/29 года первые шаги в этом направлении были все же сделаны.)

Жизнь на базе шла установленным чередом. Билибин наладил систему самообслуживания, хотя это и не всем казалось правильным. Ежедневно по заведенному порядку назначался очередной дежурный, который готовил пищу, убирал барак и топил печь. В помощь ему, обыкновенно на первую половину дня, выбирался «подпасок». От этой повинности никто не был освобожден, и все ее добросовестно выполняли, хотя качество кушаний при этом иногда и страдало. Особенно неудачным поваром оказался астроном Казанли. Как и полагается звездочету, Дмитрий Николаевич был очень рассеян. Его каша почти всегда была подгоревшей, а супы пересоленными. Хуже всего бывало, когда рассеянный дежурный вообще забывал проснуться. Тогда его хором будили уже проснувшиеся товарищи и стаскивали одеяло со злосчастного сони. Вскочив как встрепанный, Казанли хватался то за одно, то за другое, вызывая и гнев, и хохот окружающих.

Транспорт Цареградского привез муку. Изголодавшиеся люди с наслаждением попробовали свежиспеченного хлеба. Выпечкой занялся Раковский. Вскоре оказалось, что никто лучше этого худощавого человека с усиками испечь хлеб не может. Так Раковский превратился в штатного хлебопека, за что и был освобожден от дневальства по бараку. Этим, впрочем, было положено начало разрушению системы очередных дежурств.

Еще в Оле и по пути на Среднекан Цареградский вел метеорологические наблюдения. Продолжал он вести метеорологический дневник и на среднеканской базе. Трижды в день измерялись температура воздуха, барометрическое давление, сила и направление ветра. Эти записи были первым опытом регулярных наблюдений над погодой в здешних краях.

В январе разведка ключа Безымянного, хотя и с мало обнадеживающими результатами, была закончена. Билибина эта неудача, однако, нисколько не смутила. Он ясно понимал, что найти богатую золотую россыпь с первой же попытки невозможно. Ведь они в самом деле еще ничего не знали о закономерностях, которые управляют образованием россыпей на Колыме, и об источнике золота в этих россыпях. Предстояла долгая работа, прежде чем геологи смогли вести сознательно направленные поиски. Требовалось еще много усилий, и впереди их ждало еще немало разочарований.

Тщательно обсудив все возможные варианты, начальник экспедиции и его заместитель решили перенести разведочные работы в долину самого Среднекана. С этой целью Раковский с нужным числом рабочих должен был перебраться в нижнюю часть долины Среднекана, а Эрнест Бергин — в правую вершину реки, где, по шаявке товарищей Бориски, якобы также имелось россыпное золото.

Раковский еще в январе начал постройку второго барака в пяти-шести километрах ниже устья Безымянного. Бараки Союззолота и старательские ямы остались километра на два с половиной выше этого нового экспедиционного участка. Когда Цареградский впервые попал сюда, тут уже вовсю кипела работа. Билибин выделил Раковскому большую часть рабочих, и он начал шурфовку новой разведочной линии.

Одна за другой падали на снег толстые лиственницы. Плотники быстро счищали сучья и подгоняли бревна одно к другому, складывая венец будущего дома. Терраса на берегу Среднекана, на которой была расчищена площадка для строительства, быстро оголялась. На месте редкого северного леса оставались пни.

— Вот она, оборотная сторона медали, — сказал Цареградский. — Налаживая промышленность, мы быстро сведем все леса!

Раковский был менее чувствителен. Он пожал плечами:

— Велика беда! Обойдемся и без леса, было бы золото. Дров не хватит — уголь найдем!

(Будущее показало, однако: то, что казалось сентиментами, было ближе к истине, чем трезвая деловитость. Уже через два-три десятка лет тратились громадные деньги на восстановление лесной растительности на Колыме. Оголенная от леса земля перестала задерживать воду, быстро размываемый почвенный покров оголил бесплодные скалы, и нарушенное равновесие природных сил немедленно отомстило человеку за недальновидность.)

Разведка долины Среднекана оказалась трудной. Большая река имела широкую долину и большую, чем в ключе Безымянном, мощность наносов. Руководители экспедиции быстро почувствовали, что планомерная разведка такой большой долины, а тем более всей Колымы, далеко превышает возможности, которыми они располагали в ту зиму.

— Ничего, золото здесь, бесспорно, есть, — говорил Билибин. — Мы уже доказали это на Безымянном. Правда, его пока еще мало, но я уверен, что в конце концов мы найдем и более высокие содержания.

Экспедиция действительно «зацепилась» за несколько россыпей, на которых впоследствии были организованы прииски.

Разведка на Среднекане велась с января по май. Геологи сперва не очень обольщались надеждами на легкий успех, тем более что старатели, разрабатывавшие свои ямы немного выше по долине, часто теряли направление золотоносной струи и никак не могли добиться хороших результатов.

Уже к концу января новый дом на Среднекане был построен, а первые два шурфа глубиной в два и три метра пробиты до коренного дна. Цареградский, который все еще жил вместе с Билибиным и Казанли в первом бараке на Безымянном, почти ежедневно ходил на лыжах к разведке. Ему была поручена геологическая съемка всей долины Среднекана, и, кроме того, он взял на себя непосредственное руководство работами Раковского.

Разумеется, он постарался быть на новой линии, когда речные наносы в шурфах подошли к концу и промывальщики приступили к опробованию.

Волнующий момент! Что-то ждет их здесь?

Когда Билибин и Цареградский подошли к бараку Раковского, им показалось, что они опоздали. Невдалеке от дома горели костры и копошились в дыму люди. Из шурфов, отверстия которых темнели на снегу, поднимался теплый воздух. Прямой и хорошо видимой вибрирующей колонной он стоял над каждым из шурфов. Между двумя кострами находились сильно парившие корыта для промывки (геологи называют их зумпфами). Одно из них, побольше, было доверху наполнено теплой, почти горячей водой и предназначалось для первичной промывки золотоносной породы. Оно было сколочено из толстых, зашпакованных на стыках досок. Второй зумпф, поменьше, служил промывальщикам для окончательной доводки шлиха.

Раковский стоял рядом с промывальщиком и помогал ему набрать в лоток поднесенной от шурфа золотоносной породы. Он заметно волновался — это ясно отражалось на его подвижном лице с тонким прямым носом и впалыми щеками.

Вот промывальщик опустил лоток в воду и размешал гребком оглинившийся сланцевый щебень, чтобы заставить золотишки, если они там есть, опуститься на дно. Затем, не вытаскивая лотка из воды, он стал потряхивать его плавными и точными движениями, смывая и сбрасывая ненужную легкую породу.

«Какие ловкие руки у этого грубого на вид мужика!» — невольно восхитился про себя Цареградский.

Он еще ближе подошел к зумпфу, надеясь увидеть золото. Но в лотке ничего, кроме грязи, не видно. Вода быстро помутнела, и вскоре даже и черные кусочки сланца стало невозможно различить сквозь беспорядочные волны мутно-коричневой воды.

Но вот промывальщик стал сбрасывать с лотка породу осторожнее. Лоток на четыре пятых освободился от глины и сланца и уже почти плавал на воде. Промывальщик еще несколько раз встряхнул его и перешел ко второму зумпфу с еще чистой водой. Теперь он покачивал лоток круговыми движениями, стараясь отогнать легкую часть шлиха от тяжелой. Цареградский видел, как по передней стороне лотка шлих разделился на отдельные полоски. Вот смылась водой и сошла с лотка самая внешняя, светлая полоска из зерен кварца и полевых шпатов. За ними последовала темно-серая полоса — зерна магнезиально-железистых минералов,

ли которыми уже ползали к краю лотка черные угольно-блестящие зерна магнитного железняка. И наконец среди этого обильного черного песка все сразу увидели ни с чем не сравнимый блеск золотинок!

Цареградский с облегчением вздохнул и обернулся. Он увидел, как впился взглядом в лоток Билибин. За ним тянулся и сопел тучный Оглобин. Он, старый золотарь, первым понял, что они присутствуют при очень значительном по своим последствиям событии.

Еще несколько минут — и остатки черного шлиха смыло водой, и в углублении лотка, где оно так долго пряталось, осталось чистое золото.

— Ну вот и зацепились, как ты говорил, Юра! — воскликнул Цареградский. — Теперь будем тянуть за нитку, пока золотая рыбка не будет нашей!

Однако два следующих лотка, из более высокого слоя наносов, дали гораздо меньше металла. В третьем был всего один самородок, но крупный, граммов на пять. В соседнем шурфе оказалось не менее богатое, но более равномерное содержание золота. Мощность золотоносного слоя достигала там шестидесяти сантиметров.

— Организуйте строгий учет золота, — обратился к Раковскому Билибин. — То, что нужно для изучения, будем оставлять у себя по особому акту, все лишнее пойдет по другому акту в Союззолото.

— Очевидно, мы врезались в середину хорошей россыпи, — заметил Цареградский. — Нужно бы продолжить линию шурфов к левому склону долины. Когда дойдем до пустого плотика, нащупаем один край россыпи, а вторая граница наметится шурфами у русла или у правого склона. Хорошо бы успеть до весны пробить еще линию шурфов пониже!

— Сергей Дмитриевич, завтра же распределите шурфовщиков и зарежьте две новые линии! — распорядился Билибин. — Скоро подойдет транспорт из Олы с последней партией рабочих, тогда дам вам еще шесть человек. Начните бить шурфы прямо против этих, с золотом, чтобы не потерять россыпи.

— Хорошо, Юрий Александрович. Я подсчитаю, сколько нам потребуется времени и материалов для новых линий, и завтра принесу вам расчеты. Надо бы и с рабочими кому-нибудь из вас потолковать.

— Я останусь у тебя ночевать сегодня, Сережа, — сказал Цареградский. — Помогу с расчетами и поговорю с рабочими.

Его начавшаяся еще в Оле дружба с Раковским все больше укреплялась совместной работой. Опытный практик-разведчик был во многом полезен молодому геологу, который стремился поближе познакомиться с планированием и практическими приемами разведки. В свою очередь и прораб многому учился у своего более образованного товарища. Благодаря гибкой молодости оба легко находили общий язык и друг с другом, и с рабочими-шурфовщиками, тоже в большинстве своем молодыми, только что

отбывшими военную службу ребятами. Это позволяло надеяться, что они уговорят рабочих приналечь на шурфовку и закончить разведку долины Среднекана до весеннего половодья.

Между тем весть об открытии россыпи разнеслась по Среднекану. Многих она радовала, но среди старателей слышался и сдержанный ропот зависти. Еще бы! Они столько сил вложили в эти проклятые ямы у устья Безымянного, а толку на грош. Больше всего досталось бывшим товарищам Бориски: ведь это они подали заявку на Безымянный. Они же настояли на старательской добыче у устья Безымянного, в простоте души полагая, что если золотоносен ключ, то золото должно быть у его устья.

Разведка среднеканской россыпи продолжалась вплоть до конца апреля. За это время сеткой шурфов была околонуена часть россыпи.

(На этой россыпи через несколько лет был организован Среднеканский прииск. Когда выяснилось, что разработку месторождения невыгодно вести из одного пункта, прииск Среднеканский разделся. Один из дочерних приисков в память полуполюгендарного Бориски был назван Борискином. Именно здесь экскаватор нечаянно вскрыл его глубокую могилу и вновь извлек на свет тело первооткрывателя. Отделением же Среднекана являлся и небольшой прииск, организованный на россыпи, обнаруженной в эту зиму Бертиным.)

Среднеканские золотоносные жилы

С открытием среднеканского золота работы у Цареградского прибавилось. Он вел детальное наблюдение за разведкой, а также описания шурфов и находимого в них золота. Необходимо было получить представление о характере и границах россыпи, о концентрации золота в разных ее участках и о возможных его источниках. Изучать же само золото следовало для того, чтобы уметь отличить золотины, попадавшие в россыпь из разных источников.

Если первую задачу можно считать геологоразведочной, то вторая уже была научно-исследовательской. Она положила начало специальному металлогеническому изучению золота из разных месторождений Колымы. Эти работы выявили большое разнообразие состава и внешнего вида золотин — разнообразие, которое способствовало поискам коренных источников и вместе с тем позволило увидеть неповторимые особенности золота каждой россыпи.

Прежде всего золото сильно различается по составу содержащихся в нем примесей. Лишь редкие месторождения дают металл, почти лишенный примесей, с пробой (то есть относительным содержанием золота на тысячу частиц), превышающей девятьсот. Такое золото характеризуется большей мягкостью, темно-золотым цветом, который ни с чем невозможно спутать, и высокой ковкостью, облегчающей спайвание золотин при перекачивании их в реке.

Золото, содержащее ту или иную примесь серебра («серебристое золото», как говорят геологи), заметно светлее. При очень высоких содержаниях серебра, достигающих десятков процентов (пробы семьсот — восемьсот), золото приобретает слегка серебристый оттенок, который становится совершенно явственным в золоте с примерно пятидесятипроцентным содержанием серебра. Такое золото геологи называют уже не золотом, а электрумом. Наконец, медистое золото имеет отчетливо красноватый оттенок.

Изучая золотины, Цареградский впервые познакомился с тем, что называется «рубашкой». Это тонкая бурая или почти черная пленка, покрывающая особенно крупные золотины и большие самородки. Пленка легко растворяется в кислотах или снимается трением. Она состоит из окислов железа и марганца, сцементированных тончайшей глинистой эмульсией. Благодаря такой рубашке, маскирующей самородки, даже опытные промывальщики

иногда принимали благородное золото за ничего не стоящую гальку и смывали его с промывочных приборов вместе с пустой породой.

В конце марта Цареградский занялся также геологической съемкой. Пригревавшее солнышко стало со второй половины апреля освобождать от снега и льда обращенные к югу скалы. Весенний этап зимовки ознаменовался открытием первых на Колыме проявлений коренной золотоносности. (На первый взгляд это открытие было гораздо менее эффективным, чем находка среднеканской россыпи. Однако оно было не менее важным по последствиям. Можно сказать без преувеличения, что, обнаружив первые признаки коренной золотоносности, Цареградский заложил основу одной из теорий происхождения колымского золота. Однако, как увидим дальше, он же положил начало и некоторым сомнениям, послужившим причиной кризиса этой теории и появления нескольких дополняющих одна другую точек зрения.)

Как славно выйти в пригожий мартовский день из полутемного барака и отправиться на лыжах с геологическим молотком и весело лающим Демкой вдоль скалистых террас Безымянного и Среднеканна!

В это время года дни и вечера на Колыме необычайно красивы. Днем небо голубое, безоблачное и бездонное. Солнце уже явно греет щеки и понемногу стоняет снег с темных скал. Однако при этом снег не тает, а просто испаряется, не переходя в воду. Лишь позднее, в конце апреля и начале мая, начинается настоящее снеготаяние, с капающей и журчащей водой и с огромными сосульками под крышей.

Тем не менее в начале весны температура в тени при самом ярком солнце может достигать двадцати — двадцати пяти градусов мороза. Ночью столбик термометра опускался даже до сорока градусов. Но сколько зима ни старалась оттянуть свой конец, приближение весны сказывалось и на людях, и на природе. Возвращаясь после захода солнца домой, Цареградский радовался и приливу молодых сил, и душевной своей бодрости, и чудесной окраске облаков.

Действительно, ни в каких широтах небо не бывает расцветено так удивительно, как на севере. Кажется, что природа, обидев этот край теплом, вознаградила его избытком красок и необычайным богатством их оттенков. Буйное цветение неба во время закатов с их пурпурными, оранжевыми, желтыми, зелеными и фиолетовыми тонами через короткий срок сменяется нежнейшим спектром золотистых и розовых оттенков. По холодно-синеватому снегу бегут теплые блики, и кажется, что на заснеженных склонах гор расцветают какие-то невиданные цветники. Но вот солнце уходит за горы, буйство красок гаснет, и над землей повисает синее небо. И глубина неба, и густота синего тона увеличиваются с каждой минутой.

Геолог обычно подходил к бараку, когда небо уже висело над горами гигантской кобальтово-синей чашей, на которой теплились золотые звезды.

«Совсем как ляпис-лазурь!» — думал он восхищенно.

Еще студентом он часто бывал в Минералогическом музее Горного института. Его влекли туда не только приближающиеся экзамены, но и искренняя любовь к красивым кристаллам. Он не раз останавливался перед витриной, в которой лежал великолепный образец афганской ляпис-лазури. Во времена Екатерины она ценилась в России на вес серебра. Камень был поразительно красив. На необычайно глубоком синем фоне были разбросаны редкие золотистые кристаллики колчедана. Они сверкали на ляпис-лазури, совсем как эти среднеканские звезды горят сейчас на фоне кобальтово-синего неба.

Однажды, изучая обнажения в обрывах ручья Безымянного, Цареградский наткнулся на жилу изверженной породы, которая пересекала глинистые сланцы недалеко от устья ключа. Светло-серая с охристыми потеками жила круто уходила вверх по склону, резко выделяясь на темном фоне сланцев. Издали Цареградский принял ее за кварцевую и обрадовался: не золотоносная ли? Подойдя вплотную, он увидел, что ошибся, но образец взял. Это была первая находка жильной изверженной породы глубинного происхождения. На тонкозернистом ее фоне выделялись белые икрапленники полевого шпата и многочисленные золотистые зерна сернистого железа — пирита. Вокруг зерен развивались ржавые пятна и потеки, которые бросались в глаза на влажной поверхности оттаявшего склона. Среди породы ветвились тончайшие прожилки кварца.

«А нет ли в них золота?» — подумал Цареградский.

Он решил изучить эту жилу (геологи называют их дайками) повнимательнее. Прежде всего образец раздробили на кусочки и растолкли в железной ступе. Затем, отмыв порошок на лотке, промывальщик выделил из него тяжелый остаток, который можно изучать под лупой. В шлихе оказалось много черного магнитного железняка, золотистого пирита и мышьяковистого колчедана — арсенопирита. Когда отделили магнитные частицы подковообразным магнитом и дополнительно отмыли шлих, в оставшейся его части блестятели мельчайшие золотинки. Разглядывая их, Цареградский окончательно убедился в том, что это золото.

— Юрий, — крикнул он Билибину, — поздравь меня с находкой! Кажется, я могу назвать источник старательской россыпи!

Юрий Александрович склонился над окуляром лупы, перебирая шлих воткнутой в кончик карандаша иголкой.

— Да, — сказал он, не отрываясь от окуляра, — это, конечно, золото. Поздравляю! Но мне кажется, что здесь маловато для россыпи и оно слишком мелкое.

— Но ведь это случайный образец! Вполне возможно, что в дайке есть обогащенные гнезда. Я возьму теперь большую пробу из

сильно обожренного участка. Может быть, золото идет с пиритом и арсенопиритом.

— А может быть, оно заключено и в кварцевых прожилках? Нужно бы это уточнить!

Проблему первоисточника решить было нелегко. Предстояло выяснить, какая из составных частей дайки содержит в себе золотины. Ведь это могли быть и сама изверженная порода, и прорезающие ее (следовательно, более поздние) жилки кварца, и наконец, заключенные и в ней, и в кварцевых жилках (и, таким образом, еще более поздние) кристаллики пирита и арсенопирита. Решение этого вопроса имело важное теоретическое и практическое значение.

Цареградский взял еще несколько проб и повторил весь ход определения, попытавшись отделить породу от кварцевых жилок и сульфидной выпарленности.

В самой породе он не обнаружил никаких признаков золотого оруденения. В кварце, отделить который оказалось чрезвычайно трудно, он все же обнаружил необычайно мелкие золотины в виде почти просвечивающих зеленоватых пластинок. Зато раздробив зерна сульфидов, особенно серебристого арсенопирита, он обнаружил более заметное количество высокопробного золота. Это были мельчайшие зернышки неправильной, но чаще округлой формы.

Итак, и кварц, и сульфиды светлой дайки оказались принципиально золотоносными. Однако до решения проблемы о происхождении россыпного золота Среднекана было еще очень далеко. Во-первых, найденный коренной источник был чрезвычайно беден. Многие из повторных проб оказались пустыми. Да и вряд ли разрушение такой бедной жилы (ее мощность не превышала двух метров с небольшим) могло дать сколько-нибудь существенную россыпь. А может быть, здесь много таких жил и нужно подождать, пока растает весь снег, и предпринять новые поиски?

Однако независимо от этого вставал и второй вопрос, на который пока еще не было ответа. В порфировой дайке Безымянного было явно два типа проявлений золота: менее высокопробного, пластинчатого, и более высокопробного, зернистого. Какой из этих двух типов мог дать россыпь, над которой трудилась старательская артель? И вообще имеет ли золото этой россыпи что-либо общее с тем, что обнаружено сейчас в коренном залегании?

Цареградский отправился в контору Союззолота к Оглобину и попросил временно дать ему образцы золота из разрабатываемой старателями приустьевой россыпи. К своему крайнему разочарованию он не обнаружил никаких признаков сходства между найденным жильным золотом и этими образцами. Золотины из россыпи были прежде всего гораздо крупнее, они почти всегда были обтерты и окатаны, да и цвет их был не совсем такой, как в золотинах из дайки. Следовательно, первые найденные коренные проявления золота на Колыме, возможно, и не были связаны с россыпью в устье Безымянного!

Предстояли новые поиски и новые попытки решить одну из важнейших проблем, которые поставила перед геологами Колыма: каковы источники россыпей? Цареградскому приходилось терпеливо ждать поздней весны, когда освободятся от снега все склоны, чтобы продолжить поиски.

Однако геологической съемки он все же не бросал, и вскоре после первой удаче с порфировой дайкой ему посчастливилось найти еще остатки ископаемой фауны. Это были все те же гонкоребристые моллюски вида «псевдомонотис охотика», жившие в неглубоких водах триасового моря. Геологическая картина понемногу пополнялась все новыми деталями, которые позволяли связать воедино все наблюдения Билибина и Цареградского уже на очень большой площади. Итак, громадный район, охватывающий бассейны Олы, Малтана, Бахапчи, Вуюнды, Среднекана и самой Колымы между устьями Среднекана и Бахапчи, имел весьма однообразное геологическое строение. В его основе была громадная толща сланцев и песчаников, отлагавшихся в триасовое и юрское время и затем прорванных в более позднее время теми вулканическими породами и гранитами, которые они наблюдали по Оле, Бахапче, Колыме, Малтану и в районе Тальского горячего источника. Какого же возраста золотоносная дайка, обнаруженная сейчас на Среднекане, близ устья Безымянного?

На этот вопрос позднее удалось ответить Билибину. Ему посчастливилось найти подобную же золотоносную жилу, которая прорывала юрские сланцы, но в свою очередь прорывалась крупным гранитным массивом. Итак, несущие золото дайки оказались более молодыми, чем сланцы, и более древними, чем граниты,— скорее всего позднеюрскими или нижнемеловыми. (Спустя три десятка лет этот вывод был подтвержден определением абсолютного возраста пород, которые производил в Магадане, в Комплексном институте Академии наук, Лев Васильевич Фирсов. По этим данным, возраст коренного золота из даек исчислялся в 115—135 миллионов лет.)

В апреле, когда все выше поднимавшееся солнце согнало большую часть снега, Цареградский нашел в обрыве левой террасы Среднекана еще одну порфировую дайку. Это было особенно интересно, потому что состав изверженной породы был здесь несколько иным и, что самое главное, содержание рассеянного золота оказалось более высоким.

Удача редко приходит одна. Вскоре ему удалось обнаружить золотоносную дайку и в тех местах, где проходили разведочные линии Раковского.

В кварцевых жилках, которые пересекали дайку, он нашел видимое самородное золото в пластинках. Кроме того, тонкозернистое золото содержали и раздробленные кристаллики сульфидов.

Однако возникло затруднение. Золото хорошо заметно на фоне серебристых зернышек арсенопирита, но как отличить его в

пирите, который имеет почти такой же «золотой» цвет, как и само золото?

Чтобы преодолеть эту трудность и, кроме того, точнее определить среднее содержание золота в дайковой породе, Цареградский решил прибегнуть к ртутной амальгамации.

Ртуть растворяет золото и серебро. Благодаря энергично протекающей реакции она «вылавливает» все мельчайшие крупинки золота или серебра, объединяя их в составе нового, быстро твердеющего соединения — амальгамы.

Взяв обогащенный промывкой искусственный шлик из дробленой и обожженной породы, Цареградский всыпал его в бутылку с некоторым количеством ртути. Затем он и его помощник долго встряхивали бутылку, как бы сбивая «золотое масло». Когда образовался наконец плотный комок золотой амальгамы, они разбили бутылку и сильно прокалили амальгаму над огнем. Распространяя душистые пары, ртуть улетучилась, и через некоторое время на железном совке оказался губчатый кусочек чистого золота величиной с небольшой лесной орех. Зная исходный вес дробленой пробы и взвесив выжженное из амальгамы золото, они могли уже определить общее содержание благородного металла на тонну или на кубометр (то есть приблизительно две с половиной тонны) жильной породы.

Содержание золота в подобных коренных месторождениях бывает очень изменчивым. Цареградский убедился в этом на собственном опыте, получая все время разные и притом сильно колеблющиеся результаты.

Они опять вплотную подошли к вопросу об источниках россыпи, на этот раз среднеканской. И снова вопрос оказался гораздо более сложным, чем можно было предположить вначале.

Среднеканские дайки были найдены ниже разведочных линий Раковского и в стороне от них. Таким образом, пойманная шурфами россыпь, безусловно, не могла иметь никакой связи с золотом из этих даек. Мало того, сильно окатанные золотины россыпи и по внешнему виду заметно отличались от коренного золота из дайки. Оставалось предположить, что среднеканская россыпь связана с какими-то еще не выявленными источниками. Источники эти должны были располагаться где-то выше россыпи, разрабатываемой старателями, а также между нею и россыпью, разведанной шурфовочными линиями Раковского. Но что это были за источники, долго оставалось неизвестным. Однако уже и в тот год геологи стали склоняться к мысли, что подобным источником являются, пожалуй, не столько дайки, сколько беспорядочно рассеянные в сланцах тонкие кварцевые жилки. Часто это сетка или параллельная система прожилков, каждый из которых бывает не толще нескольких сантиметров или даже миллиметров.

Весновка

К концу апреля весна одолела зиму даже на Крайнем Севере. В низовьях Среднекана с южных и восточных склонов гор снег быстро исчезал. С крыши барака свисали великолепные сосульки, а на порозовевшем под солнцем снегу появились радостные спутники колымской весны — серые пеночки. С их прилетом совпало появление и первых насекомых. В солнечных лучах струились прозрачные столбы ранних мошек, а на пригретых стенах барака ползали невесты откуда взявшиеся сонные мухи. По утрам людей будила громкая перекличка кедровок. С наступлением весны они оживленно галдящими стаями разыскивали среди освободившихся от снега кустов стланика прошлогодние шишки.

Приближался конец длинной зимовки. Геологам пора было переходить к летним планам. Ведь лето на Колыме так коротко! Каких-нибудь три месяца, и эти суровые горы вновь скует мороз и покроет снежная шуба.

Билибин и Цареградский тщательно разработали программу дальнейших работ. Необходимо использовать лето, чтобы охватить геологической съемкой и поисками возможно большую площадь в этой части бассейна Колымы. Зимняя разведка на Среднекане дала им в руки хорошую путеводную нить. Теперь предстояло, не выпуская нити из рук, размотать такую часть клубка, которая окажется по силам.

К первым числам мая план действий был готов. Он был нелегко. Два молодых геолога собирались с помощью Раковского и Бертина детально изучить и опробовать весь бассейн Среднекана с его многообещающими россыпями и коренными месторождениями золота. Геологическую съемку верхней половины бассейна брал на себя Цареградский. Детальное опробование наносов в руслах всех рек и на террасах не реже чем через каждые полкилометра, а местами значительно чаще должен был вести при этом отряде Эрнест Бертин. Нижнюю половину бассейна Среднекана предполагал исследовать Билибин, которому должен был помогать шлиховым опробованием Раковский.

Однако подробно закартировать и разведать территорию в несколько тысяч квадратных километров без достаточных средств передвижения невозможно. Билибин заключил несколько договоров с жителями ближайших колымских поселков — Сеймчана и Таскана. Якуты обязались доставить нужное количество лошадей с

конюхами только к 1 июля. Они утверждали, что раньше этого срока собрать столько лошадей и вьючных седел невозможно.

Вот тут-то и родилась идея рекогносцировочных исследований большой территории, которые можно было бы провести в течение мая и июня. Было решено осмотреть громадный район между Бахапчой на западе и Буюндой на востоке, долиной Колымы на севере и Охотским водоразделом на юге. Общая площадь этой сильно пересеченной реками и вздыбленной горами местности превышала пятнадцать тысяч квадратных километров. Чтобы ее осилить, требовались большое напряжение, тщательно продуманный план маршрутов и, конечно, надежный транспорт. Без этого было бы немислимо выполнить задуманную программу и к сроку вернуться на Среднекан.

Билибин с Цареградским и Казанли решили использовать возвращавшийся на Олу последний олений транспорт и добраться с ним до района Охотского водораздела. Отсюда Юрий Александрович должен был вместе с рабочими и грузами среднеканской конторы Союззолота, которые находились там еще с зимы, сплавиться на кунгасах по Малтану, Бахапче и Колыме, повторив, таким образом, свой прошлогодний маршрут, но в более благоприятных условиях и с более тщательно разработанной программой геологических наблюдений. Во время этого большого маршрута по течению нескольких рек геодезист Казанли должен был установить несколько астропунктов на Бахапче и у устьев некоторых притоков Колымы.

(Позднее астропункты Казанли длительное время служили опорными ориентирами и к ним привязывали свою глазомерную съемку поисково-разведочные отряды Геологоразведочного управления.)

Тем временем Валентин Александрович предполагал, опять-таки по прошлогоднему примеру, пройти к Талой и, изучив как следует окрестности горячего источника и распространенные там граниты (позднее они стали известны в геологической литературе под именем верхнетальских), спуститься до впадения этой реки в Буюнду. Там он думал построить плот и сплавиться по Буюнде до устья, а затем спуститься по Колыме до поселка Сеймчан. После этого отряду нужно было подняться до Среднекана, а затем по нему к знакомым местам зимовки на разведке Раковского.

— Река — лучшая дорога! — не раз повторил, обсуждая детали этого плана, начальник экспедиции. И это было истинной правдой. Только сплывая вниз по течению, геологи могли за столь короткий срок одолеть такое большое расстояние и проделать с наименьшей затратой сил такую большую съемочную работу.

За время отсутствия геологов Сергей Дмитриевич Раковский должен был подняться вверх по течению Колымы до Таскана, чтобы после вскрытия реки и ледохода сплавиться до Среднекана, проводя опробование всех боковых колымских притоков. Наконец, Эрнесту Петровичу Бертину предписывалось продолжить разведку

золотоносной россыпи в верховьях Среднекана и начать опробование всей системы впадающих в Среднекан притоков.

К началу июля все участники экспедиции должны были вернуться к бараку Раковского на Среднекане, чтобы с приходом лошадей приступить к детальному обследованию всей долины.

Значительная часть этого сложного плана была летом 1929 года выполнена, хотя непредвиденные события заставили изменить некоторые его детали.

На рассвете 3 мая длинный транспорт из оленьих нарт тронулся со Среднекана в дальний путь. Снежный покров уже сильно осел, на его поверхности образовалась ледяная корка наста, и отдохнувшие за зиму олени бодро тащили легкую на этот раз поклажу. Каюры, радуясь скорому возвращению домой, потихоньку тянули заунывную, на взгляд русских, песню.

— Боюсь, что дорога будет трудная, — сказал Цареградский. — Снег становится все рыхлее, и олени могут не потянуть.

— Ничего, нам снега хватит! — ответил шагавший рядом Билибин. — На худой конец, будем передвигаться ночью. По насту!

Действительно, как только поднялось и стало припекать солнце, намерзшая по ночному морозу ледяная корка сделалась хрупкой, и снег под ней легко подавался под копытами оленей и полозьями нарт. Уже к полудню стало ясно, что двигаться дальше невозможно. Олени надрывались, вытягивая вдруг отяжелевшие нарты из каждой рытвины. Острые края ледяного наста ранили им ноги. Вскоре у оленей передней нарты появились над копытами кровавые ссадины. Сперва пришлось менять местами нарты, выдвигая вперед все новую упряжку, но в конце концов главный каюр остановил транспорт.

— Дальше ходи нельзя. Будем отдыхай, чай пей, кушай!

Таким образом, за первую половину первого дня они успели пройти всего-навсего десять километров.

— Видно, и в самом деле днем придется отдыхать, а ночью идти! — сказал, присаживаясь на край нарты, Билибин.

Его красивое удлиненное лицо сильно загорело за последние месяцы. Выросшая за зиму длинная русая борода делала его похожим на молодого боярина.

— Ты знаешь, Валентин, — продолжал он задумчиво. — Вот мы с тобой ищем и разведываем золото, а делаем все это кустарно, по своему разумению. А почему это? Да просто потому, что нам не у кого учиться. Не только учебника такого нет, но даже сборника рецептов какого-нибудь и то не имеется. А ведь россыпи есть разные, и искать и разведывать их нужно тоже по-разному. Я вот думаю, что мы все ищем донные речные россыпи, а ведь их, конечно, много всяких типов, да только мы еще не знаем, как и где их искать. А нужно бы нам сойти с этой дедовской тропинки и пробить новую дорогу в россыпной геологии.

— Конечно, — ответил, тоже присаживаясь, Цареградский. — Вот на Безымянном и Среднекане я заснял несколько ступеней

речных террас. Каждая из них отмечает какую-то определенную стадию врезания долины и, следовательно, определенный этап разрушения коренных источников золота...

— Ты хочешь сказать, что каждому из этапов и каждой террасе соответствуют свои россыпи? Я уже об этом думал. Разумеется, если на каком-то уровне уже была россыпь, а долина затем врезалась в этот уровень, но часть его сохранилась в виде террасы, то с уцелевшей ступенькой террасы должна была бы сохраниться и лежащая на ней россыпь...

— Вот именно! Я убедился в этом, когда нашел золотоносные порфиновые дайки на Среднекане. Ведь в них богатое золото, а прямо под ними широкая, покрытая мощным чехлом галечников терраса. Куда же золоту из этих даек деваться, как не на террасу, которая когда-то была дном долины? Я уверен, что там должна быть россыпь!

— Да, россыпь Раковского, вероятно, не связана с твоими дайками, а если и связана, то лишь частично. Многократно повторявшееся врезание долины должно было сопровождаться столь же многократным переувом и переотложением золота. Мне бы очень хотелось проследить россыпи золота, образовавшиеся на разных расстояниях от коренных источников, и в частности россыпь, лежащую непосредственно на месте размыва ее коренного источника. Она должна иметь совсем неокатанное золото!

— Обычным лотковым опробованием найти ее будет нелегко. Ведь в таких россыпях очень слабо да и, наверное, неравномерно выражено обогащение. Поэтому всякая проба будет более или менее случайной. Неперенесенные россыпи нужно искать вблизи коренных источников, например у кварцевых или порфировых жил с золотом.

— Кстати, о многократном переувоме,— вдруг вспомнил Цареградский.— Ты знаешь, ведь я нашел на некоторых водоразделах Среднекана хорошо окатанную гальку! Я и забыл тебе сказать! И потом, взгляни-ка назад! Видишь: все поверхности водоразделов находятся примерно на одном уровне?

— Верно! — Билибин повернул голову и внимательно оглядел горизонт.— Отсюда это видно довольно ясно. А с перевала будет еще заметнее.

— Может, прикинуть их нивелиром? — сказал Казанли.— Тогда не нужно будет гадать, единый ли у них уровень.

— Мне кажется,— продолжал Цареградский,— что эта поверхность выравнивания была когда-то здесь всеобщей. Лишь потом эта древняя равнина стала медленно подниматься и образовала плоскогорье, в которое и врезался Среднекан.

— Гм... Очень заманчивая идея! Но доказать ее на таком маленьком клочке земли невозможно... Ведь плоскогорье могло быть и изначала таким же высоким, как воображаемая плоскость среднеканских водоразделов!

— При этом варианте было бы труднее объяснить такое

громадное врезание новой долины Среднекана: ведь оно достигает восьмисот метров. Но вообще ты прав, Юра: нужны более обширные доказательства!

Такие и похожие на этот разговоры два молодых геолога вели между собой во время длинного пути, когда им больше чем обычно приходилось бывать вместе. В подобных разговорах, которые, впрочем, не всегда были мирными, оба первооткрывателя проверяли течение своих мыслей и правдоподобность возникших у них объяснений.

(В какой-то мере эти размышления отразились в изданном через несколько лет Билибиным руководстве, посвященном геологии россыпей. Эта блестяще написанная книга обобщала весь накопленный к тому времени в Советском Союзе, но особенно на Колыме и Алдане, опыт классификации и характеристики россыпей золота и других ценных минералов. Будучи первой в этом роде, книга Билибина и до сих пор служит настольным руководством для всякого геолога, имеющего дело с россыпными полезными ископаемыми.)

В те же годы, сообразно со склонностями своей природы, Цареградский занимался на Колыме практической стороной учения о геологии россыпей. Именно это обстоятельство сперва поставило его во главе громадной армии колымских геологов — поисковиков и разведчиков, а затем принесло ему золотую медаль Героя и золотую же лауреатскую медаль. Так золото, поискам которого он посвятил всю свою сознательную жизнь, бросило свой отблеск на впалые щеки стареющего человека. Впрочем, ни запонок, ни колец, ни каких-либо других золотых украшений этот человек никогда не носил.)

В тот день путешественники простояли около пяти часов, и лишь когда солнце склонилось к закату, а снег на склонах гор покрылся румянцем, олений транспорт тронулся дальше. Теперь они путешествовали только светлой северной ночью, давая оленям роздых днем, когда солнце размягчало наст. Цареградский уже второй раз шел по этому пути — Среднекан, Сулухучан, Герба, Буюнда, Талая, хотя и в обратном направлении. Но время года и настроение сильно меняют пейзаж. Осенью он очень торопился к Среднекану, впереди маячила глухая зима и неизвестность, на сердце было беспокойно. Сейчас все обстояло иначе, и суровый пейзаж преобразился. Теплые, солнечные дни позволяли идти на лыжах совсем налегке. Часто оба геолога и астроном раздевались по пояс и скользили по легкому, рассыпавшемуся кристалликами снегу, подставляя солнцу свои загорелые плечи.

Но вот наконец все перевалы позади. Отряд поднялся по долине Талой к горячему источнику. Отсюда пути геологов расходились. Билибин, Казанли и группа рабочих отправились далее на Малтан и Бахапчу, а Цареградский остался в фантастической долине Талой. Олени, доставив людей к месту весновок, возвращались к себе в Олу и в другие прибрежные селения.

Весновка. Какая это чудесная пора для геолога! В уютном месте, в полутора километрах от дымящихся источников, разбита утепленная палатка. Земля прогрета тут насквозь, и потому снега на террасе давно нет, палатка стоит прямо на сухой земле. В палатке вечером и утром потрескивает крохотная печурка, на которую так приятно смотреть, когда погашена свеча и тонкие железные стенки излучают ласковое тепло. Днем печку уже можно не топить, так как палатка достаточно прогревается солнцем. Впрочем, днем геолог в ней почти и не бывает. Его время заполнено полевыми маршрутами, опробованием долины Талой и ее притоков (которым он занят вместе с промывальщиком), охотой, потрошением дичи, изготовлением чучел для Зоологического музея Академии наук и тысячью других дел.

У Цареградского было два помощника — промывальщик Майоров и рабочий Игнатъев, который ведал несложным полевым хозяйством, но при надобности вполне успешно справлялся с промывкой проб. За длинную зиму на Среднекане все они успели хорошо приладиться друг к другу, поэтому весновка на Талой и последующее путешествие на плоту по Буюнде не омрачались несходством характеров и какими-либо трениями.

Скалистые гранитные возвышенности в верховьях Талой обращены на восток и юго-восток, и к середине мая они уже почти освободились от снега. Цареградского глубоко волновал вопрос о происхождении золота и о возможной связи его с гранитами. Как только в ручьях появилась талая вода, он занялся с Игнатьевым опробованием. У промывальщика внезапно вспыхнул острый приступ ревматизма, и он оставался в палатке варить обед и принимать горячие ванны. Но опробование оказалось безуспешным. Где бы они ни брали пробу, никаких значков золота на лотке не оставалось. Они обошли Тальский гранитный массив почти со всех сторон, и всюду лотковое опробование давало отрицательный результат. Привыкший к почти постоянному успеху на Среднекане, где лишь редкие пробы были вовсе пустыми, Цареградский был сильно разочарован. Но вывод из этой неудачи был один: связь коренных источников золота с гранитами ставилась под сомнение. Впрочем, может быть, не все граниты одинаковы и есть среди них золотиносные? Он решил проверить и такой вариант, но удалось это лишь много лет спустя.

Зато верховья Талой увлекли его в другом отношении. Никогда ни до, ни после этой весновки он не видел такого поразительно характерного ледникового ландшафта. Высокий гранитный массив был вырезан несколькими правильными фестонами, которые, примыкая друг к другу, образовали единый гигантский полуцирк. В те времена, когда здесь еще не растаяли льды, они шапкой покрывали всю возвышенность, медленно ползая вниз и своей тяжестью выпаживая ее склоны. У подножия полукилометрового цирка зеленели небольшие ледниковые озера с кристально чистой водой. Цареградский вглядывался в их смутно мерцающую глуби-

ну, пытаясь увидеть в ней рыбу, но озера были мертвыми. Ниже начиналась зона мощных ледниковых отложений. Громадные гранитные валуны чередовались в них с мелкой галькой, песком и слоистой ледниковой глиной. По краям ущелья эти отложения струживались в длинные продольные валы — боковые морены. На дне долины можно было видеть испаранные и отполированные льдами гранитные скалы. Пологие в верхней своей части, они круто обрывались по ходу ледника. Скалы вполне оправдывали свое название — «бараньи лбы». В нескольких километрах от ледниковых цирков находились беспорядочные нагромождения конечных морен. Здесь было особенно много колоссальных валунов, обтертых и окатанных движением льда. Именно здесь особенно наглядно чувствовалась неизмеримая мощь природных сил, с такой удивительной легкостью ворочавших и двигавших по неровному дну долины эти гранитные глыбы величиной с двух- и трехэтажный дом. Бродя в этом каменном хаосе, люди представлялись самим себе муравьями во владениях какого-то сказочного великана.

У верхней морены блестело несколько небольших водоемов, от которых собственно и начиналась река Талая. Эти небольшие озерки уже были живыми. Правда, в них не плескалась рыба, но зато перепархивали стайками только что прилетевшие утки.

Незадолго до прихода Цареградского в эту живописную долину с кипящими источниками, прекрасным лесом и великолепным ледниковым пейзажем начался весенний перелет птиц. Уже несколько дней слышался гусиный переклик и видны были в небе большие, медленно плывущие косяки, но гуси тянулись мимо, к громадным просторам Буюндинской долины. Вскоре, со свистом рассекая воздух, полетели стремительные утки. Их привлекала маленькая замкнутая долина Талой, и они многочисленными стайками оседали вдоль реки. Особенно часто утки садились ниже горячих источников, где вода в реке не замерзала даже в самую сильную стужу и где было много червячков, личинок и водорослей. В озерах и бесчисленных лужах среди плоской долины также хлопотало много уток.

Теперь свежее мясо стало постоянной пищей путешественников. Они варили похлебку с утятинной или тушили дичь с рисом, радуясь тому, что кончилась наконец длинная зима с ее до смерти надоевшими консервами.

Однажды в верховьях Талой они с промывальщиком вышли на откос реки и остановились как вкопанные. Невдалеке возился над какими-то корешками небольшой медведь-пестун. Покопавшись у подножия старой лиственницы, он вдруг встал на задние лапы и начал оглядываться.

— Должно, нас учуял, — прошептал Игнатъев.

Однако медведь, покрутив носом, успокоился (ветер дул от него) и решил поиграть. Он подошел к краю небольшого крутого склона и, сев на снег, съехал к воде. Забава понравилась. Тут же он встал

на четвереньки, вновь поднялся наверх и, всхрапывая от восторга, на собственных «салазках» покатился вниз. Так он повторил раз шесть или восемь, пока забава не надоела. Потом, громко фыркая, он поворочал камни на берегу и, заковыляв вниз по течению, скрылся в кустах.

— Недаром их в народе мишками зовут,— сказал Игнатьев.— Вот ведь игрун какой, чисто человек!

К началу июня снег полностью сошел с земли во всей долине. Лишь горы в верховьях Талой еще блестели на восходах и закатах большими снежными пятнами. Эти поля фирнового снега держатся тут все лето и стаивают лишь к концу августа. Во второй половине сентября те же овраги и обрывы вновь белеют под свежавшей порослью.

К 10 июня Цареградский закончил геологическую съемку и опробование долины Талой и всех ее крупных притоков. Он провел дополнительные наблюдения на горячем источнике, измерил дебит каждого из выходов, набрал свежие пробы воды и газов. Каждый день он принимал в одном из естественных бассейнов целительную ванну. Наконец настало время трогаться к Буюнде и далее назад, в долину Среднекана. Все пробы на золото в этом районе дали отрицательные результаты; было ясно, что бассейн Талой находится за пределами пояса золотоносности.

«В науке и отрицательный результат имеет положительное значение, поскольку он суживает рамки исследований»,— вспомнил он фразу, которую как-то раз услышал от одного из своих институтских учителей, Анатолия Капитоновича Болдырева. Бесплодные результаты опробования помогали им сузить границы золотоносной зоны на Колыме и сделать будущие поисковые и разведочные работы более целеустремленными.

По плану маленький отряд должен был тут же, на Талой, построить себе плот, спуститься на нем до устья и потом сплывать по Буюнде на Колыму. Но обстоятельства все изменили. Река Талая оказалась очень мелкой, а ее русло было перегорожено несколькими наледями, которые делали реку вовсе непригодной для сплава.

Наледи образуются на Крайнем Севере зимой. Реки зимой быстро промерзают в глубину, давление воды усиливается, во льду образуются трещины. Речная вода прорывается на поверхность, новые и новые выплески ее мгновенно схватываются морозом, и в долине постепенно нарастает многослойная наледь толщиной до двух и даже четырех метров. Особенно большие наледы образуются благодаря замерзанию грунтовых вод, поднимающихся под напором на поверхность. Эти наледы занимают много квадратных километров и отличаются постоянством местоположения. Знаменитая Большая наледь (Улахан-Тарын) в долине Индигирки, несомненно, находится на одном и том же месте многие тысячелетия. Большая мощность наледей позволяет им уцелеть и летом, какая бы жаркая ни выдалась погода.

Вот такие наледы в двух или трех местах преграждали Талую, и вода с шумом и клокотанием уходила в зеленоватый ледяной тоннель, из-под которого появлялась сотнями метров ниже.

От постройки плота пришлось отказаться. Единственное, что оставалось,— это перенести груз до устья Талой на себе. Однако от этой неприятной перспективы избавила случайность. Неподалеку от Тальского источника они повстречали небольшое стадо оленей. Хозяином его был тот самый эвен, которого они уже однажды истретили прошлой осенью на Малтане и который сообщил им о благополучном прибытии Билибина на место. Сейчас он переправлялся к устью Талой, где находилась его летняя стоянка. На нескольких вьючных оленях старик перевез весь груз маленькой партии до долины Буюнды.

Через несколько дней перед путешественниками раскрылись широкие просторы большой реки.

Река — лучшая дорога

К 15 июня был готов плот, на котором Цареградскому и его спутникам предстояло проплыть до устья Буюнды не меньше трехсот километров. Плот был крепко связан прутьями и состоял из двух рядов сухих ивовых и тополиных бревен. У него была высокая осадка, что позволяло ночевать на плоту, не сходя на берег и не опасаясь подмочить спальные мешки. Спереди и сзади были прикреплены два длинных рулевых весла, у которых стали Игнатьев и Майоров.

Путешествие на плоту! Может ли быть что-либо приятнее для человека, ноги которого утомлены большими переходами, а плечи чуть ли не в кровь растерты лямками рюкзака?

Когда рабочий, поднатужившись, оттолкнул плот от берега и его подхватило течением Буюнды, Цареградский глубоко и с облегчением вздохнул. Наконец они смогут немного побездельничать и спокойно покурить, не думая о том, как бы вовремя закончить тяжелый маршрут, чтобы дотемна попасть в лагерь и успеть, пока светло, поужинать и записать в дневник все виденное, а потом выспаться до следующего столь же утомительного маршрута.

Мимо быстро скользили зеленые, расцветающие берега. Лето на севере короткое, и природа спешит втиснуть в отведенные ей сроки все, что в других широтах она растягивает вдвое или втрое. Давно ли здесь лежали непроходимые, казавшиеся вечными снега! И вот уже колышутся высокие травы, а из них выглядывают цветы. Набухает соком и шумит под ветром листва. Галдят кедровки, щебечут вездесущие синицы, и даже кукует кукушка. С реки то и дело перед плотом взлетают утки, каждая по-своему. Зоркие крохали, издали увидев людей, с шумом бьют крыльями о воду и, все ускоряя разгон и набирая высоту, уносятся далеко вперед. Маленькие чирки, как стайка воробьев, мгновенно срываются с воды и, перелетев через плот, с шумом садятся на воду в каком-нибудь десятке метров от него. Осторожные гуси, один из которых всегда стоит на страже, снимаются с воды или с берега заходя и, описав большой круг, садятся где-то за видимым горизонтом. Нередко видны и сидящие на берегу парами лебеди, но они не подпускают близко и их не удается сфотографировать.

Однажды стоявший впереди на руле Игнатьев вдруг вскричал: «Гляди-ка, никак сохатый плывет!» Действительно, метрах в трехстах от плота большую реку переплывала лосиха. Присмотревшись, они увидели, что лосиха не одна: рядом темнела голова

маленького лосенка. Мать плыла выше по течению, чтобы лосенка не так сильно сносило водой. Однако сосунок все же не успевал за быстро плывущим громадным животным и, отставая, темнел маленьким пятнышком на воде. Лосиха увидела плот и людей на нем, решительно повернула назад, быстро выплыла на мелководье и, подталкивая лосенка мордой, быстро скрылась в густом пойменном тальнике.

Тем временем мимо медленно и плавно проплывали заросшие лесом острова, голые галечниковые косы и крутые скалы, из которых нужно было брать образцы пород. Вскоре, однако, обнаружилось главное неудобство плавания на плоту: приставать к берегу на таком громоздком и тяжелом сооружении было совсем не просто. Плот сносило вниз течением, и потом нужно было долго с молотком в руке брести по воде к тому месту, откуда надо взять образец. После этого приходилось долго биться, чтобы столкнуть плот в воду и вывести его на фарватер. Стало ясно, что сплав грозит затянуться более чем втрое, если не отказаться от частого осмотра обнажений.

К счастью, уже на третий день плавания на берегу показалась якутская юрта, близ которой лежал выдолбленный из одного ствола челн. После долгих уговоров хозяин юрты согласился отдать свою долбленку за деньги, табак, порох и дробь. С этого времени плавание пошло гораздо успешнее. Завидев издали скальное обнажение, Цареградский брал молоток и ружье, садился в верткую лодочку и обгонял медленно идущий плот. Осмотрев то, что было нужно, замерив горным компасом залегание пород и взяв образцы, он быстро догонял ушедший вперед плот и там уже записывал все виденное. Таким образом, геологические наблюдения уже не зависели от медленного движения плота, и плавание сильно ускорилося. Теперь плот приставал к берегу только ночью.

Буюнда, как и Талая, не давала никаких признаков золота в русловых пробах. Вместе с тем здесь были распространены такие же по возрасту и виду глинистые сланцы и песчаники, как и на Среднекане. Так, в двух обнажениях удалось найти отпечатки триасовых моллюсков рода «псевдомонотис». Это доказывало, что триасовое море когда-то охватывало и бассейн современной Буюнды. Из нахождения ископаемых раковин вытекало еще одно важное следствие: золотые россыпи и золотоносные жилы не являются непременно спутником сланцев и песчаников триасовой формации.

Кстати, долгое плавание по широкой и живописной долине Буюнды позволило Цареградскому сделать еще один интересный вывод, тоже отрицательного характера. Нанеся на маршрутную карту встретившийся небольшой гранитный массив, он отметил, что эти породы резко отличаются от гранитов Верхнетальского массива и что вокруг также нет ни малейших признаков золотоносности. Итак, пока все встреченные на Колыме типы гранитов как будто бы не сопровождалась золотым оруденением.

По мере того как плот спускался по Буюнде, в воздухе теплело. Бурно развивалось лето, а с ним и все живое. Прежде всего прибрежные леса наполнились комарами. Проклятые кровососы тучами вились над травой и кустами. Стоило пристать к берегу, как они облепляли лицо, шею и руки, и от них не спасал ни накомарник, ни березовый деготь. Правда, стоило подуть легкому ветерку, и жужжащее племя куда-то исчезало. Поэтому путешественники старались разбивать палатку на открытых всем ветрам речных косах. Здесь комары почти не беспокоили. Не было их и на плоту, так как они не долетали до середины реки.

К этому же времени вывелся молодняк у птиц. То и дело на пути попадались утиные и гусиные выводки. Уже издали можно было видеть расходящиеся углом струи воды, которые быстро двигались к зарослям на берегу. Впереди разрезала воду мамутка, а за нею кучкой неслись, хлопая крошечными крылышками, бурые птенцы.

Ниже устья Купки, большой реки, впадающей в Буюнду справа, горы отошли от поймы далеко в сторону. Теперь они маячили на горизонте, сине-зеленые, скалистые, с белыми пятнами сохранившегося снега. Цареградский уже не имел возможности осматривать коренные обнажения: это потребовало бы дальних экскурсий и нарушило бы календарный план. Поэтому ограничились опробованием устьев всех рек и ключей, впадавших в Буюнду. Некоторое косвенное представление о геологическом строении дальних гор можно было все же получить, осматривая гальку, которую несли с собой размывающие их речки. Всюду в гальке были точно такие же сланцы и песчаники, какие встречались в верхнем течении Буюнды. Они также не сопровождалась никакими признаками золотоносности.

Река, по которой плыл плот, с каждым днем становилась все более могучей. Ширина ее уже достигала двухсот, а то даже и трехсот метров. Еще мутные от весеннего половодья воды медленно скользили вдоль покрытых прекрасными пойменными лесами берегов. Местами русло разделялось на много протоков, и тогда путешественники колебались, не зная, куда лучше направить свой громоздкий корабль. Засядь они где-нибудь на мели или попади в глухой рукав — придется строить другой плот. Выручала маленькая лодочка. Молодой геолог загодя садился в нее и, обогнав своих товарищей, разведывал путь. Таким образом они ни разу не ошиблись в выборе нужной протоки, и все более чем двухнедельное путешествие прошло без аварий.

В нижнем течении Буюнда стала совсем медленной. Скорость течения не превышала полутора километров в час, и они плыли настолько медленно, что часами видели перед собой один и тот же остров или далекий залесенный мыс. Цареградский, которому надоело бездеятельное сидение на почти неподвижном плоту, временами едва не приходил в отчаяние. Чтобы разнообразить впечатления, он садился в свой быстроходный челнок и, загребая

маленьким веслом, далеко опережал плот, охотясь на уток и гусей или вылезая на берег, чтобы осмотреть гальку в устьях боковых речек или просто полежать на нагретом солнышком песке.

С каждым днем солнце пригревало все сильнее. В особенно жаркие дни температура поднималась до двадцати пяти и даже тридцати градусов, но от жгучих лучей северного солнца спасал продувавший реку прохладный ветерок.

Когда они выходили на берег, их поглощало роскошное пойменное высокотравье с букетами цветущих колокольчиков, сиреневосиних дельфиниумов, розового иван-чая и белых ромашек с солнечной сердцевинкой, в которой ворошились разноцветные букашки. На крутых террасах терпко пахли густые заросли багульника. Иногда Цареградский брал с собой удочку и, нацепив на крючок овода, вытаскивал больших черноспинных хариусов. Тогда вместо надоевшей утиной похлебки на обед подавалась ароматная, хорошо настоявшаяся уха.

Вскоре стало ясно, что, если не ускорить движения, сроки летних работ могут пострадать. Они отменили ночевки на берегу и несколько последних суток плыли и ночью. У руля оставался дежурный, который следил за фарватером, пока остальные спали. Буюнда была здесь столь широкой и глубокой, что опасности от такого передвижения почти не было. К тому же приспело время белых ночей, и солнце заходило за горы на каких-нибудь два часа, чтобы затем опять появиться на небосклоне.

Цареградский любил оставаться на ночное дежурство. Он пристраивался на удобной, похожей на кресло коряге и, время от времени пошевеливая веслом, смотрел на призрачный ночной пейзаж. Буюндинские белые ночи врезались ему в память на всю жизнь... Беззвучно струится, кое-где свиваясь в закрученные воронки, тяжелая вода. Над рекой свесились, цепляясь за волны, прибрежные кусты. Течение настолько медленное, что видно, как трепещет, склонившись к струе, веточка тальника. Она то кланяется, приседая, то вдруг отскакивает назад и, выпрямившись, ждет следующей волны. На северо-западе горит вечерняя заря, на северо-востоке уже багровеет облака над готовым взойти солнцем. Далеко над лесом нависли густо-сиреневые горы. Вот-вот их сумрачные скалы тронет новая заря. Чудо как хорошо сидеть в такую волшебную полночь и без лишних дум следить за неслышим движением плота и времени!

2 июля впереди показались просторы Колымы. В середине дня плот вышел на фарватер могучей реки. Его подхватило сильным и гораздо более быстрым течением. Теперь предстояло спуститься на двенадцать километров, к устью Сеймчана, где находилось небольшое селение. Там Цареградский рассчитывал нанять или купить у якутов лошадей для предстоящей в июле и августе геологической съемки Среднеканского бассейна.

К концу дня плот пристал к устью Сеймчана. Они выгрузились на берег. Долгое, но очень интересное и несколько не утомительное

путешествие по Буюнде было закончено. В сущности сплав по реке и маршрутная съемка долины были, скорее, отдыхом от напряженных работ предыдущего года.

— Это вроде двухнедельного отпуска нам вышло! — заключил поездку промывальщик Майоров.

Сеймчан (ныне довольно большой районный центр) в то время был крошечным таежным якутским поселком. Около десятка рубленых якутских юрт рассыпалось вдоль необыкновенно живописной долины. Посреди поселка поднималась старая, посеревшая от времени деревянная миссионерская церковь с шатровой колоколенкой. Церковь использовалась под какой-то сельский склад, и якуты уже стали забывать о тех временах, когда они исповедовали чуждую им по духу и непонятную христианскую религию.

Долго жители Сеймчана и расположенного выше по Колыме Таскана относились с опаской ко всем русским, включая экспедицию Билибина и особенно старателей оглобинской артели. Сказывалось отсутствие при экспедиции умелого посредника, который смог бы разъяснить, что эти русские вовсе не те, что были здесь до революции, и что геологи никакого зла местным жителям не желают и не причинят. Однако постепенно отношения между приезжими и коренными жителями стали налаживаться. Аккуратность в расчетах за наем оленей и лошадей, щедрая расплата за местные продукты и, главное, дружеское отношение к якутам и эвенкам — все это сломало лед отчуждения. Не желавшие что-либо продавать экспедиции, когда та жестоко голодала в начале прошлой зимы, сеймчанцы и тасканцы теперь совершенно изменились: они сами возили на Среднекан мясо, оленьи шкуры, масло, молоко и даже ягоды в обмен на чай, махорку, табак и деньги.

Сеймчанцы радушно встретили Цареградского и, угостив его, по якутскому обычаю, сбитой сметаной, кирпичным чаем, пресными лепешками и маленьким кусочком замызганного сахара, обещали арендовать до зимы десять — двенадцать лошадей с каюрами. Кроме того, он купил здесь еще две долбленные лодочки в добавление к той, что у него была: ведь отсюда предстояло плыть вверх по Колыме еще по крайней мере сто километров, до устья Среднекана.

Лошадей дожидаться не стали: пришедшие к палатке якуты сказали, что их пригонят с пастбища не раньше чем через неделю. Не желая нарушать сроки возвращения, о которых было договорено с Билибиным, Цареградский решил отплыть завтра же.

Утром 4 июля три маленькие легкие лодочки отошли от устья Сеймчана и, придерживаясь берега, где течение послабее, одна за другой направились вверх по реке. Брошенный плот, сиротливо приткнувшийся к косе, вскоре скрылся за поворотом.

Долина Колымы между Сеймчаном и Среднеканом очень живописна. То справа, то слева к воде спускаются лесистые крутые склоны. Потом река, широко расплескавшись по внезапно раздвинувшейся долине, гремит перекатами, и на ней вырастают

многочисленные острова. Нависшие над водой тополя и ивы почти скрывают узкие протоки, которые уходят куда-то вдаль просвеченными солнцем коридорами. Иногда река круто изгибается, и тогда перед путешественником предстают неожиданные дали и новые горизонты. Безмолвие широких плесов нарушается то утиным криканьем, то далеким гоготаньем гусей, то внезапным всплеском ударившей хвостом рыбы.

По пути на Среднекан Майоров продолжал опробование боковых притоков. На полдороге от Сеймчана они снова напали на признаки золотоносности: на одной из галечных кос в лотке оказалось несколько крошечных золотинок. Итак, они опять вошли в пределы золотоносной зоны. Одна из ее границ, восточная, могла быть теперь точно отмечена на карте. Поразительным казалось лишь то, что геологическая обстановка при этом совсем не изменилась. Перед глазами тянулись все те же тонкоплитчатые черно-серые глинистые сланцы и песчаники, которые были совершенно «пустыми» вдоль всего буюндинского маршрута.

«Итак, сланцево-песчаниковая формация, — думал Цареградский, — лишь вмещающая среда для золоторудных месторождений и сама по себе признаком для поисков служить не может. Граниты тоже золота с собой не несут. Следовательно, источником золотоносности являются лишь кварцевые жилы и порфиоровые дайки?»

Будущее показало, впрочем, что эти первоначальные выводы, будучи близкими к истине, все же не охватывали ее целиком. Некоторые гранитные массивы оказались также золотоносными, хотя и в гораздо меньшей мере, чем догранитные порфиоровые дайки и кварцевые жилы. Однако откуда берется золото в этих жилах и дайках? Прямая между ними связь или косвенная? И не происходят ли те и другие из одного общего, нам еще неизвестного источника? (Эти вопросы, мучившие в то лето геологов, оказались настолько сложными и противоречивыми, что споры длятся и по сей день и какого-либо единого, безусловно восторжествовавшего решения все еще не существует.)

Цареградскому впервые приходилось плыть на одноместных якутских лодочках против течения. Он был удивлен скоростью, которую они при этом развивали. Легкие, отполированные руками и водой «ветки», казалось, выскакивали при каждом гребке и быстро скользили, еле касаясь волн. Правда, в каждой из этих похожих на байдарки лодочек сидел здоровый мужчина, обуравый желанием поскорее попасть «домой» и не желавший отстаивать от товарищей. Цареградский почти всегда плыл впереди маленькой флотилии: сказывалась молодость и часто выручавшая в жизни спортивная тренированность. Кроме того, и ему не терпелось вернуться на Среднекан, к товарищам. Правда, огорчала собственная неудача: ведь нигде, кроме последних проб, они не обнаружили золота. Но молодость доверчива, и он не сомневался, что зимние находки на Среднекане были лишь началом чего-то большего!

Сто километров даже по ровной асфальтовой дороге пройти нелегко. Еще труднее их проплыть, да еще борясь с течением такой быстрой и большой горной реки, как Колыма. Чтобы не тратить лишних сил, люди плыли, придерживаясь берега: там слабее течение. В тихих заводях его вообще почти нет. А в некоторых случаях, в крутелях, встречаются даже и противотечения. Они плыли с короткими передышками для еды и отдыха весь долгий летний день, занимая по многу часов и у ночи. Единственное, что их отвлекало,—это пробы на золото. Но все трое так хорошо сработались, что тратили на промывку совсем немного времени.

Выбрав подходящее место для закопушки, двое брались за кирку и лопату, быстро добирались до скального основания и наполняли лоток смесью щебня, гальки и песка. Присев на корточки у ручья, Игнатьев или Майоров быстро отмывали лоток, а потом, ссыпав на совок остаток тяжелого черного шлиха, просушивали его на уже разожженном костре. Затем все трое старательно гасили костер (старая таежная привычка, непреложный закон!) и трогались дальше.

Всю вторую половину пути почти в каждой пробе обнаруживались знаки золота. Во всех случаях содержание его было еще очень далеким от промышленного, но принципиальная золотоносность все же устанавливалась. Всем своим существом Цареградский чувствовал, что, избрав этот метод поисков, они с Билибиным находятся на правильном пути и что неизбежно придет день, когда все контуры золотоносного пояса Колымы будут замкнуты!

В одну светлую ночь начала июля маленькие лодочки, вынырнув из-за очередного поворота реки, оказались перед устьем Среднекана. Еще полчаса ходу, и утомленные путешественники завели свою флотилию в светлые воды уже казавшейся им родной реки и вытащили лодки на берег. На берегу их встретили несколько старателей Союззолота, которые поджидали здесь сплавлявшийся с Бахапчи груз. Оказывается, Раковский вернулся на Среднекан два дня назад, и его палатка разбита в нескольких километрах от устья. Билибин еще не возвращался.

— Ну как, ночуем здесь или пойдём наверх? — спросил Цареградский.

— Чего становиться, когда наши недалеко! Лучше вместе ночевать, — ответил Игнатьев.

Покурив и размяв одеревеневшие от усталости ноги и поясницу, они потихоньку тронулись вверх. В двух километрах от устья шедший впереди Игнатьев вдруг радостно воскликнул:

— Палатка!

Действительно, среди прибрежного тальника смутно белело прямоугольное пятно.

Золотое колымское лето

Это была палатка Раковского. Сергей Дмитриевич действительно два дня назад вернулся из долины Утиной. Сейчас, услышав шум, он выскочил из палатки и радостно бросился навстречу поздним гостям. Проснулись и зашумели рабочие.

— Ну вот и вы здесь, Валентин Александрович, — говорил он, крепко пожимая Цареградскому руку. — Билибин еще не возвратился. Жду со дня на день. Ну как вы? Удачно работалось? Что-нибудь интересное есть? Золото нашли?

— Интересного-то много, — ответил, снимая рюкзак, Цареградский. — Съёмка прошла хорошо, а вот золота нет. Только около Среднекана опять стали попадаться маленькие значки.

— Да ну! — воскликнул, не скрывая своей радости, Раковский. — А у меня вот есть золото, да такое, что рот разинешь!

Он осторожно приоткрыл полу палатки, чтобы туда не проникли звеневшие вокруг комары, пропустил гостя вперед, а затем и сам скользнул следом.

— Вот проклятые, — пожаловался он, сметая ладонью с потолка успешных залететь насекомых. — Ни днем ни ночью покоя не дают!

— Так говорите, нашли золото? — сказал, садясь на вьючный ящик, Цареградский. — Ну, рассказывайте!

— Рассказывать-то, пожалуй, долго. Вы и так еле на ногах стоите. Да и утро уж скоро. Я лучше покажу кое-что для хороших сновидений, а расскажу поподробнее утром!

— Ну что же, можно и так. Показывайте свои чудеса. Мы действительно здорово сегодня утомились. Все-таки больше полусотни километров проплыли.

Только сейчас он почувствовал охватившую его страшную усталость. Руки были деревянными. Плечи так сильно ныли в суставах, что казалось, их вывернули на дыбе. Ноги, наоборот, очень отекали от долгого бездействия и неудобной позы в лодке. Сейчас по икрам бегали мурашки: это постепенно восстанавливалось кровообращение. В ушах стоял ровный шум волн, и мерещилось, что все еще всплескивает вода под веслом. Он никак не мог сбросить с себя впечатлений прошедшего дня.

— Вот смотрите. Как собрали в коробку, так и храню в ней!

Раковский протянул ему жестяную коробку из-под ленинградских папирос «Дели». Геолог взял ее в руки.

— Ого!

Всем нашим жизненным опытом мы приучены к более или менее определенному весу окружающих вещей и подсознательно сообразуем свои действия с этим предполагаемым весом. Человек протягивает руку, чтобы взять со стола книгу, совсем не так, как он это сделал бы, если бы ему необходимо было поднять утюг. Если вес предмета резко отличается от предполагаемого, мышцы оказываются не подготовленными к усилию. Они либо перенапряглись, либо расслабились больше, чем надо. Реакцией на невольную мышечную ошибку является удивление.

Взяв коробку, Цареградский едва не выпустил ее из рук, потому что она оказалась непривычно тяжелой. Раскрыв ее, он ахнул еще раз.

В коробке доверху теснились матово сиявшие самородки. Все они были сильно окатаны и начисто лишены железистой корочки. Видимо, золото долго перекатывалось рекой и вода давно смыла с него всяческие налеты и растворила все, что могло раствориться. Самые мелкие из золотин были с маленькую горошину, самые большие походили формой и величиной на конский боб. Казалось, в палатке засветился золотой фонарик и лучи от него, затмевая свечу, бросают блики на склонившиеся лица.

Такого количества золота в одной пробе Цареградский еще никогда не видел. Все, что им до сих пор удавалось намыть, не шло ни в какое сравнение с тем, что показал ему сейчас Раковский.

— Действительно здорово! — выдохнул он наконец. — Как это у вас получилось?!

— Э, сох дагор (по-якутски «нет, товарищ»). Уговор пуще денег. Раз договорились утром, значит, все! — рассмеялся разведчик. — Пойдемте, помогу разбить палатку, а завтра все подробно обрисую. Пока могу сказать одно: никогда в жизни я подобного не встречал!

На следующее утро Цареградский еле проснулся и с трудом выполз из мешка. Болели плечи и поясница. Мозоли на ладонях и пальцах налились кровью и горели, как в огне. Впрочем, разве могло быть иначе: два дня они плыли против течения, да еще без всякой предварительной подготовки. И тренированному спортсмену это не прошло бы даром!

Однако молодость быстро залечивает свои недуги. После позднего завтрака в тени склонившейся над рекой ивы он почувствовал себя лучше и вновь подивился красоте золотой коробки. Чтобы избавиться от комаров, приятели сели на ветерке, и закурив, Раковский поведал о своих приключениях.

Билибин поручил ему опробование устьев всех правых притоков Колымы от Таскана до Среднекана; на себя он предполагал взять шлиховое изучение правобережья Колымы выше Таскана вплоть до Бахапчи.

Оба должны были вести свои работы, спускаясь по Колыме: Раковский — на лодке, Билибин — на кунгасах.

Раковскому предписывалось добраться по весеннему льду до поселка Таскан, расположенного примерно в двухстах километрах выше Среднекана. Там он должен был купить или построить большую лодку и начать опробование, спускаясь оттуда по течению к Среднекану. Чтобы ускорить работы, начальник экспедиции выделил этому отряду двух промывальщиков и двух рабочих.

Поездка Раковского была во всех отношениях удачной. Он благополучно доехал со своими спутниками на оленях до якутского поселения, где сразу взялся за сооружение лодки. Кроме того, ему без труда удалось договориться с тасканцами об аренде пятнадцати лошадей для летних работ в долине Среднекана и осенней переборки грузов на Охотское побережье, в Олу. Якуты обещали собрать лошадей к июлю, когда табуны подкормятся на сочных июньских травах после долгой зимней бескормицы.

Как только на Колыме прошел лед и спал паводок, Раковский, у которого была уже построена, проконопачена и просмолена лодка, отплыл из Таскана, довольный якутским гостеприимством и своей способностью налаживать связи с населением.

Однако дела с шлиховым опробованием поначалу не ладились. Уровень реки был все еще очень высок, и вода закрывала приустьевые косы. Приходилось брать пробы на золото не совсем там, где требовалось правилами, и это отражалось на результатах. В некоторых пробах обнаружилось небольшое количество золотин, но они были очень мелкими, а их содержание непромышленным. Так продолжалось вплоть до реки Утиной — первого большого правого притока Колымы, который они встретили на своем пути к Среднекану. На этот раз картина резко изменилась. Первые же пробы оказались удачными.

Сообразно со смыслом инструкций Билибина он должен был прекратить на этом опробование Утиной и спускаться дальше по Колыме. Но разве может настоящий золотарь бросить уже нащупанную россыпь и уйти от нее к чему-то неизвестному! У Раковского не хватило на это мужества, и он поднимался километр за километром по долине Утиной.

Чутье не подвело молодого алданца. Пробы, которыми он систематически исследовал края утинской россыпи (до середины ее он не мог добраться: это потребовало бы шурфовки), были все более обнадеживающими. Вскоре стало совершенно очевидно, что открыта еще одна россыпь...

Вечером 21 июня, ровно через год после отплытия экспедиции из Владивостока, с Раковским произошло удивительное событие.

Поднимаясь по долине Утиной (она была названа так в прошлом году Билибиным из-за необыкновенного обилия гнездившихся в ее устье уток), он набрел на небольшой, короткий пережат. Все его помощники были заняты рытьем очередных закопущек, а он решил подыскать подходящее место для ночлега и, насвистывая, медленно брел с рюкзаком по берегу.

«Вот хорошее место для палатки,— решил он, высмотрев ровную, продуваемую ветром площадку у самого переката.— Комаров не будет, и дров вдоволь, и вода есть!»

Он собрал хворосту, разжег небольшой костер и пошел к реке набрать воды в чайник. Река текла в коренном русле прямо поперек простирания слоистой свиты песчаников и глинистых сланцев, которые подходили к другому берегу крутым утесом. Тонкие, почти вертикально торчащие плитки осадочных пород образовали что-то вроде гребенки со скачущей с порожка на порожек говорливой струей. Воды у берегов на перекате было немного, и Раковский прекрасно видел все дно с поблескивающей под лучами заходящего солнца галькой.

«Природная бутара для промывки золота!» — Он всматривался в гребенчатое дно, где между вертикально торчащими плитками сланца крутились течением чисто отмытые водой камешки.

«Вдруг в этой гребенке что-нибудь есть? — подумал он и тут же отбросил эту мысль.— Нет, чебуха, в жизни так не бывает! А все-таки почему бы и нет? Чем черт не шутит! Ведь никто смеяться не станет, меня не видно...» Он присел на корточки и, склонившись над водой, всматривался в игравшие с камешками струйки. «Конечно, ничего. Песок да галька!»

Все-таки, посмотрев немного, он сунул руку в воду и зачерпнул пригоршню песка и гальки. Вода стекла у него между пальцев, и он разжал ладонь.

Что это? Между серо-черной плоской галечкой и чисто промытым зернистым речным песком матово заблестело. «Золото?! Боже мой, конечно, золото! Что же еще?»

Он переложил песок из правой руки в левую и, вороша его указательным пальцем, выловил две золотины: одну — с фасолину, другую — с большую спичечную головку. В голове у него зашумело, как от спирта, кровь бросилась в лицо.

«Руками его не выбрать. Нужно перелопатить всю гребенку. Осмотреть ямки и гнезда. Здесь может быть чертова уйма драгоценного металла!»

Не раздумывая и забыв о костре и чайнике, Раковский бросился к товарищам. Те еще рылись в своих закопушках, метрах в трехстах от переката.

— Ребята,— задыхаясь, крикнул он,— бросайте все! Идем наверх, к перекату! Смотрите, что я нашел на сланцевой щетке!

Он протянул руку и разжал ладонь. Кто-то протяжно присвистнул от восхищения, и все четверо заторопились вслед за Раковским, прихватив свой инструмент.

Скоро на перекате закипела работа. Трое тщательно выскребали между ребрами сланцевой гребенки песок и гальку, двое промывали их на лотке. Тут же, на разостланном плаще, лежала коробка, в которую сыпалась золотая добыча. Некоторые особенно крупные самородки оказались прямо на виду под тонким слоем воды; их просто выбирали руками.

— Ни в жисть бы не подумал о таком! — говорил старший из промывальщиков, осторожно стряхивая лоток над жестяной папиросной коробкой.— Сколько на Алдане ни работал, а столь бешеного золота не встречалось!

Азарт заражает. На всех пятерых напало что-то вроде лихорадки. Они забыли о времени, об усталости, о еде. Короткая летняя ночь растворилась в ранних лучах зари, наступило утро, а они все еще собирали золотины. Наконец, когда коробка наполнилась золотыми самородками до краев, а взошедшее солнце пригрело землю, Раковский опомнился:

— Хватит, ребята! Айда спать! Всю щетку промыли насквозь. Если что и осталось, то какие-нибудь пустяки, потом домоем. Шабаш!

Люди с трудом разгибали заостеневшие от холода и работы спины и вылезали из воды на еще покрытую росой береговую гальку. Через несколько минут запылал жаркий костер, над которым они просушили мокрую одежду, а заодно и намытое золото.

На сравнительно небольшую площадку сланцевой гребенки, которая задержала перекатываемое рекой золото, его приходилось необычно много. Настолько много, что пересчитывать получившееся содержание на кубометры породы или квадратные метры площади было явно бессмысленно.

Этот участок реки Утиной благодаря случайному сочетанию природных условий просто сыграл роль промывочного прибора, в котором собралось богатое золото.

В тот же день Раковский убедился, что власть золота со старых времен несколько не ослабла. После того как они с трудом заставили себя подняться к полудню, один из рабочих знаком отозвал его в кусты, подальше от палатки.

— Слушай, Сергей Дмитрич,— сказал он шепотом,— что я тебе скажу. Что думаешь делать теперь с Утиной-то?

— Как что? Пойдем опробовать долину выше, пока не дойдем до верхнего края россыпи.

— Да не, я же не о том говорю. Скажешь ли начальнику о нашей находке?

Раковский посмотрел на него с удивлением:

— Да ты в своем ли уме, парень? Как же иначе, конечно, скажу!

— А ты не сказывай,— зашептал рабочий.— Пока не сказывай, сразу-то! Осенью Билибин с Цареградским поедут отсюда, а мы с тобой останемся. Артель хорошую сколотим. Постараемся. На всю жисть за одну зиму-лето заработаем. Дело говорю. Слушай меня!

— Слушай, слушай! — рассердился Раковский.— Ты, видно, совсем спятил, что мне такое предлагаешь! Если захочешь остаться, оставайся! Вон артель на Среднекане работает. Старайся с ними, а о таких секретах и не помышляй! Ишь, что надумал! Нам доверили, а ты на обман сговариваешь!

— Да не, я что ж,—струсил рабочий.— Коли не хочешь, как хочешь. Воля твоя. Я могу, конечно, и так постараться. На Среднекане. Только жаль бросать. Уж больно золотишко богатое. Государству-то оно вроде бы и ничто, а рабочему человеку очень даже пригодится.

— Ну, в общем хватит разговоров!— отвечал Раковский.— Иди кашу варить, да впредь советую о таких думках помалкивать.

— Ты начальнику-то не скажешь?

— Иди, иди, не скажу, черт с тобой! Ты ничего не говорил, я ничего не слышал. Ступай!

На этом инцидент был исчерпан. Единственный случай рецидива старой золотарской психологии стал известен только Цареградскому.

— Вы Юрию Александровичу об этом, пожалуй, не рассказывайте,— попросил Раковский.— Он человек строгий и горячий. Накажет дурака, а чем он виноват, что из старых привычек еще не выжил? Ведь он в самом-то деле не воровать собирался, а добывать своими руками хотел. Золото у него в мозгах с самых ранних лет сидит. Вот он и соблазнился. На минутку!

— Нет, не скажу!— улыбнулся Цареградский и дружески положил руку на плечо собеседника.— А что же вы после этой гребенки делали?

— Проследили россыпь еще на несколько километров выше по реке. Потом вижу: время возвращаться в Среднекан к назначенному сроку. Уложились — и обратно. А тут ни Билибина, ни вас. Ну и стал лагерем.

Через два дня возвратился из своей поездки по Бахапче Билибин. Он нашел в устье Утиной затеску на дереве и зашифрованную записку Раковского о найденной россыпи и поторопился приехать. Его плавание на кунгасе по Малтану и Бахапче также было в смысле золота бесплодным. Таким образом, обе эти большие реки, как и Буянда, оказались незолотоносными. Однако пробы, взятые промывальщиком Билибина ниже по Колыме, начиная от устья Бахапчи, кое-где содержали небольшие значки золота. Это давало некоторые основания протягивать зону золотоносности и куда-то выше устья Бахапчи. (Поиски дальнейших лет выявили, что граница этой зоны находится на много сот километров западнее района, охваченного исследованиями Первой Колымской экспедиции. При этом, как стало ясно уже на Среднекане, золотоносность не является сплошной, а подчиняется очень сложному сочетанию еще не выявленных закономерностей, участки с коренными месторождениями и россыпями чередуются с обширными бесплодными районами.)

Теперь, когда почти вся экспедиция опять была в сборе (отсутствовал лишь Бертин, который был занят опробованием верховьев Среднекана), можно было разработать новые планы на оставшуюся часть лета. Открытие Раковского произвело огромное впечатление на Юрия Александровича и заставило его отменить

первый вариант плана, о котором они договаривались весной с Цареградским.

Билибин, внимательно прослушав подробный отчет Раковского, размышлял недолго.

— Валентин,— обратился он к помощнику,— ситуация изменилась. У нас теперь не один, а два важных объекта: Среднекан и Утинья. Ясно, что мы должны справиться с обоими. Я поеду дообследовать утинскую россыпь и закартурую всю долину Утиной, а тебе придется поднатужиться и заснять всю долину Среднекана. Как, сможешь ли выполнить один то, что мы рассчитывали сделать вдвоем?

Цареградский пожал плечами.

— С геологической съемкой, я думаю, справлюсь, а вот с опробованием труднее. С одним Бертиным мне, пожалуй, столько не вытянуть. Не успею.

— Почему с Бертиным? А Раковский?

— Так ты и его ко мне прикомандируешь?

— Ну разумеется! Эрнест будет опробовать верхнюю часть Среднекана, а Сергей — нижнюю.

— Вот это дело другое! Тогда справлюсь!

Еще через день в лагерь пригнали лошадей из Сеймчана. Якуты соблюдали свои обещания, хотя им и не удалось сразу собрать больше восьми голов. Со дня на день ожидалось лошади из Таскана, позднее обещали привести еще несколько выючных животных сеймчанцы. Словом, можно было приступить ко второму этапу летних работ.

Оставив на складе Союззолота у Оглобина лишнее снаряжение и запас продуктов для осеннего возвращения к побережью, сотрудники экспедиции приступили к работам по новому плану.

Билибин с большей частью рабочих и промывальщиков отправился на Утиную. Он собирался расшурфовать открытую Раковским россыпь и хотя бы приблизительно подсчитать ее запасы. Цареградский с промывальщиками Игнатьевым и Гарецем, каюром и четырьмя лошадьми вышли к верховьям Среднекана, где они должны были встретиться с отрядом Бертина. Раковский с небольшой группой рабочих некоторое время поднимался по Среднекану вместе с Цареградским, но затем, пройдя километров тридцать вверх от Безымянного, остановился. Отсюда начинался район его опробовательских работ. Казанли с двумя рабочими и одним каюром занялся триангуляцией Среднекана. Приятель Цареградского промывальщик Майоров остался с несколькими товарищами в артели Оглобина. Старательский зуд не давал им покоя, и они отпросились у Билибина на месяц.

Перед тем как расстаться, все они условились встретиться у базы старателей не позднее 20 августа. В конце августа экспедиции предстояло выступить в обратный путь на Олу, куда 16 сентября должен был прийти последний пароход на Владивосток.

Лето в тот год выдалось сухое и жаркое, Континентальный климат Колымского края заставлял забывать о том, что здесь Крайний Север и что полярный круг проходит неподалеку. Стоял июль, разгар лета. Прохладные, временами даже холодные ночи сменялись, как только всходило солнце, сухой жарой. К полудню июльский зной повисал над каменистой долиной. Птицы прятались в тень, и даже комары становились менее назойливыми, хотя приходилось все же отмахиваться от них ветками и руками. Накомарники надевать в такую жару невозможно. Черный тюль, из которого они сделаны, задерживает воздух, и дышать в них трудно. Цареградский предпочитал не пользоваться накомарником и по другой причине: тюлевая завеса мешала следить за обнажениями и высматривать дичь.

Долина Среднекана выше Безымянного оказалась так же богата дичью, как и Буюнда. Шедший впереди всех с молотком в руках и ружьем за плечами геолог вспугивал то стайку рябчиков, то выводок куропаток. Когда тропа спускалась к реке, они наталкивались на уток каменушек и крохалей. Правда, за все время работы в бассейне Среднекана им ни разу не попались гуси или лебеди. Видимо, долины были слишком узки для этих больших птиц, и они предпочитали гнездиться на широких просторах крупных рек.

Мясные консервы теперь не расходовались: вполне хватало попутно добываемой дичи, рыбы и грибов маслят. При таком изобилии все стали привередливы. От дежурного повара требовали не только сытной, но и вкусной пищи. Вот когда пригодились Цареградскому его скромные познания в кулинарии! По его рецептам готовилось великолепное жаркое из дичи и грибов, наваристая уха из только что выловленной рыбы и ароматные компоты из ягод вместо чая.

Сытая, согретая солнцем и непрерывно обновляющимися впечатлениями жизнь была полна, как чаша. Просыпаясь утром и слыша веселый шум реки и гомон кедровок за полотном палатки, Цареградский выглядывал наружу: «Какой хороший денек и как хорошо все на свете!»

Расставшись с Билибиным, а затем с Раковским, он медленно поднимался со своим отрядом к верховьям Среднекана. Геологическую съемку пришлось начинать с того самого места, где она была прервана перед отправлением на весновку. На правом берегу Среднекана удалось найти продолжение золотоносной дайки, из которой было получено зимой первое коренное золото. У Цареградского на этот раз не было времени заниматься протолочкой и выделением из жильной породы золота. Он ограничился тем, что нанес положение дайки на карту.

Расцвеченная всеми цветами радуги и пестреющая множеством условных обозначений, геологическая карта кажется непосвященному сплошной головоломкой. Однако геолог легко разбирается в ней и, глядя на причудливую цветную ее мозаику, может сказать,

где залегают сланцы или песчаники, где они сменяются известняками и как эти породы залегают, куда простираются их пласты и в какую сторону, под каким углом они наклонены. Мало того. Геологическая карта показывает не только состав горных пород, но и их возраст. Образования мелового периода закрашены на них различными оттенками зеленого цвета, юрского — синим, триасового — фиолетовым, пермского — желтым и так далее. Увидев на карте причудливое розовое пятно с прямыми крестиками, геолог знает, что в соответствующем участке на местности находится массив гранитных пород, в которых стоит поискать оловянную руду, а такое же пятно, но с косыми крестиками обозначает гранодиоритовые породы, в которых оловянная руда маловероятна, но зато следует подумать, например, о руде молибденовой или свинцово-цинковой.

Во многих случаях коренные горные породы прикрыты сверху слоем почвы и разнообразной растительностью. Однако между деревьями в лесу, или среди покрытого высокой травой горного склона, или, наконец, в обрывах реки то и дело встречаются выходы коренных пород, которые геолог называет обнажениями и по которым он, собственно, и составляет свою геологическую карту. Таким образом, геологическая съемка сводится к изучению множества таких коренных обнажений и составлению из этих мозаичных кусочков общей связной картины. Чем больше обнажений, чем выше искусство съемщика и тоньше его интуиция, тем точнее составленная им геологическая карта и тем надежнее основанные на ней рудопоисковые заключения.

Долина Среднекана, широкая от устья до впадения ключа Безымянного, затем быстро суживается. Река шумит и бьется между коренными берегами. Выше этой теснины, которую назвали Котлом, долина вновь делается свободной. Покрытые хорошим пойменным лесом берега раздвигаются в стороны, открывая небо и давая простор разлившейся реке.

Идя от обнажения к обнажению и от закопушки к закопушке, маленький отряд медленно поднимался вверх по течению. Вскоре выше Котла в пробах стали попадаться все более заметные содержания золота. Преследуя эти рассеянные признаки россыпи, отряд наконец достиг ее в левом притоке Среднекана, который и назвали поэтому Золотистым. Выше по течению Среднекана работавший там еще с зимы Бертин обнаружил пробы с высоким содержанием золота в ручье, который он назвал Ревкомом. Уже несколько лет спустя богатое золото добывалось здесь дочерними разработками Среднеканского прииска.

Из-за глубоко врезанного русла видимость в истоках реки ограничена сотнями и даже десятками метров. За каждым поворотом открываются все новые пейзажи. То это темные, круто падающие скалы, из расщелин которых торчат пучки травы или кустик цветущих диких астр, то полого спускающийся болотистый склон, заросший багульником и давно отцветшим рододендромом.

Здесь уже не встречались утки и рябчики, но зато в изобилии появились куропатки, которые шумно взлетали из-за какой-либо глыбы, где они, как куры, сидели в нагретых солнышком ямках.

Но особенно много в таких местах хариусов. У Цареградского не было времени всласть предаваться своему любимому занятию, но он пользовался всякой возможностью, чтобы забросить крючок в кристально прозрачную воду горной реки и выудить осторожного хариуса. Однажды поставили палатку неподалеку от прекрасной заводи, в которой, как ему показалось, ходила крупная рыба. Пока промывальщик и рабочий возились с последней в этот день закопушкой, а якут-каюр (с необычной фамилией Советский) собирал дрова, разжигал костер и кипятил воду, геолог сбегал на приглянувшееся место.

Это была небольшая, поросшая ягелем терраса, у основания которой в глубокой яме медленно крутилась вода. По краю площадки росли кусты стланика, которые прикрывали заводь; зато и рыболов был совершенно невидим рыбе. Хариус чрезвычайно осторожен и зорок. Если рыболов подошел к берегу или его тень упала на воду — конечно, хариус молнией метнется в сторону и не возьмет самой аппетитной приманки. Однако, если человек осторожен и опытен, успех обеспечен. Хищная и прожорливая рыба безотказно хватает наживку, а с нею и крючок.

Цареградский пристроился за низким, но плотным кустом стелющегося кедра и, осторожно раздвинув ветки, взглянул вниз. Замечательно! То, что он увидел, больше напоминало живорыбный садок, чем омут! В зеленоватой полумгле в тени обрыва виднелись темные силуэты. Хариусы то повисали на одном месте, еле шевеля громадными плавниками, и тогда были ясно видны их темные спины и пятнышки на боках, то, сделав резкое движение хвостом, стремительно бросались в сторону и мгновенно исчезали из виду. В этот закатный час над водой выскакивала наверх, пуская по воде быстро расходящиеся к берегам круги. «Хлоп, хлоп» — раздавались то там, то здесь мощные всплески. Рыболов вытащил из кармана спичечную коробку, в которой шуршали пойманные еще днем кузнечики, и приготовил удочку.

Наживив крючок, он осторожно вытянул удилище над кустом, стараясь, чтобы кузнечик скользил по поверхности воды. Обычно приходится немало повозиться, прежде чем рыба заметит соблазнительную приманку и схватит ее. Однако в этот раз все было иначе. Не успел кузнечик коснуться воды, как удилище вздрогнуло, и человек почувствовал резкий рывок. С похолодевшим сердцем он подсек добычу и вытащил ее на берег, боясь, как бы леска не зацепилась за ветки. Но крупный хариус блеснул серебром над зеленью и забился среди бледного ягеля. Отбросив его подальше от берега, Цареградский нацепил второго кузнечика и почти немедленно вытащил еще одного такого же крупного хариуса.

«Богатейшая россыпь!» — пошутил он про себя и продолжал

таскать из заводи ровных, как на подбор, рыбин весом от шестисот до восьмисот граммов каждая. Вскоре, однако, ему пришлось прекратить это увлекательное занятие: наловил хариусов по четыре штуки на каждого из членов отряда. Ловить дальше значило оказаться жадным, а этой черты в его характере не было.

В тот вечер они приготовили особенно вкусный ужин. Тот, кому пришлось вдоволь попробовать обваленных в муке и поджаренных до румяной корочки сибирских хариусов, может легко это себе представить. Герой дня, чтобы довершить удовольствие, налил всем по хорошему глотку разведенного спирта, сказав:

— Хотя это и не золото, но тоже вещь стоящая, а золото мы встретим еще не раз!

Колымская осень

Подошел август. Короткое колымское лето быстро катилось под уклон. Здесь, в истоках Среднекана, особенно остро чувствовалось приближение осени. Дни были еще теплые, временами даже жаркие, но ночи похолодали. Конечно, печку в палатке ставить было еще рано, но спальный мешок уже приходилось покрывать ночью телогрейкой. Под утро трава и берег совсем узкой здесь реки седали от инея. Мелкие листики низкорослой полярной березки явственно зазолотились, а пахнущая ванилью низкорослая ива с каждой ночью делалась все более багровой.

— Это здесь, наверху, осень торопится, — успокаивал Цареградского Бертин. — Внизу гораздо теплее. Там лето продержится еще с месяц!

Но спешить все-таки нужно. После работ в верховьях им еще предстояла съемка нижнего течения Среднекана, где были проведены лишь беглые наблюдения. Правда, там распространены все те же скучные глинистые сланцы и песчаники, но ведь именно эта однообразная толща сопровождается проявлениями золота.* Следовательно, необходимо опробовать все без исключения ручьи, впадающие в Среднекан.

Истоки Среднекана смыкаются с вершиной другого большого притока Колымы — Оротукана. Когда Цареградский поднялся на пологий, местами заболоченный водораздел со скалистыми гранитными останцами, его охватило желание спуститься в открывшуюся перед ним долину.

На Оротукане еще не ступала нога геолога. Вместе с тем эта река впадает в Колыму поблизости от Утиной. Может быть, и Оротукан золотоносен?

Он присел на мягкий лишайник и обирал низенькие кустики высокогорной голубики с очень крупными синими ягодами. Покрытые тонким сизым налетом, они уже давно созрели и отдавали явственным винным привкусом. Рядом сидел Бертин, отправляя пригоршнями холодные ягоды в рот.

— Не опробовать ли нам хотя бы верховья Оротукана? — заговорил Цареградский. — Что-то мне кажется, мы можем зацепиться за новую ниточку.

— Ну что ж, спустимся на один-два дневных перехода.

— Боюсь только, не опоздать бы к сроку. Ведь нам не меньше чем неделю работать у устья Среднекана.

— Подумаешь, неделю! Успеем! При желании мы спустимся отсюда к Раковскому за два дня и быстро закончим работу.

В открывающихся с перевала даях всегда есть что-то манящее. Врезанное в водораздельный гребень крутое ущелье уводит все глубже вниз и медленно расходится в стороны. Голые каменные склоны постепенно покрываются сперва редкими, а затем все более густыми кустами. Еще ниже глаз ловит ажурные вершинки лиственниц, и вот далеко под ногами уже сверкает в лучах заходящего солнца извивающаяся ниточка реки. Серые склоны вскоре зеленеют, а затем становятся голубоватыми и, наконец, синими. Горизонт замыкают громоздящиеся одна за другой бледно-фиолетовые горные цепи. Кажется, уходят они в беспредельность и нет им конца и края... Совсем далеко, на границе с сияющим небом, смутно видны белые громады, и даже в бинокль невозможно понять — горы это или облака. Такая картина всегда вызывает неудержимое стремление как бы перешагнуть за рамку и дойти до самых дальних пределов земли...

На следующий день, 14 августа, Цареградский, взяв с собой промывальщика и каюра, отправился налегке в долину Оротукана. Бертин вместе со своими рабочими и большей частью лошадей остался на Среднекане. До конца работ здесь предстояло опробовать несколько ключей у слияния правого и левого истоков Среднекана. Как ему ни хотелось совершить экскурсию в новые места, дело требовало жертв, и он остался.

Поднявшись по уже знакомому пути на перевал, маленький отряд спустился в узкую щель, дно которой было усыпано сухим щебнем. Где-то глубоко под ним журчала вода. Впереди шагал с ружьем и фотоаппаратом геолог, за ним вел в поводу двух навьюченных лошадей каюр, последним шел промывальщик. На плече у Игнатьева наподобие щита висел деревянный лоток, в руках он держал небольшую кирку и скребок. Таким образом, в любом месте можно было не мешкая начать промывку пробы.

Вдруг впереди наверху послышался легкий шум. По склону катились камни. Поднимая облачка пыли, они застревали в осыпи высоко над дном ущелья. Проследив взглядом начало маленького обвала, путники увидели небольшое стадо горных баранов. Легко и быстро перелетая с камня на камень, впереди стада уходили две-три самки с ягнятами. Сзади двигалась небольшая группа подростков, по-видимому двухлеток. Замыкал эту в полном порядке отстававшую группу старый самец, вожак стада. Ясно виднелись громадные, круто завивавшиеся от лба к плечам рога. Они были очень массивны, и казалось чудом, что маленькая, сухая голова красивого зверя не склоняется под такой тяжестью. Через каждые несколько прыжков вожак останавливался и, глядя на непрошенных пришельцев, ожидал, пока стадо не отбежит еще на несколько десятков шагов. После этого он в два-три прыжка нагонял его и вновь застыл на сером фоне осыпи. Золотисто-серая шкура барана делала его в этот момент почти невидимым, и

нужно было взглядеться, чтобы не потерять животное из виду. Стадо уходило без всякой спешки, и все же с каждой секундой разыскать его взглядом среди каменной осыпи становилось все труднее. Вскоре различались лишь белые пятнышки подбрюший, шевелившиеся на темном фоне склона. Шедший сзади каюр лишь цокал языком, показывая на скрывшихся за горным гребнем баранов, и что-то оживленно говорил по-якутски. Цареградский в ту пору еще не выучил якутского языка, а каюр знал лишь несколько слов по-русски. Поэтому они чаще объяснялись друг с другом знаками.

— Чего же ты не стрелял? — можно было понять мимику каюра.

— Мой дробовик их не достал бы. — Геолог указал на свою двустволку. — А кроме того, к чему нам столько мяса? С нас и мелкой дичи хватит!

Еще с прошлой осени Цареградский обратил внимание на многочисленные, хорошо протоптанные тропинки, которые извивались по каменистым горным склонам. Эти тропинки чаще всего огибали вершину по горизонтали или слабонаклонной линии. Местами, однако, тропинки выкидывали неожиданный поворот и то круто взбирались к облакам, то падали к долине. Сперва он принял их за охотничьи пути. В самом деле, каменные глыбы и щебенка были так плотно утрамбованы, что казалось, это мог сделать только человек. Но вскоре он понял, что ошибся. На первой же тропинке, по которой ему пришлось идти, он увидел много старого и свежего бараньего помета. Кое-где попадались небольшие утопанные площадки со следами маленьких твердых копытцев и со слежавшимися темными катышками. Каждая площадка всегда имела хороший дальний обзор.

Картина прояснилась. Это были бараны и козы тропы вытопанные животными за сотни, а может быть, и тысячи лет. Неисчислимые поколения животных ходили по одним и тем же дорогам. Они спасались тут и от комаров, которых сдувал ветер, и от хищников, которых легко можно было высмотреть с этих высот. Превосходный нюх и еще более острое зрение делали горных баранов архаров трудной добычей для охотников. В тот год Цареградскому ни разу не удалось попробовать их исключительно вкусного мяса.

К полудню отряд спустился по Оротукану километров на пятнадцать. Долина реки сильно расширилась. С обеих сторон на ее склонах появились ясно выраженные террасы, на которых росли чахлые лиственницы. Их нежная, опадающая на зиму листва начинала золотиться. Необычайно чистый горный воздух был пропитан тонким ароматом хвои, который мешался с горьким запахом увядающей травы и свежестью водяных брызг от бегущего по камням потока. Комаров на открытой ветрам террасе не было, и Цареградский давно не чувствовал такой легкости в ногах и такой ясной радости в душе. Сняв рубашку, он бодро вышагивал своими длинными ногами, далеко опередив спутников.

Вот наконец перед ним показался низкий, прикрытый дерном галечниковый берег, где можно было взять пробу. Сняв с плеча ружье, он присел, поджидая промывальщика. Неглубокая закопушка потребовала немного времени, и через полчаса на лотке уже громоздилась шестнадцатикилограммовая груда породы.

Игнатъев присел на корточки и опустил лоток в сразу замутившуюся воду. Цареградский внимательно следил за промывкой. По каким-то неясным для него самого причинам он возлагал на эту долину большие надежды, ведь ущелье Оротукана находится по соседству с золотоносной долиной Среднекана и россыпями Утиной...

Вот на лотке остался лишь темный железняковый шлик. Опытный глаз промывальщика первым заметил блеснувшие золотины.

— Есть! — негромко произнес Игнатъев, осторожно смывая с лотка лишнее.

Проба была небогатой, но позволяла надеяться на лучшее. На дне лотка лежало несколько золотинок величиной от маковой крупинки до рисового зернышка. Итак, в долине Оротукана есть золото. Теперь важно выяснить, не случайна ли эта находка.

До вечера они взяли три пробы, и все оказались с золотом. Общая картина становилась достаточно определенной. Видимо, Оротукан входит в пояс золотоносности, так же как и соседние с ним долины Среднекана и Утиной. Сейчас ничего сверх этого узнать уже нельзя, но впоследствии здесь, конечно, необходимо продолжить поиски и разведку. А теперь следует спешить назад. И назначенные сроки, и осень торопят с возвращением.

Перед тем как тронуться в обратный путь, Цареградский изобрелся повыше на склон и набросал в своей планшетке схематический план видимой части Оротукана.

(Разве мог он знать, что не позднее чем через год ему суждено стать начальником Второй Колымской экспедиции, продолжившей начатые сейчас работы? Столь же трудно было в тот момент представить себе, что расстилающаяся перед глазами полуголая долина будет вскоре прорезана шоссе-дорогой, вблизи которой задвигают заводские трубы.)

Однако сейчас лишь маленькие пакетики с золотинами из проб лежали в его кожаной полевой сумке. Но эти пакетики были ключом к будущему Колымского края, которое уже не могло свернуть с пути, определенного событиями этого года.)

Изобразив и саму долину, и все видимые ее притоки, Цареградский тщательно загнул папироску и спустился к товарищам. Через несколько минут, побрякивая сбруей, лошади зашагали по мягкому ягелю. Поднявшееся солнце растопило ночной иней, и олений мох уже не хрустел под ногами, как утром.

К вечеру 20 августа отряд подходил к устью небольшого ручья,падавшего в Среднекан сразу выше Котла. Уже издали показались разбитые на берегу палатки. Это были отряды Раковского и

Бертина. Теперь, чтобы вся экспедиция была в сборе, не хватало лишь отряда Билибина, который еще задерживался на Утиной.

— Знаете, я не успел еще опробовать этот ключ,— сказал Раковский.— Давайте навалимся на него гуртом, закончим завтра за полдня, а затем быстрым маршем спустимся к старательскому поселку.

Так и сделали. Казалось, судьба особенно благоприятствовала экспедиции в последние дни ее работы на Колыме. Ручей, который они назвали в честь своей встречи Встречным, также оказался золотоносным. (Небольшая, но хорошая россыпь была разработана здесь позднее прииском, который носил то же наименование.)

23 августа почти вся Колымская экспедиция, исключая отряд Билибина, собралась в нижней части Среднекана у разведочного барака Раковского.

После яркого солнца, заливавшего долину, внутри барака казалось сумрачно, сыро и неуютно. Неровный тесаный пол был покрыт всяким мусором, оставшимся здесь еще от весенних сборов. Окна и двери затянуло паутиной, а лежавшее на нарах старое сено заплесневело и пахло гнилью.

«Как быстро природа разрушает в этом краю созданное руками человека!» — невольно подумал Цареградский, глядя на это запустение. (Впоследствии он не раз убеждался в том, что сырость и плесневые грибки с поразительной быстротой приводят в негодность выстроенные из невыдержанного леса деревянные дома. Хорошо просохшая на солнце древесина лучше противостояла влажному воздуху, но и она разрушалась несравненно быстрее, чем в условиях более сухого климата. Даже тропинки, дороги и расчищенные площадки быстро зарастали травой и мелкой древесной порослью. Так природа стремилась восстановить то, что отнято у нее людьми. Каждый год и каждый день геологи, участвуя в этой вековой борьбе, могли видеть плоды наступления на тайгу и упорное ее сопротивление. Люди чаще выходили победителями, хотя эта победа и не всегда была славной...)»

Теперь, когда лето подошло к концу, а ночью на реке стало подмораживать берега, понадобилась стоявшая в бараке печка. В первый же вечер в ней ярко запылали дрова, и в отсыревшем помещении сразу стало веселее. Лето прошло исключительно удачно, и каждому из сидевших у камелька с папиросой в зубах было чем похвалиться. Экспедиция открыла несколько россыпей, несомненно, государственного значения и установила, что пояс золотоносности охватывает территорию в бассейнах Среднекана, Утиной и Оротукана. Геологи не без основания могли гордиться и тем, что им удалось раскрыть некоторые закономерности, управляющие распределением золотоносных россыпей. Они убедились в том, что самородное золото связано с кварцевыми жилами и порфиоровыми дайками: там, где есть россыпь, почти всегда можно обнаружить либо то, либо другое. Отсюда вытекало и общее

направление будущих поисковых работ на Колыме. (Кстати, поисковые и исследовательские работы будущих десятилетий, несмотря на многочисленные поправки к первоначальному выводу талантливых первооткрывателей, показали, что в основном они были правы.)

Впрочем, вывод настолько ясно вытекал из всего опыта работ прошедшего лета, что теперь, в тесном бараке на Среднекане, он почти и не обсуждался. Предстояло лишь облечь все соображения в связную форму отчета, что и было сделано Билибиным следующей зимой в Ленинграде. (Написанный великолепным языком, блестящий ясностью мысли, глубиной выводов и смелостью теоретических обобщений, отчет Юрия Александровича Билибина положил начало геологической литературе о Колыме и послужил основанием для правительственного решения о финансировании дальнейших поисковых и разведочных работ.)

Однако все это произошло несколько позднее. Сейчас же Раковский, как он обещал Билибину, засел за сложную систему финансово-материальных расчетов. Подавляющее большинство рабочих экспедиции выразили желание перейти в старательскую артель на Среднекане. До возвращения в Олу их следовало рассчитать по соответствующим ведомостям, выплатив зарплату и удержав стоимость питания, взятых авансов и одежды. Сергей Дмитриевич, не питавший никакой любви к тому, что он презрительно называл «бухгалтерией», страшно чертыхался, мрачно подбивая и вновь раскладывая бесконечные колонки цифр. В барак то и дело вызывался для справок то один, то другой рабочий, рвались расписки, подписывались ведомости, и густым сизым покрывалом висел папиросный и махорочный дым.

Тем временем Бертин был занят учетом золота. Все пробы золота, необходимые для дальнейшей обработки, взвешивались на точных весах, записывались в соответствующий реестр, упаковывались в небольшие коробки и укладывались в обитый железом, тщательно запиравшийся и опечатывавшийся ящик. Золото из чрезмерно больших проб, превышавших нужное для лабораторного изучения количество, отбиралось для сдачи по акту в контору Оглобина. Это была очень кропотливая и ответственная работа, от которой было невозможно увильнуть, но которая не вызывала у него ни малейшего удовольствия.

— Черт бы его побрал, это золото,— ворчал он, распрямляя ныншую спину.

Цареградский не принимал участия в предотъездных хлопотах. У него еще оставался небольшой незаснятый участок в нижнем течении Среднекана, и, проведя сутки в бараке, он отправился с двумя помощниками в последний маршрут.

Необходимые доделки отняли всего лишь два дня. Небольшой правый приток Среднекана оказался не очень интересным в геологическом отношении и не дал ничего нового в смысле золотоносности. Пробы, которые одну за другой промывал Игнать-

ев, содержали редкие золотишки; их можно было считать всего лишь фоновой золотоносностью для этого района. Наконец и этот последний маршрут подошел к концу. Маленький отряд спустился в долину Среднекана, где пришлось заночевать. До базы оставался дневной переход.

Цареградский с удовольствием растянулся в палатке, раздумывая о том, что предстоящая ночь кладет конец полевым работам экспедиции и что теперь, перед сном, он может себе позволить помечтать о Ленинграде, о шумной толпе в Мариинском театре и о чистой белой скатерти, на которой расставлены не полулитровые эмалированные кружки, но хрупкие прозрачные стаканы. Конечно, немножко обидно, что эти два дня не принесли с собой ничего захватывающего, но жаловаться на судьбу все же не приходится. Правда, он не столкнулся с такой сказочной фортуной, как Раковский на Утиной, но ведь это был чистый случай. К тому же то, что открыл он сам, в теоретическом отношении нисколько не менее важно, чем находка Раковского!

Ночью небо заволочило было тучами и даже покапал небольшой, смешанный со снежной крупой дождик. Но утром нависшие над долиной облака быстро рассеялись и над рекой заиграли солнечные блики. Прихватив полотенце, Цареградский пробрался через росистые кусты побуревшего ольховника.

Только он перешел через линию кустов, как приглушенный до того шум реки вдруг усилился и сделался звучным, будто из ушей вдруг вытащили вату. Палатка стояла на двухметровой галечной террасе, на которой были разбросаны кусты стланика, ивы и редкие чахлые лиственницы. Подойдя к краю, он увидел, что спуститься к воде нельзя. Река подмыла берег; прямо под ногами с плеском и веселым шумом мчался по-осеннему зеленоватый и прозрачный Среднекан. Зажав в руке мыльницу и зубную щетку, беззаботно помахивая полотенцем, он пошел вдоль обрыва, высматривая место, где можно было бы спуститься.

Холодный утренний воздух, чистые краски осенней природы и звонкость реки наполняли его бодростью. Напевая и дирижируя себе рукой с полотенцем, он ловко лавировал между кустами, не ведая, что с каждым шагом приближается к одному из самых удивительных приключений этого лета.

Над рекой полусклонилась старая лиственница, корни которой, частью подмытые паводком, повисли над еще влажным от росы галечным руслом. Река отошла от обрыва метра на четыре, и там, где еще недавно бежал летний поток, сейчас круглились крупные серые валуны с уцелевшими между ними маленькими лужицами. Как раз у дерева начиналась сухая промоина, по которой можно было сойти.

Выбрав место поудобнее и аккуратно разложив на камешках фуляры и полотенце, он разделся до пояса. Обжигающе холодная вода заставила его охнуть, но, сильно растерев грудь и руки, он вошел во вкус и долго фыркал и отдувался, шлепая себя полными

пригоршнями воды, а затем так же долго обтирался жестким полотенцем, пока все тело не сделалось красным.

Уже одеваясь и с трудом пролезая влажными руками в рукава рубахи, он поймал себя на мысли, что перед его глазами мелькнуло что-то странное. В самом деле: повернувшись на пятке и сделав почти полный оборот, он увидел перед собой на мгновение... коробку из-под какао!

«Что за чушь! Откуда здесь какао?»

Однако, просунув голову в рубаху и взглянув в том направлении, где ему померещилась хорошо знакомая с детства коричневая банка, он увидел ее еще раз. Сомнений не было. Между несколькими большими валунами, как раз под свесившимися корнями лиственницы, из-под которых осыпался большой ком земли, застряла высокая фунтовая банка от какао. Даже не подходя к ней, можно было видеть хорошо сохранившуюся надпись:

КАКАО ЭЙНЕМЪ

Он присвистнул: «Вдобавок дореволюционное. Странно!»

Подпираемая со всех сторон валунами, банка почти вертикально стояла на гальке, обратив к нему свой фирменный ярлык. Лишь чистый случай, неожиданный угол зрения, скользящие понизу утренние лучи солнца и укоренившаяся привычка геолога все подмечать позволили ему зацепиться взглядом за эту неожиданную деталь пейзажа.

Подойдя вплотную, он увидел, что жестянка плотно закрыта крышкой, из-под которой в одном или двух местах уголками выглядывала грязно-серая дерюжка. Все еще удивляясь, но отнюдь не ожидая чего-либо интересного, Цареградский с некоторой брезгливостью (а вдруг там дрянь какая-нибудь?) взял банку — и тут же понял, что у него в руках случай.

С внезапно заколотившимся сердцем он почти упал на близлежащий валун. Банка весила не меньше хорошего чугунного утюга, которым он когда-то разглаживал в общежитии свои студенческие брюки. В этом краю и в этих условиях только одно могло быть столь тяжелым — золото!

Несмотря на выглядывавшее рядом, крышка все-таки прочно приржавела к корпусу, и понадобилось некоторое усилие, чтобы ее отвернуть. Внутрь был плотно вбит полотняный мешок неопределенного цвета. Лишь с трудом, похлопывая камнем то по бокам, то по дну банки, удалось вытащить мешок. Развязать же узел оказалось и вовсе невозможно. Очень сильно затянутый и к тому же отсыревший, он не поддавался ни пальцам, ни ногтям, ни даже лезвию перочинного ножа.

Тогда, недолго думая, Цареградский отрезал и узел, и тянувшийся от него хвостик. Теперь можно было заглянуть в мешок, но что-то его удерживало. Какое-то чувство неловкости, которое появляется у человека, невольно ворвавшегося в чужую тайну,

заставило его помедлить с минуту. Кроме того, он заранее знал, что именно увидит в разрезанном мешке!

Сверху был мелкий золотой песок, среди которого виднелись более крупные золотины и выглядывали края нескольких больших самородков. Покопавшись своими длинными пальцами в плотной массе песка, он вытащил самый крупный из них. Самородок походил на небольшую уродливую картофелину. Золото было почти сплошь прикрито темно-железистой рубашкой, и лишь на выпуклостях выглядывали сверкающие островки чистого металла. Вместо глазков на этой золотой картофелине шершавились маленькие гнездышки кристаллического молочно-белого кварца. Общий вес самородка был не очень велик — вряд ли больше ста или полтораста граммов. «Наверное, много кварцевой примеси», — подумал Цареградский и сунул золотую картофелину обратно.

Прикинув на руке вес мешка, он понял, что найденный клад с лихвой перекрывает всю их летнюю добычу, включая и сборы Раковского на Утиной. Золото из разведочных шурфов составляло лишь малую часть этого клада. Итак, слепая игра случая превратила его утреннюю прогулку по берегу реки в одно из прибыльнейших достижений Колымской экспедиции!

С большим трудом затолкав увесистый мешок обратно в коробку, он сел на камень и задумался. Что же делать дальше? Первое естественное движение — бежать в палатку и кричать: «Ребята, смотрите, что я нашел!» — было тут же отброшено. Вспомнились соблазны, с которыми пришлось столкнуться на Утиной Раковскому. Вокруг сплошь золотоискатели. Весь смысл жизни для них в золоте, и весть о такой богатой находке может вызвать всеобщий переполох и совсем неожиданные последствия. «Тем более, — думал он, — что эта банка вполне могла принадлежать какому-нибудь из здешних старателей. Или даже целой артели, наткнувшейся на необычайно концентрированную струю золота и решившей скрыть свою добычу от государственной золотоскупки».

Поразмыслив, он встал, завернул банку в полотенце и, вернувшись в палатку, распорядился сворачивать лагерь. Через час они уже поднимались вверх по долине и вскоре увидели крышу барака разведочной партии Раковского. Теперь все, кроме Билибина, были в сборе.

— Ну вот, — говорил оживленный Бертин. — Вот и окончены наши работы. Теперь можно по домам. Эх, и соскучился я по городу, ребята! Как зальюсь в хорошую баню, так и не вылезу, пока не надоест! А потом в кино!

— Сергей Дмитриевич, Эрнест, давайте отойдем в сторону, — обратился к прорабам Цареградский. — У меня есть к вам секретное дело.

Устроившись на бережку и убедившись, что поблизости никого нет, он рассказал о своей утренней находке и развернул полотенце

с коричневой банкой. Взяв ее в руки и повернув к себе надпись «Эйнемь», Раковский присвистнул.

— Черт возьми! Здесь не меньше трех килограммов, а то и поболее, — прошептал он.

— Что ты говоришь! — Бертин выхватил у него банку. — Ах, боже мой, вот так находка! Но откуда же может быть это золото? Чья могла быть банка?

— Золото, конечно, среднеканское, — не задумываясь, промолвил Сергей Дмитриевич. — А вот кто был его хозяином, сказать трудно. Вы как думаете, Валентин Александрович?

— Увидев банку дореволюционной фирмы, я сразу подумал, что она была спрятана под листовницей давно и что золото было намыто задолго до нашего прихода. Кто прятал, конечно, неизвестно. Может быть, сам Бориска или кто-нибудь из его ближайшего окружения.

— Но ведь несколько приятелей покойного Бориска работают сейчас у Оглобина. А вдруг кто-нибудь из них... — нерешительно сказал Бертин.

— Не думаю, Эрнест, — прервал его Раковский. — Золото, вероятно, было спрятано много лет назад. Если бы хозяин был здесь, вероятно, давно бы попытствовался, на месте ли банка, и перепрятал ее поближе к своему жилью и в более надежное место.

— Следовало бы, пожалуй, позвать Оглобина и поговорить с ним, — сказал Цареградский. — Он лучше знает свой народ, и с его помощью легче решить, похищено ли золото с его выработок или это давно зарытый клад, хозяина которого, может быть, уже нет в живых.

— Впрочем, это не так важно: золото уже у нас и так или иначе вернется через того же Оглобина государству, — улыбнулся Раковский.

— Не говорите! — возразил Цареградский. — Если хозяева банки находятся тут и узнают о находке, могут произойти большие неприятности.

Через некоторое время к бараку Раковского подошел пыхтящий Оглобин. Взяв банку, он посерел от волнения, и нижняя челюсть его отвисла.

— Что за дьявольщина, что за дьявольщина! — бормотал он, снимая крышку. — Нет, это не мое золото, — заявил он через минуту, перебирая в горсти золотой песок и самородки. Он шумно вздохнул и отер пот со лба. В его глазах засветилось облегчение.

— Здесь золото из разных россыпей. Оно разной окатанности и различной пробности. Его долго собирали и спрятали, не вернулись. Почему не вернулись, черт их знает. Может, померли, а может, выжидают время. Во всяком случае это не мои работы и не мои разработки, — закончил он решительно. — Ну что же, когда сдавать будете? — обратился он к геологам.

— Подождем Юрия Александровича, — ответил Цареград-

ский.—Покажем ему, оформим все по акту и сдадим в вашу контору.

— О находке банки советую все же помалкивать,—добавил Оглобин.—Неровен час, я ошибаюсь и хозяева клада находятся в моей артели. Может произойти несчастье.

— Мы и сами это понимаем,—ответил Раковский.—Кроме нас троих и вас об этом золоте пока никто не знает, и, надеюсь, никто, кому не нужно, не узнает.

На следующий день на Среднекан возвратился отряд Билибина. Он положил много сил на разведку и оконтуривание россыпи на реке Утиной. Месторождение оказалось многообещающим, и Юрий Александрович находился в том радостно сдерживаемом возбуждении, какое бывает у сильных духом и телом людей, чувствующих, что они достигли трудного, но давно предвиденного победного рубежа. Известие о полной банке с золотом, найденной его помощником, оказалось для него новым источником радости. Он не только не приревновал своего друга к этой новой удаче, как можно было бы ожидать от мелкого человека с завистливой душой, но, наоборот, бурно восхищался и, шумно хлопая Цареградского по спине, кричал:

— Ай да молодец, Цар, ну и молодец, Валентин!

Не очень любивший фамильярность, молодой геолог смущенно улыбался и молча отводил плечо.

Все процедуры, связанные с сортировкой и взвешиванием найденного золота, составлением нужных протоколов и актов, заняли у Бертина почти целый рабочий день. В конце концов требуемые документы были подписаны Билибиным, Цареградским и Оглобиным, и несколько килограммов золота, история которого так и осталась неизвестной, перешли в собственность государства.

(Иногда после этого, ворочаясь в своем спальном мешке, Цареградский чувствовал что-то вроде неясных угрызений совести. «Сколько трудов, надежд, разочарований и счастья вложено в это золото его бывшим хозяином! Жив ли он? В сущности я отнял у человека им добытое. Правильно ли это? Впрочем,—тут же перебивал он себя,—наверное, бедняги уже давно нет на свете, и золото все равно принадлежит государству». Но иногда ему приходило в голову, что такое громадное количество драгоценного металла не могло быть добыто честным путем и что найденное им золото, вероятно, обогрено человеческой кровью. Эти рассуждения успокаивали его совесть и возвращали ему душевное спокойствие. Мысль о том, что несколько килограммов золота могли бы обогатить на всю жизнь его самого, никогда ни на минуту не приходила ему в голову.)

Путь на юг

31 августа Первая Колымская экспедиция тронулась в обратный путь. Больше года провели ее участники на северной земле, суровость которой с лихвой искупалась ее сказочным богатством. Впрочем, Колыма покорила первооткрывателей не только матовым сиянием золотых самородков; они успели полюбить нежные краски здешнего неба, яркую зелень лесов, ритмичные контуры гор и простодушную честность коренных обитателей. Было грустно расставаться с местами, где столько пережито и куда так много вложено души и сил. Цареградский, приотставший от далеко растянувшегося вьючного каравана, думал о том, что он оставляет здесь часть своего сердца.

(Однако на поверку оказалось, что не часть, а все сердце молодого геолога было оставлено на серебристом оленьем ягеле, среди серых скал и золотохвойных лиственниц. Почти всю остальную свою жизнь он проведет не в любимом Ленинграде, а тут, в замкнутых хребтах просторах Приполярья. Разумеется, не подозревали в тот день о своем будущем Раковский и Бертин, которые также посвятили жизнь Колыме и, лишь состарившись, подтачиваемые болезнями, уехали к себе на родину. Лишь бодро и фальшиво что-то напевавшего в такт своим шагам Билибина ждала иная, более блестящая и вместе с тем злая судьба. Большой ученый с редкой эрудицией и могучей творческой фантазией, он вскоре расстался с Колымой, быстро выдвинулся в Ленинграде в первый ряд советских геологов, завоевал всеобщее научное признание, был избран в члены-корреспонденты Академии наук; его ждало положение академика, первого петрографа страны, но... в 1952 году его косила смерть.)

Но в то осеннее, расцвеченное золотом и пурпуром утро никто из ухотивших со Среднекана геологов не знал о своем будущем, и заботили их главным образом нужды тех дней. Последний пароход, который собирал с Охотского побережья рыбакившие там летом артели, ждали в Оле к 16 сентября, и вся экспедиция должна была собраться дней за пять до отплытия.

А пока ее участникам опять предстояло разлучиться.

Перед выступлением со Среднекана Цареградский обратился к Билибину:

— Мне кажется, нам нет смысла возвращаться в Олу одной группой. Экспедиции посчастливилось напасть на несколько россыпей. Одних самородков мы сдали государству около килограмма.

Ясно, что этому краю предстоит большое будущее. И первое, что необходимо тем, кто придет сюда за нами,—это дороги. Без дорог такую отдаленную окраину не освоить. Давайте разобьемся на несколько отрядов, пойдем в Олу разными путями и затем сверим наши маршрутные съемки, чтобы предложить строителям наилучший вариант будущей автомобильной трассы.

Билибин на минуту задумался.

— Пожалуй, ты прав. Так и поступим. Разобьемся на партии и проверим три варианта будущей трассы. Ну, кто с кем идет, товарищи? — обратился он к прорабам.

Первым откликнулся немало удививший всех Бертин. Слегка краснея и смущаясь, он сказал:

— Юрий Александрович, если можно, отпустите меня сухопутьем. Уж очень меня мутит в море. Скоро от старателей возвращается группа на Алдан. Я бы вместе с ними добрался. На Алдане у меня, вы знаете, брат работает на прииске. Конечно, если надо, я могу и на Олу пойти с экспедицией, только очень сердце не лежит к морю!

Все рассмеялись. Билибин ответил, что, хотя решение Эрнеста и неожиданно, он против воли удерживать его не станет, тем более что для выбора будущей трассы к Оле их остается достаточно и без Бертина.

— А ты уверен, что дорогу следует вести отсюда именно к Оле? — спросил Цареградский. — Мне кажется, Ола — неподходящее место для будущего порта. Там же мелководье, кораблям придется отстайваться на рейде. Бухта Нагаева подходит для этого гораздо больше.

— Дорогу в приморской равнине и в предгорьях можно повернуть куда угодно, но, где бы ни был будущий порт, нужно вести ее отсюда, — возразил Билибин. — Следовательно, выбор наилучшего пути через горы — все же самое главное. Кроме того, заметь: в бухте Нагаева нет не только поселка, но даже юрты. Думаю, что местное население уже давно подметило бы преимущества этой бухты, если бы они были, и мы застали бы селение и местную власть не при устье Олы, а у той самой бухты.

— Это и было бы так, коли они не были бы оленеводами, а промышляли морем, — ответил Цареградский. — Но ведь они сухопутные люди, море для них — враждебная стихия. А рыбу и тюленей они берут как раз на мелководье. К чему же им глубокая бухта, годная для океанских судов тысячного тоннажа? Нет, местные жители, конечно, знают о бухте Нагаева, но ее достоинства выглядят в их глазах недостатками!

— Может, ты и прав. Может быть, не Ола будет служить воротами на Колыму. Но так или иначе, будущая дорога должна дойти до Среднекана, Утиной и Оротукана. Куда она пойдет дальше, мы пока не знаем, но к этому бараку мы ее в проекте подтянем. Там, на побережье, ее можно повернуть в любом

направлении, а здесь мы накрепко привязаны к ущельям. Самые подходящие из них мы на обратном пути к Оле и выберем.

— Какими же путями будем идти? — спросил Раковский.

— Вот это я и хочу обсудить с вами. Для меня пока ясен принцип деления. Мы с Валентином пойдем с глазомерной съемкой каждый своим маршрутом. Вы же, Сергей и Дмитрий, отправитесь третьим путем, вьючной тропой местных жителей, и захватите с собой все пробы. Вот у нас и будет три варианта будущей трассы. Остановимся в отчете на самом удобном.

После некоторого обсуждения было решено всем вместе подняться по реке до стрелки, где Среднекан делится на правую и левую ветви. После этого Билибин со своим отрядом хотел пойти по левому развилку, с тем чтобы перевалить в речную систему Малтана и подниматься по его широкой долине до Эликчана, откуда уже известной тропой спускаться к Оле.

Раковского и Казанли постановили направить вместе с Цареградским по правому истоку Среднекана, откуда они должны были вместе перевалить на Сулукучан и спуститься до впадения его в Гербу. Далее Цареградский с Игнатьевым и Гарцем предполагал подняться по Гербе до первого ее правого большого притока, а затем, вывершив его, перейти в систему Малтана, по которому можно выйти к перевалу, чтобы потом спуститься к Оле. Раковский же и Казанли, спустившись по Гербе до Буюнды, должны были идти вдоль нее по хорошей вьючной тропе якутов вверх, до устья Талой; затем, поднявшись по Талой, они перевалят к Эликчану и Оле, по которой и спустятся к морю.

Естественно, что трасса, на которой предстояло остановить выбор, обязана отвечать многим условиям. Прежде всего она должна быть самой короткой из всех возможных. Ведь прокладка одного километра шоссе обходится в сотни тысяч рублей. Кроме того, на трассе предполагаемой дороги желательно иметь наименьшее число перевалов, мостов через реки и овраги, труднопроходимых участков со скалами или болотами и так далее.

Итак, всем главным участникам Колымской экспедиции предстояло превратиться на время еще и в дорожных разведчиков. К счастью, геологов всегда учат многому сверх того, что прямо относится к их специальности, и поэтому они могут с честью выходить из подобных затруднительных для неподготовленного человека положений.

(Забегая немного вперед, следует сказать, что наиболее выгодным оказалось то направление будущей шоссейной дороги, которое было пройдено и разведано отрядом Цареградского. В частности, вариант шоссе по Гербе и Мякиту был на двести пятьдесят километров короче, чем путь по Буюнде, что и решило судьбу будущей дороги. Главная современная дорога Колымы — ее по старой привычке до сих пор называют трассой — как раз проходит через верховья Олы, по Малтану, Хете, Мякиту и Гербе, откуда главная ее ветвь сворачивает на Оротукан, а другая по Сулукуча-

ну идет на Среднекан. Таким образом, прииски Среднеканского района оказались несколько в стороне от главной шоссеиной магистрали. Это связано с открытиями последующих лет, показавшими, что Среднекан находится на окраине золотоносного пояса, к центру которого легче попасть по долине Оротукана.)

Подойдя к конторе Союззолота и бараку артельщиков, караван остановился. Все старатели и служащие конторы вместе с Оглобинным вышли провожать геологов. Прощание было недолгим. Через несколько минут люди и лошади тронулись дальше, провожаемые криками «ура» и пожеланиями счастливого пути. Только в этот момент Билибин и Цареградский по-настоящему ощутили, что долгий и трудный год поисков остался позади и что они могут поздравить себя с исполнением давней мечты. (Но отнюдь не с ее завершением. Первая Колымская экспедиция была лишь началом длинного и утомительного пути, так как за первой последовала вторая, а затем и третья, и четвертая экспедиции, а за ними еще более сложный и долгий период промышленного освоения просторов Колымы.)

К вечеру того же дня они остановились на ночлег перед развилком Среднекана, а на следующее утро разделились. Отряд Билибина быстро снялся с бивака, и через несколько минут густой пойменный ольховник скрыл последнюю лошадь. Еще некоторое время слышались возгласы каюров и скрежет речной гальки под копытами, а потом все стихло. Оставшиеся быстро довьючили лошадей и в свою очередь тронулись к знакомому перевалу на Сулухучан.

Через день настала очередь разделиться и отрядам Цареградского и Раковского. Последний их совместный лагерь был разбит при устье Сулухучана, неподалеку от оказавшейся здесь якутской юрты.

Пасмурным сентябрьским утром, когда с низко нависшего неба накрапывал мелкий дождь, Раковский отдал распоряжение вьючить лошадей. Особенно осторожно поднимали и привьючивали окованные железом ящики с пробами золота и образцами горных пород и минералов. Наконец почти все лошади завьючены. Но вот беда: Митя Казанли еще не просыпался, и все попытки растолкать его кончились неудачей. (Многие черты Казанли, но особенно его «астрономическая» рассеянность и удивительно крепкий сон, служили неиссякаемым источником для смеха и шуточных розыгрышей.)

— Снять палатку! — рассердился наконец Раковский.

Однако, оказавшись под открытым небом, Казанли лишь свернулся калачиком и спрятал под одеяло выглядывавший кончик носа.

— Сдернуть одеяло!

Лишь после этого бедный астроном окончательно проснулся и, ежась от холода, стал поспешно одеваться. Бедняге пришлось наскоро проглотить остывшую кашу и, запив ее кружкой крепкого, как деготь, чая, догонять уже ушедший вперед караван. Цареград-

ский, улыбаясь, дружески похлопал его по спине и пожелал счастливого пути и скорой встречи.

Его отряд задержался с выходом. Причина была неожиданная, но очень серьезная. Каюр Алексей Советский долго чаевал в то утро в юрте у якута, который оказался его приятелем, а потом, выйдя оттуда, заявил, что на Олу через Гербу и Мякит пройти нельзя.

— Иди нету, — говорил он на своем ломаном языке. — Дорога нету. Конь кушай нету. Улахан (большой) камень есть. Люди помирай есть!

Цареградский не на шутку встревожился. Отказ каюра грозил очень серьезными осложнениями.

— Что ты, что ты, Алексей! Мы должны идти этой дорогой. Понимаешь, должны. Так приказал начальник, тойон!

Перейдя затем на язык жестов и смесь русского с якутским, которому кое-как научился за лето, он попытался втолковать проводнику, что им приказано найти новый короткий путь через перевал, по которому потом проведут хорошую широкую дорогу.

Но Алексей стоял на своем.

— Дорога нету, сох. Тас (камень) много. Буюнда дорога бар (есть). Буюнда иди надо. Сергей иди надо, начальник, тойон, иди надо! — твердил он свое. Тут же стоял его приятель-якут, ни слова не говоривший по-русски, и внимательно следил за лицами спорящих. Временами он начинал что-то оживленно и быстро разяснять, чего геологи не понимали, но что явно укрепляло проводника в его упорстве.

Тогда Цареградский порывлся в своей полевой сумке и достал порядком истрепанную карту*. Это была очень неточная мелко-масштабная карта, на которой значились лишь крупнейшие реки и известные к тому времени горные хребты. Направления многих рек были изображены по опросным сведениям, а реки, пройденные экспедицией, уточнены по данным глазомерной топографической съемки, которую все они вели во время своих маршрутов. Увы, именно долина реки Мякит, из-за которой и возникло затруднение, оказалась нанесенной на карту только до половины течения, а дальше, вплоть до верховьев, продолжалась в виде слабо различного пунктира. Каюр внимательно следил за этим «нючча» — русским, которого он называл «Литин» (Валентин) и сперва побаивался, а затем привык, разглядев за личиной «тойона» мягкого, покладистого человека.

Сейчас, однако, этот покладистый человек оказался упрямым. Тьча пальцем в большой разрисованный лист бумаги, он говорил:

— Вот видишь, Алексей, здесь на карте видно, что лошади могут идти по Мякиту. Не бойся, ни с тобой, ни с твоими лошадьми ничего не будет. Я за все отвечаю!

Но якут посмотрел на карту, посмотрел на геолога и, тяжело вздохнув, молвил:

— Симбир (все равно) бумага. Дорога нету, трава нету, дрова нету, конь пропал, нючча пропал, тойон пропал!

Прислушавшийся к разговору якут, из-за которого все это началось, поддержал Алексея.

— Суол сох (дороги нет), — сказал он и энергично покрутил головой.

Цареградский, несмотря на свою решимость идти к Оле выбранным путем, невольно смутился. А вдруг местные жители действительно правы и верховья Мякита непроходимы для лошадей? Он не допускал мысли о слишком высоких горах и недоступном из-за этого перевале. Верховья Мякита и прилегающий район бассейна Бахапчи находились в области типичного среднегорья, и никаких сюрпризов в этом смысле ожидать было нельзя. Однако, может быть, дело вовсе не в высоте гор, а в непроходимых для лошадей каменных развалах и осыпях? Это вполне возможно. Тем не менее он знал по своему опыту на Алдане и здесь, на Колыме, что среднегорье практически всюду проходимо для вьючного транспорта и что любые встретившиеся на пути каменные осыпи и скалы можно обойти стороной. Только это потребует лишнего времени.

«Нет, — решил он про себя, — я должен настоять на своем. Ведь это кратчайший путь к побережью. К тому же шоссею дорогу можно пробить даже и в таких местах, которые сейчас непроходимы для лошадей».

— Алексей, — обратился он опять к каюру, — если ты не хочешь идти по Мякиту, забирай свою ат (лошадь) и ступай обратно в Сеймчан. — Он выразительно махнул рукой и добавил: — Иди Сеймчан, понимаешь, иди! Возьми свою ат и иди! Мы пойдем одни, без тебя!

Каюр замахал руками и быстро заговорил о чем-то по-якутски, не вставляя ни одного русского слова. Он был слишком взволнован и забыл все, чему успел научиться. Однако Цареградский все же понял, что Алексей не может доверить им лошадей сеймчанских якутов.

— Ничего, ничего, не бойся, — возразил он ему решительно и строго. — Я дам тебе бумагу в исполком, что взял лошадей и возвращу их из Олы. А если что-нибудь с ними случится, мы дадим за лошадей деньги. Понимаешь, деньги, рубли.

— Бумага сох! — воскликнул якут. — Бумага плохо, кусаган, ат хорошо, учутей. Бумага нет. Иди нет, улахан хая (большая гора) есть, дорога нет, — добавил он с отчаянием.

— Ну хорошо, — заговорил примирительно геолог. — Пойдем все вместе по Мякиту. Если там будет сопкачан (маленькая гора) — хорошо, пойдем на Олу. Если дорога будет кусаган, плохая, — пойдем обратно сюда, — он показал пальцем на юрту и обвел всю местность, — и потом пойдем по Буюнде. Согласен?

Алексей тяжело задумался, осмысливая сказанное и обдумывая ответ. Затем он о чем-то долго говорил с приятелем-якутом.

Наконец оба пришли к выводу, что предложение «Литина» ничем опасным не грозит. При неудаче отряд может вернуться назад и лошади не пострадают; потеря времени якутов не пугала.

Махнув рукой и ни слова не говоря, каюр направился к стреноженным лошадям. Подойдя к своему коню, он обнял его за шею и, казалось, что-то пошептал ему на ухо. Потом он стал на колени, поклонился лошади в землю и, вернувшись к начальнику, сказал:

— Идем!

— Ишь ты, — промолвил молчавший до сих пор Игнатьев. — Видно, с конем советовался, идти или не идти. Ну и народ!

— Не смейся, — возразил Цареградский. — У них еще много осталось от старых шаманских обрядов, которых мы не знаем. Может, он у коня прощения просил за опасность.

— А вдруг и в самом деле не перевалим?

— Не думаю. Вероятно, просто якуты этим путем не пользовались и поэтому его не знают. На худой конец действительно возвратимся обратно и пойдем Буюндой. Я же сказал!

На этом инцидент, отнявший больше двух часов, был исчерпан. Алексей нехотя растреножил коней, и они быстро их навьючили. Еще через полчаса маленькие якутские лошади тронулись вверх по Гербе.

Якуты не подковывают своих лошадей. Копыта у местных лошадей, правда, очень твердые, и при езде по грунтовым дорогам их некованность никак не сказывается. Совсем другое — каменные горные дороги. Лошадиные копыта после долгого пути по камням и скалам сбиваются чуть ли не до живого мяса, и несчастные обезноженные животные могут совершенно выйти из строя.

При выходе каравана с сулукучанской стоянки Цареградский заметил, что одна из навьюченных лошадей слегка припадает на переднюю ногу (у лошадей передние копыта особенно сильно снашиваются), и с тревогой указал на нее каюру:

— Смотри-ка, Алексей, нога у лошади испорчена, ат кусаган!

Якут оглянулся на лошадь и, мрачно махнув рукой, проговорил что-то непонятное по-якутски.

Итак, все три отряда Колымской экспедиции, каждый своим путем, двинулись назад, к Оле. Перед расставанием у среднеканского развилка Билибин сказал Цареградскому:

— Смотри, Валентин, не опаздывай в Олу. Последний пароход должен прийти 16 сентября. Если немного задержишься, не страшно: я постараюсь затянуть погрузку до двадцатого, но на большее не рассчитывай. Двадцатого мы отплываем, и тогда тебе придется либо еще раз зимовать, либо добираться до Владивостока своими силами.

Предупреждение было серьезное, и Цареградский понимал, что ему теперь дорог каждый день. Правда, было всего лишь утро 2 сентября, и он мог рассчитывать на четырнадцать, в крайнем

случае даже на восемнадцать дней. Но для перехода во многие сотни километров по незнакомому горному бездорожью этот срок мог оказаться слишком маленьким. Что ждет его впереди? Неужели придется, потеряв время, возвращаться к устью Сулукучана, идти кружной дорогой по Буяндинской долине? При мысли об этом на душе у него делалось смутно, но он старательно гнал от себя мрачные мысли.

Что касается Билибина, то он рассчитывал выйти к Оле раньше остальных отрядов. У него были совершенно свежие, не работавшие летом лошади; лошади же двух других отрядов в большинстве своем проработали весь летний сезон на съемке Среднекана и были уже порядком утомлены.

К вечеру того же дня небольшая цепочка из четырех вьючных лошадей пересекла Гербу и перевалила в долину Мякита. Герба в этом месте была неглубокой, и переправа не вызвала никаких затруднений. Правда, слегка прихрамывавшая утром лошадь стала припадать на ногу гораздо сильнее. Сказывались тяжелый вьюк и каменистое русло реки, по которому им часто приходилось идти, чтобы избежать густых зарослей на пойме. Вскоре захромала еще одна лошадь, на этот раз на заднюю ногу.

Два дня пути по Мякиту показали, что его долина тянется в нужном направлении. До сих пор все обстояло благополучно. Тщательно выбирая путь помягче, они то взбирались на высокую террасу, то спускались к пойме, стараясь избегать каменистых участков. На склонах было достаточно травы, чтобы на стоянках лошади могли хорошо подкормиться. Цареградский уже начинал успокаиваться, решив, что страхи Алексея были напрасны и что напугавший его якут просто не бывал в этих местах, а все его рассказы были выдумкой. Хромота у лошадей не только не усиливалась, но даже как будто стала поменьше. Но пейзаж в долине был все же очень мрачным. Суровые, крутые, голые горы, постепенно сближаясь к верховьям, сделались почти черными. Намокшие под осенним дождем и тающим снегом глинистые сланцы и песчаники больше походили на блестящий каменный уголь. Низко нависшие над горами клочковатые облака сгущали мрак и усиливали чувство бесприютности и печали. Даже привыкший к дикости родного пейзажа каюр приуныл и шел, понурив голову, изредка гортанно покрикивая на лошадей.

В истоках Мякита, когда река уже превратилась в скачущий по громадным валунам ручей, путь совсем испортился. Выбирать дорогу стал эвилье все труднее, и притомившиеся за дневной переход лошади все чаще спотыкались о камни. Предыдущие дни караван вел Алексей. Уздечка задней лошади была подвязана за хвост передней, и вся эта живая цепочка, не торопясь, шла за размеренно шагавшим проводником. Лишь изредка, у очередной промоины или торчащего сухого корня, происходила заминка. Передняя лошадь прыгала, а не ожидавший прыжка задний конь внезапно останавливался, вытянув шею и стремясь сбросить с себя

узду. Шедшие в хвосте лошади напирали вперед, и весь караван, смешавшись, сбивался в кучу. Но на помощь Алексею спешили все остальные, порядок восстанавливался, и отряд двигался все выше по долине.

Теперь лошади уже давно были развязаны, и каждую из них вели в поводу отдельно. Так как проводнику эти места были совершенно незнакомы, возглавлял караван начальник. Ему приходилось труднее, чем всем остальным участникам отряда. Нужно было выбирать путь, следить, чтобы не завалилась с грузом его лошадь, и вдобавок вести глазомерную съемку долины.

Промокший и противно скользкий сыромятный ремень повода он поддел за левый локоть, геологический молоток засунул за ремень, которым была подпоясана телогрейка, а холодную и мокрую буссоль то и дело доставал из брезентового чехла, прикидывая угол очередного поворота долины.

Лиственный лес давно остался позади. Вокруг громоздились прикрытые чахлой травкой склоны. На этой высоте можно было использовать на топливо только стелющиеся по склону стволы кедрового стланика.

— Однако пора на ночлег! — крикнул шедший сзади Игнатьев. — Выше уже дров не будет!

— Вот сейчас дойдем до первого овражка с водой и остановимся. Здесь очень сухой склон, травы лошадям мало.

Через полчаса в нескольких километрах выше показалась седловина перевала. К ней вел хотя и крутой, но не скалистый склон, и при взгляде на него даже мрачный Алексей повеселел. Уже отсюда можно было с уверенностью сказать, что слухи о непроходимости перевала были необоснованны. Завтра за какой-нибудь час они доберутся до седловины и окажутся в бассейне Бахалчи. Однако и на этот раз действительность показала всю ненадежность путевых предположений и зыбкость строящихся на них планов.

Не успели путники установить палатку и развести в печурке огонь, как пошел густой снег. Облака плотно окутали перевал, а из ватного их покрова, непрерывно и беззвучно кружась и перепархивая бабочками, полетели снежинки. Падая на талую землю, в которой каким-то чудом сохранились остатки накопленного за лето тепла, они быстро таяли. Но на первый слой падал второй, а за ним третий, и вскоре все истоки Мякита побелели от снега...

— Ничего, — утешал своих спутников Цареградский, — это набежала небольшая тучка. Разрядится, выпустит свои запасы снега, и все на этом кончится. Пурги-то, слава богу, нет!

Они сидели в быстро согревшейся палатке и попивали благодатный в такую погоду чаек.

Якуты — особенные любители чая. Покусывая своими белоснежными и крепкими, как железо, зубами быстро посеревший в его руках большой кусок сахара, Алексей уже не раз протягивал свою кружку, говоря:

— Чай кут, я кут! (Чаю налея, мне налея!)

— Смотри ты, какой веселый стал,— заметил, улыбаясь, промывальщик. — «Я кут» да «я кут»! Не потому ли их и якутами-то называют?

— Кто знает,— ответил, дую в свою кружку, Цареградский, — может, и так. Во всяком случае сами себя якуты именуют «саха».

Перед тем как погасить свечу, он вышел на волю. Небо спустилось чуть не до верха палатки, и из него сыпались и сыпались снежинки. Они уже не были такими крупными, как днем, не таяли на земле и покрыли склоны слоем толщиной в четверть.

«Как бы не задержал нас этот снегопад!» — впервые забеспокоился Цареградский. Он был так доволен благополучным переходом по долине Мякита, что ему и в голову не приходила возможность каких-либо новых осложнений.

Весь следующий день провели в вынужденном бездействии. С небольшими перерывами снегопад продолжался до сумерек. Днем стало теплее и снег набух водой. Временами вместо белых хлопьев на влажный белый покров падали крупные капли дождя. Облака еще плотнее осели на землю, зацепились за скалы и бурными лохмотьями влачили вниз по ущелью. Было промозгло, холодно, и никому не хотелось вылезать из палатки. Стреноженные лошади бродили по туманному косогору, разгребая снег и выщипывая сохранившуюся у камней траву.

— Однако, начальник, учугей сох (нехорошо),— говорил, поглядывая на небо, каюр.— Хана барда (куда идти)? Ат пропал, нючка пропал!

Но по выражению его лица было видно, что он скорее поддразнивает «тойона», чем всерьез верит своим зловещим предсказаниям.

— Ничего, Алексей,— хлопнул его по плечу геолог.— Все будет учугей, хорошо. Завтра снег перестанет, пойдем дальше!

Снег к ночи действительно прекратился, но в воздухе не похолодало, а даже слегка потеплело. Видимо, подул с юга морской влажный ветер, и это обернулось для путников новым испытанием.

Утро выдалось сырое и туманное. Полурастаявший снег скрывал под собой острые камни и ямы на склоне. Едва отойдя от места стоянки, люди почувствовали, что им предстоит трудный переход.

Тяжело навьюченные лошади спотыкались о невидимые под снегом препятствия и скользили всеми четырьмя ногами по раскисшей глине. Приходилось вести животных на коротком поводу и то изо всех сил тянуть их на подъем, то, напрягаясь, сдерживать их, когда они всей цепочкой скатывались в какую-нибудь очередную промоину. Чтобы одолеть оставшиеся до перевала пять-шесть километров, понадобилось не меньше двух часов. За это время люди выбились из сил, а лошади покрылись испариной и стали хромать еще сильнее. Теперь хромали уже три лошади из

четырех, и только лошадь Алексея, которую он нагрузил по крайней мере вдвое легче, чем остальных, была относительно свежа и шла, не припадая на ноги.

К тому времени, как они достигли перевала, хребет, как и накануне, укутался туманом; выйдя на ровную заболоченную седловину, караван остановился.

— Хана барда (куда идти)? — спросил Алексей.

Цареградский достал свою почти бесполезную в этих условиях карту и попытался не то что найти нужное ущелье, но хотя бы ориентироваться по компасу в нужном направлении. Но и это было сделать совсем нелегко.

Приходилось ли вам когда-нибудь бывать на водоразделе двух больших речных систем? В обе стороны от вас тянутся искривленные по разным направлениям и уходящие в неизвестность ущелья. Через пять—десять километров каждое из этих извивающихся ущелий выпрямится струной, и река помчится по нему в нужном направлении, как раз к той главной долине, которая и собирает все воды своего бассейна и несет их к океану. Но прежде чем такое ущелье выпрямится, оно может много раз обмануть вас своими извивами, и путник невольно дает увлечь себя на север, хотя ему нужно идти к югу.

Именно так произошло с Цареградским и его спутниками. Не имея точной карты, не зная местности и запутавшись в затянутых туманом многочисленных ущельях, которые веером расходились от плоского, как стол, водораздела, они пошли в ложном направлении. Ущелье оказалось очень трудным. Задернованный и покрытый мхом склон быстро сменился каменистым руслом, под которым глухо шумел поток. Лошади непрерывно скользили по заснеженному щебню и с трудом перепрыгивали через глыбы и промоины. Вдобавок вскоре на пути им стали попадаться сперва небольшие, а затем все более крутые водопады и водоскаты. Местами их удавалось обойти где-то сбоку, поминутно рискуя тем, что какая-нибудь из лошадей соскользнет вниз и переломает себе ноги. Чаше такой обход был невозможен, и они прорубали ступеньки в каменистом грунте и осторожно спускали развьюченных лошадей, придерживая их за уздечки, седла и хвосты. К полудню лошади сбили копыта до крови, а люди уже еле двигались от усталости. В довершение всех бед они окончательно убедились в том, что ущелье шло в северо-восточном, а не в южном направлении. Иначе говоря, отряду грозила явная опасность спуститься не к Хете, а к Талой и оказаться, таким образом, в системе Буюнды, а не Бахапчи.

Цареградский остановил караван и под сыплющейся снежной крупой вновь раскрыл свою карту. Несмотря на ее бесполезность в деталях, общую ориентировку главных долин она все же показывала. Теперь, когда ущелье распрямилось, стало ясно, что они идут по ложному пути. Пройди они еще километров пятнадцать, и перед ними показалась бы долина Талой. Игнатьеву даже померещились

знакомые очертания тальских вершин на прояснившемся горизонте.

— Ну что же, товарищи,— тяжело вздохнув, произнес Цареградский.— Как это ни печально, но мы заблудились. Придется возвращаться назад, к перевалу, и выбирать ущелье, идущее на юг.

— Сразу нам не vybrаться,— возразил промывальщик.— Давайте выберем площадку с травой и дадим роздых коням да и сами поьем чайку. Все равно день потерян.

— Нет, нельзя нам этого делать, Евгений Иванович. Мы не успеем тогда спуститься в долину Хеты и поневоле заночуем на перевале без дров и воды. Посидим немного, покурим и тронемся обратно!

К счастью, подъем оказался более легким, чем спуск, и к четырем часам дня весь караван благополучно выбрался обратно на перевал. Потеряв почти целый день, путники были все же рады, что у них остается по крайней мере еще два-три часа, чтобы спуститься в долину Хеты. Теперь, наученный горьким опытом, Цареградский тщательно осмотрел все начала отходящих от водораздела ущелий. В поздние сумерки они спустились к опушке леса и заночевали на ровной, густо заросшей травой поляне. Направление долины, а также то, что темные глинистые сланцы сменились хорошо знакомыми светлыми вулканическими породами, показывало, что они находятся на правильном пути и что их лагерь действительно разбит в долине Хеты. Теперь руководитель отряда мог спокойно вздохнуть. Страх непоправимо заблудиться наконец спал с его души, и он знал, что за оставшееся время доберется до Олы. Кроме того, он убедился, что перевал с Мякита на Хету вполне проходим, и был уверен, что проверенный им вариант шоссейной трассы в будущем окажется самым благоприятным благодаря выигрышу в расстоянии и по условиям рельефа.

Последние переходы

На следующее утро Цареградский был разбужен шумом голосов за палаткой.

— Заходи с другой стороны!— кричал Игнатьев.— Хватай его, хватай! Ну вот, опять упустил!

— Схватишь его, проклятого,— басил Гарец,— он же скользкий, как черт!

За палаткой сияло солнце. Пропедавшая ночь была морозной, и воздух еще не отогрелся. Лед сковал воду в ручье и перехватил течение на перекатах. В одном из чашеобразных водоемчиков застряло несколько крупных хариусов. Промывальщик и рабочий разбили ледяную корку и теперь метались вокруг глубокой взбаламученной лужи, пытаясь выловить рыбу руками. Но хариусы раз за разом проскальзывали у них между пальцами и, ударив хвостом, скрывались в мутной воде. В стороне стоял Алексей и равнодушно смотрел на возню.

— Стойте, ребята!— Геолог подошел к луже.— Так у вас ничего не получится. Только рыба вся изобьется о камни и вы промокнете до нитки.

— Как же иначе?— буркнул Гарец.— Сети-то нет!

— А вот как!— Цареградский быстро стащил с себя рубаху и, завязав рукава и ворот узлом, наклонился над водоемчиком.

— Заходи, Яша, с другой стороны и гони рыбу сюда палкой. А ты, Евгений Иванович, держи рубаху за другой конец!

Через четверть часа хариусы все до одного были выловлены, и путешественники вкусно позавтракали перед отходом.

На солнечной стороне долины снег почти полностью растаял, но в тени камней и кустов еще белели небольшие островки. Хотя люди подвигались к югу, зима шла за ними следом, наступая на пятки. В глубоких ложбинах ущелья снег уже лежал массивными сугробами. Было ясно, что он останется здесь до следующего лета, пока жаркое континентальное солнце не разогреет скалы и извечный ритм природы не начнет свой новый круг.

Когда пришла пора выючить лошадей, оказалось, что все четыре еле передвигают ноги, припадая на каждом шагу. В конечном итоге все-таки оказался прав: каменный перевал через Мякит обошелся путешественникам очень дорого.

«Дойдем ли в срок?»— думал Цареградский, глядя на тяжело хромающих животных, которые казались сейчас скорее трехногими, чем четвероногими.

— Их бы сейчас недели на две поставить на мокрую мягкую глину,—сказал рабочий.— У нас в деревне так выдерживают охромевших коней, пока у них не отрастут сбитые копыта.

Алексей, как всегда, молчал, но было видно, что он страдает за вверенных ему односельчанами коней. Не будучи в силах помочь им, он мрачно смотрел на этих легкомысленных «нючча».

— Пока не дойдем до мягкого грунта, опять поведем лошадей поодиночке,—обратился Цареградский к своим спутникам.— Авось как-нибудь дотащимся ко времени. Обходите каждый камень, каждый корень. По земле они пойдут хорошо, лишь бы опять не врезаться в осыпи да в скалы!

— Не нужно было бы нам брать этих лошадей,—проворчал, подтягивая подпругу под качнувшейся лошадью, Игнатъев.— Ведь они как-никак все лето проходили с нами по горам. Копыта-то у всех давно поизносились. Вот в билибинской группе все лошади свеженькие. Натурально, что он птицей долетит с ними до Олы!

— А ты думаешь, было бы справедливее подsunуть им в отряд потрепанных нами коней?

— Да нет, я не об этом,—смутился рабочий.— Просто обидно возиться с этими клячами, когда можно было набрать новых вьючников.

— Ну уж это ты напрасно говоришь, Евгений Иванович. Новых лошадей нам было взять неоткуда. И так все, что было у окрестных якутов, пособирали!

К счастью, лошади постепенно разошлись, и через полчаса—час после выхода стали хромать все слабее, а потом и вовсе перестали. Так бывает с человеком, который сбил себе ногу в походе. В начале дня кажется, что он совершенно не в силах двигаться. Однако с каждым километром нестерпимая боль понемногу стихает, а затем и вовсе пропадает, чтобы с удвоенной силой вспыхнуть на привале.

Так было и с лошадьми. На следующий день вся история повторилась сначала, но караван все-таки шел и шел. С каждым часом путь до Олы сокращался, и вера людей в успех укреплялась. Впереди еще десять дней, и они не опоздают к пароходу!

Конечно, усталость после полутора лет непрерывной геологической работы в поле невольно сказалась даже и на неутомимом Цареградском. Он уже с меньшим вниманием смотрел по сторонам и на обнажения и совсем не отклонялся от своего пути для боковых маршрутов. Главная его забота сейчас — глядеть под ноги. Ведь он ведет в поводу тяжело груженную лошадь с истертыми до крови ногами!

А между тем по Хете и Малтану отряд проходил удивительно интересными в геологическом отношении местами. Некогда, семьдесят—девяносто миллионов лет назад, здесь находился один из очень активных центров громадного вулканического пояса. К нашему времени от этих древних вулканов почти ничего не

осталось, но извергнутые ими лавы и пеплы громоздились друг на друга мощными потоками и покровами. Серые, светлые и почти белые вулканические скалы поднимались от дна долины до верхушек гор, и все это снизу доверху было вулканического происхождения. Общая мощность вулканической толщи достигала километра. Кое-где над пологими склонами сильно выветренных вулканических отложений поднимались конусообразные или цилиндрические скалистые вершины. Чаще всего это были остатки древних жерловин, которые когда-то заполнялись хорошо противостоящими разрушению лавами, а теперь иглами и пиками возвышались над размытыми склонами бывших вулканов.

Цареградский бегло осматривал местность и лаконично описывал в своей записной книжке главные особенности скользившей перед его глазами геологической картины.

Естественно, что он не все успевал заметить и тем более осознать. Геологические наблюдения требуют времени и сосредоточенности. Геологу приходится ежечасно, переходя от обнажения к обнажению, решать все новые головоломки, задаваемые ему природой. Представьте, что перед вами сложная по замыслу и полная движения картина, к тому же на две трети, а то и на девять десятых скрытая не относящимися к ней вещами, в данном случае — почвой, лесом, кустарником, травой и т. д. Попробуйте-ка разгадать ее смысл, не поломав основательно головы!

Пересекая один из оврагов, путники невольно остановились перед курьезным зрелищем: матерый заяц-беляк замер среди обомшелых глыб горной осыпи и настороженно смотрел в сторону неожиданно появившихся людей. Он не шевелился, явно считая, что его не видят. Увы, давние ночные заморозки уже перевели часы природы на зиму, и заячья шкурка побелела под цвет снега. Но снега среди камней не было, и косою резко выделялся белым силуэтом на сером фоне. До бедняги было не больше пятнадцати метров, и Гарец уже потянулся за ружьем, но потом передумал и гикнул. Заяц метнулся в сторону и, мелькая между глыбами, скрылся за поворотом.

Когда караван, брякаявая вьючными ящиками, медленно втянулся в живописную долину Малтана, перед ним, извиваясь между кустами, пролегла хорошо набитая тропинка. Они вышли на одну из «магистралей», соединявших Охотское побережье с внутренними районами Колымы. На тропинке хорошо выделялись лошадиные следы, среди которых можно было различить и старые, позднее затоптанные вмятины, и совершенно свежие следы копыт. Внимательно всмотревшись, можно было увидеть, что следы ведут в разные стороны, хотя самые свежие из них направлены к перевалу.

— Не Билибин ли тут прошел недавно?—крикнул сзади Игнатъев.

— Кто его знает, может, и так! Но последними здесь прошли кованые лошади. У Юрия Александровича все вьючники, как и у

нас, не подкованы. Если он нас обогнал, мы узнаем об этом по следу их ближайшей стоянки!

Никаких признаков билибинского отряда они, однако, не встретили. Даже к вечеру следующего дня, когда перед ними уже показались горы в верховьях Малтана, положение не разъяснилось. У самой тропинки стояла недавно выстроенная небольшая лесная избушка, из которой вышел заросший бородой хозяин. Это был русский рабочий Союззолота, оставленный здесь сторожить грузы, шедшие из Олы на Среднекан. До Малтана их переправляли вьючным путем на лошадях. Далее по Малтану, Бахапче и Колыме грузы, главным образом провиант, сплавлялись на кунгасах до устья Среднекана. Таким образом, избушка служила перевалочным пунктом для большого количества очень ценных товаров.

— Вы не боитесь ограбления?—спросил бородача Цареградский.— Один в таком глухом месте!

— Нет, кто меня здесь тронет!— рассмеялся сторож.— Разве что медведи соблазнятся съедобным. Местные такими делами не занимаются, ну а приезжие... им сюда не добраться. Да и защита у меня есть!— указал он на новенькую берданку.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что отряды Билибина и Раковского, по-видимому, здесь еще не проходили. Следы на тропинке принадлежали грузовым караванам, перевозившим мешки с мукой и крупами до места сплава.

«Неужели мы, несмотря на все задержки, опередили Юру?— подумал Цареградский.— Не случилось ли с ним чего в пути? Может, лошади, как и у нас, обезножели?..»

На всякий случай он оставил в бараке записку Билибину.

«Юрий! Мы идем очень медленно, не больше двадцати—двадцати пяти километров в день. Лошади сильно сбили копыта и почти вышли из строя. Однако надеюсь быть в Оле к назначенному сроку. Догоняй нас, завтра утром выходим к перевалу на Эликчан и Олу. Валентин. 16 сентября 1929 г.»

Перевал в систему реки Олы через памятное по прошлогодним злоключениям Эликчанское плоскогорье был пройден без всяких затруднений. Заросший сухой травой склон почти незаметно привел их к унылой равнине. Как раз здесь год назад они пережили много неприятных часов, после которых отказались от попытки прорваться через свежеевыпавший снег к Среднекану и решили вернуться назад, в Олу. Вот небольшое озерко, где стояла их палатка, а вот знакомые силуэты горных пиков. Как много важных событий произошло с тех пор!

На этот раз на Эликчанской горной равнине их ждали приятные новости. Уже приближаясь к истокам небольшой и необычайно живописной речки, которая в двух десятках километ-

ров ниже впадала в Олу, они увидели идущую навстречу связку навьюченных лошадей. Это был очередной транспорт с провиантом для среднеканской конторы Союззолота.

— Здорово, друг!—передний якут протянул руку. Лошади обеих партий смешались в беспорядочную толпу, в которой началась было прерванная каюрами драка. Пришлось развести наиболее воинственных коней, остальные принялись мирно выщипывать остатки зеленой травы.

Встречные сообщили, что они четвертый день как из Олы и что на приморской равнине им повстречался большой отряд геологов.

Итак, Билибин и Раковский обогнали их и сейчас уже, несомненно, находятся в Оле! Очевидно, оба передних отряда вышли на основную тропу выше перевалочного склада Союззолота. Это объясняло отсутствие сведений о них на малтанской базе. Теперь они сами должны поспешить в Олу, чтобы не задержать отплытия или, что еще хуже, не отстать от парохода.

Караван прошел уже с десяток километров по Оле, когда шедший впереди Игнатьев вдруг воскликнул:

— Смотрите-ка, палатки!

Действительно, в полукилометре, на низкой террасе реки, белели две палатки.

— Неужели наши?— недоуменно промолвил промывальщик.

— Нет, не может быть,— ответил Цареградский.— Наши уже давно в Оле. Это что-то новое!

Когда они приблизились к палатке вплотную, оттуда вышло несколько хорошо одетых русских. При первом взгляде на них было очевидно, что это не геологи.

Так оно и оказалось. Это был новый начальник районной конторы Союззолота Бондарев, направлявшийся в Среднекан вместе со штатом сотрудников, чтобы сменить Оглобина. Разумеется, ему было все известно о геологической экспедиции из донесений Оглобина. Кроме того, он встретился в Оле с Билибиным.

— Добро пожаловать!—радушно встретил он Цареградского.— Прощу к нашему огоньку. Посидим поужинаем, поговорим, а там и время отдохнуть подойдет. Смотрите-ка, ваши коняги еле плетутся.

Геолог колебался. До заката было еще далеко, а он торопился в Олу.

— Большое спасибо,— возразил он уклончиво,— но нам дорог каждый час. Мы очень спешим в Олу. 16 сентября должен подойти последний пароход, а сегодня уже восемнадцатое. Дольше чем до двадцатого пароход не задержится. Нет, спасибо за приглашение, но мы должны двигаться вперед.

— Эх, наивный вы человек!— воскликнул Бондарев.— Думаете, в этих краях что-нибудь делается к сроку! Да в Оле ни о каком пароходе еще не слышно, и, уверяю вас, вам долго придется его ждать. Так что не волнуйтесь, не торопитесь и не портите себе

нервы! Давайте-ка поужинаем, а утром со свежими силами тронетесь в вашу Олу!

— Ну, хорошо.—Цареградский не захотел обижать гостеприимного толстяка.—Если вы так настаиваете, сделаем здесь на часок привал, но ночевать не останемся. До ночи наши лошади сделают еще километров пять, а то и десять.

— Вот какой вы, оказывается, несговорчивый, молодой человек!—укоризненно воскликнул Бондарев.—Ну да ладно, пусть будет по-вашему. Прикажите развьючивать лошадей, а там посмотрим!

Через полчаса Цареградский и два его спутника уже сидели в одной из палаток за накрытой простыней походной кроватью, которая изображала стол, и с наслаждением ели давно забытые лакомства. Тут были и красная икра свежего засола, и великолепно провяленная кета, и копченая колбаса, и сваренные вкрутую яйца, и, о чудо, настоящие, живые, румяные яблоки! Конечно, стояли на «столе» и эмалированные кружки, в которые с мелодичным бульканьем лилась из бутылки водка.

Хозяин усердно подливал своим гостям, особенно приглядывая за тем, чтобы не пустовала кружка геолога. Вскоре выяснилась причина этого необычного радушия.

— Я ведь вас недаром задержал, Валентин Александрович,—заговорил Бондарев, подкладывая ему в миску новую порцию жареной рыбы.—Мы давно следим за вашей работой и ценим ваши успехи. Такие люди, как вы, очень нам нужны. Вы молоды, у вас хорошие знания и поисковый талант. Переходите работать в Союззолото. Я вас назначу главным геологом. И вы будете довольны условиями, и нам будет хорошо!

Цареградский был смущен. Несмотря на мягкость характера, часто мешавшую ему говорить «нет», сейчас он не мог поступить иначе. Перспектива остаться на Колыме и вместо Ленинграда отправиться назад, в барак на Среднекане, казалась совершенно невозможной. Он не допускал такой мысли даже на минуту и поэтому, не задумываясь, поблагодарил за лестное предложение, но решительно отказался принять его.

— Помимо всего прочего,—добавил он,—я ведь не разведчик и мог бы на этом месте принести вам меньше пользы, чем вы думаете!

Новый начальник колымской конторы Союззолота попытался было соблазнить его громадными перспективами края и возможностью головокружительной карьеры в будущем, но и эта попытка осталась безуспешной. Собеседник был непреклонен. Тогда радушный хозяин замолчал и перестал подливать ему водку.

Через несколько минут Цареградский кивнул своим слегка подвыпившим спутникам и поднялся.

— Ну, большое вам спасибо за гостеприимство, дорогие товарищи, но нам нужно трогаться дальше. Вечер уже на носу. Евгений Иванович, Яков Михайлович, пошли вьючить лошадей!

Через полчаса палатки Бондарева уже скрылись за поворотом ущелья, и они вновь шагали среди молчаливых ольских гор. В этот раз им удалось пройти не больше пяти километров. Быстро надвинулись сумерки. Отряд заночевал на чудесной маленькой лужайке у подножия остроконечной горы. Основание горы слагали светлые, как мел, вулканические туфы, а вершина венчалась смоляно-черными обрывистыми базальтами. Они были четко вырезаны на фоне догоравшего неба, и казалось, что это гребень гигантского шлема, под которым воображение услужливо дорисовывало лицо поверженного великана. Было тепло: ведь они спустились к Охотскому морю, и морской климат с каждым километром чувствовался все сильнее. О зиме здесь уже и помину не было. С трудом верилось, что всего несколько дней назад они пережидали пургу в прогнувшейся под тяжестью снега палатке.

Однако ночь выдалась беспокойная. Все проснулись от пронзительного ржания и топота. Стреноженные лошади метались по поляне. Одна или две из них задели туго натянутые растяжки и едва не свалили палатку. Пока люди вылезли из спальных мешков и выскочили из палаток, все затихло. Только из-за кустов тальника слышался удаляющийся топот.

— Должно, медведь напугал,—проговорил, закуривая самокрутку, рабочий.

— Нужно бы пойти за ними,—сказал Цареградский,—а то они от страха запутаются и ноги переломают.

— Что вы, где ж их в такой темноте сейчас разыщешь! Да и Алексей не беспокоится. Он-то с такими делами знаком!

Действительно, нехотя вылезший из мешка каюр отнюдь не волновался. Он взглянул на небо, отошел в сторону за нуждой и молча полез обратно в палатку.

— Вот видите, уж раз якут спокоен, нам и вовсе волноваться не о чем! Никуда кони не уйдут!

— По-моему, медведи на лошадей не нападают,—добавил промывальщик.

— Ладно,—согласился геолог,—а все же я хоть из ружья пальну. Попугаю медведя.

Он поднял двустволку и раз за разом выпалил в небо. Из стволов вылетели пламенные струи, и окрестные горы еще долго гудели эхом.

После этой тревоги он с час не мог заснуть и, ворочаясь в своем мешке, думал: «Как хорошо, что я не согласился на уговоры Бондарева. Ну ее к черту, эту Колыму! Надоело! Хоть бы скорее в Ленинград...»

С навязчивой ясностью ему мерещились гладкие торцовые мостовые, по которым так мягко цокают копыта нехромящих лошадей. Он с наслаждением лавировал в нарядной толпе громадного оперного театра или медленно поднимался по широчайшим мраморным ступеням филармонии. Даже гулкие коридоры Горно-

го института, которые всегда казались ему слишком мрачными, вызывали у него сейчас чувство нежного умиления. Непрерывная почти полугодовая экспедиционная работа и связанные с нею неудобства, трудности и опасности утомили его. Человек нуждается в отдыхе и передышке.

Проснулся он с восходом солнца. Ярко освещенная остроконечная гора уже не казалась головой убитого великана, а заросли слайника не напоминали больше курчавых перьев на шлеме.

Утром оказалось, что напуганные лошади убежали довольно далеко. На их поиски потратили не меньше трех часов. Цареградский нервничал: приближалось двадцатое число, крайний срок возвращения в Олу. Ему хотелось выиграть хотя бы один день и прийти в Олу девятнадцатого. Теперь это, пожалуй, уже было невыполнимо.

Действительно, в этот день, несмотря на то что лошади шли относительно хорошо и тропа была мягкая, им все-таки не удалось выйти на приморскую равнину. Вечер застал их еще в предгорьях, в местности Сопкачан, где, к большой своей радости, они встретили старого приятеля Макара Медова. Тот жил здесь в своем старом доме.

От Макара путешественники узнали много интересных новостей. Еще до возвращения Вилибина на ольском рейде останавливался грузовой пароход, шедший из Владивостока на Камчатку. Кроме того, другой пароход на днях заходил в бухту Нагаева, и Вилибин плывал туда на шлюпке. О чем он там договорился, Медов, разумеется, не знал.

— Ну вот, товарищи,— воскликнул Цареградский,— кажется, все налаживается! Скоро мы с вами поплывем!

На душе у него в этот последний вечер путешествия по вьючным тропам Колымы было не очень спокойно, но светло. Из-за обуревавшего его нетерпения он долго не мог уснуть, а утром вскочил раньше всех и заставил вьючить лошадей еще до того, как солнце поднялось над горизонтом.

В Олу они вошли в восемь часов утра и прямо направились к серому деревянному дому школы-четырёхлетки, в помещении которой остановился билибинский отряд. Когда Цареградский поднялся по скрипучему крыльцу и вошел в полутемное помещение, он прежде всего увидел большой длинный стол, уставленный тарелками, на которых горой лежали апельсины, конфеты, яблоки и печенье. А между ними островерхими башенками поднимались пустые бутылки из-под вина с красивыми этикетками. Все признаки цивилизации были налицо, но хозяйева этой потрясающей воображение роскоши еще спали.

— Юрий!— крикнул на всю комнату Цареградский.— Что вы спите, черти?! Вставайте, мы приехали!

В классной комнате поднялся переполох. Первая Колымская экспедиция была опять вся в сборе на том самом месте, где больше года назад она впервые вступила на золотую землю Колымы...

Море вместо гор

Сведения Медова были точны. Вилибин действительно плывал в бухту Нагаева, куда зашло за пресной водой сторожевое судно «Воровский».

Это был небольшой торговый пароход, переделанный для нужд береговой охраны. На корме и на носу судна стояло по одной легкой горной пушке. Кроме того, на палубе было зачехлено несколько станковых пулеметов. «Воровский» подолгу крейсировал вдоль побережий Японского и Охотского морей, охраняя их от иностранных браконьеров, которые по старой привычке нередко заплывали в чужие воды для незаконного лова красной рыбы.

В извилистой и глубоко врезанной в горы бухте Нагаева было несколько хороших родников, отмеченных в лоции Охотского моря. Самый большой источник пресной воды журчал и прыгал по гранитным глыбам у подножия высокой скалистой вершины, которая значится на современных картах под названием Каменный Венец. Здесь же, на недоступной приливам морской террасе, служба морской охраны держала свои запасы топлива. Большой штабель каменного угля служил подспорьем судам, когда они из-за штормов или других причин выбивались из графика и нуждались в пополнении запасов топлива.

Услышав от рыбаков, что в бухту Нагаева накануне их возвращения в Олу зашел пароход, Вилибин с Раковским немедленно отправились туда на шлюпке и застали «Воровского» под погрузкой. Капитан очень радушно встретил геологов.

— Ну что же, раз вы опоздали к сентябрьскому рейсу грузового парохода, помогу вам добраться до Владивостока. Но сейчас этого сделать не могу. Завтра выйдим к острову Врангеля. На обратном пути могу зайти в бухту Нагаева и подобрать вашу экспедицию.

— Сколько времени может занять ваш рейс к острову Врангеля и обратно?

— Я думаю, дней через двадцать вернемся.

— Где нужно ждать вас?

— Безусловно, здесь, в бухте Нагаева. Ольский рейд очень ненадежен. При свежем ветре мы не смогли бы взять вас на борт.

— Ну а если сюда до истечения двадцати дней заглянет еще какой-нибудь пароход, ждать нам все-таки «Воровского» или мы можем отплыть с ним?

— Нам все равно придется зайти сюда за углем и водой, так что этот рейс не будет связан с вами.

На этом они с капитаном сторожевого судна и договорились.
— Я ждал тебя, чтобы начать переброску грузов к бухте Нагаева,—сказал Билибин.

Дело было очень трудное и ответственное. Снаряжения и материалов в экспедиции было очень много. Одних образцов горных пород Билибин, Цареградский и их сотрудники собрали около тысячи штук, что по весу уже перевалило за тонну. А бесконечное количество бумажных пакетов со шлихами, пробытыми на десятках обследованных рек! А тяжелый, обитый железом и запертый на большой висячий замок выючный ящик с пробами золота! А такой же ящик с картами, записными книжками и дневниками; ящик с заснятыми пленками и фотопринадлежностями; несколько ящичков с книгами и личным имуществом участников экспедиции; большие и очень тяжелые ящики с седлами, сбруей, палатками, походным обмундированием... Все это громоздилось сейчас частью в классной комнате, частью в сарае на дворе, и все это нужно было переправить сперва на шлюпке по морю, а затем на себе через невысокий перевал к Нагаевской бухте.

На следующий день, 21 сентября, Цареградский начал переброску грузов. К счастью, двухпарная шлюпка, на которой он плавал вдоль побережья прошлым летом, была цела. Подобрал из рабочих экспедиции четырех гребцов и двух грузчиков, сам седьмой, он поднял наставную мачту и отправился к бухте Нагаева. Однако, чтобы попасть в бухту, нужно было обогнуть длинный и узкий полуостров Старицкого, сделав лишник двадцать — тридцать километров. Кроме того, вдоль южной, подветренной, стороны полуострова, который отделяет бухту Нагаева от открытых морских просторов, постоянно дуют сильные ветры, гудит прибой, крутятся грозные, сталкивающиеся течения. Маленькой шлюпке многократное путешествие вокруг этих неприветливых берегов было не под силу.

Цареградский решил перебрасывать груз через очень живописную мелководную бухту Гертнера, которая впоследствии называлась также Веселой. Бухта эта врезалась в береговую горную цепь как раз там, где от нее отходил полуостров Старицкого. От бухты Гертнера до бухты Нагаева было всего около семи километров через пологий перевал, на котором росли редкие, склонившиеся по ветру лиственницы.

Стоял погожий осенний денек. Тяжело груженная шлюпка шла вдоль обрывистых берегов, которые тянулись от устья Олы к бухте Гертнера. Ветра не было. Две пары весел с легким плеском погружались в слабо всхолмленную волнами зеленовато-голубую воду. У бортов шлюпки скользили и быстро скрывались за кормой бесцветные зонтики медуз. Цареградский сидел за рулем и следил за хорошо знакомыми контурами береговых обрывов. В прошлом сезоне он всюду побывал здесь, изучая граниты и составляя первую геологическую карту побережья. С тех пор ему полюбили эти великолепные обрывы, на которых золотились еще не облетевшие

каменные березы. Вот над шлюпкой навис и затем, медленно разворачиваясь, уплыл назад острый, как копьё, гранитный пик. В лоции Охотского моря он был назван Нюкля. В прошлом году Цареградского застиг у подножия этого пика прилив; взобравшись на маленькую гранитную полку, он ждал несколько часов, пока его не сняли подоспевшие на шлюпке рабочие.

От Олы до бухты Гертнера около тридцати километров и восемь — десять часов хорошего хода на веслах. Однако в первый рейс им удалось подхватить попутный ветер, который быстро домчал шлюпку до цели. Солнце еще не погрузилось за островерхие хребты, когда, выскочив в воду, гребцы с криком: «Раз, два, взяли!» втащили свое суденышко на плоский илесто-песчаный берег.

К большой своей радости, Цареградский увидел в некотором отдалении две якутские юрты. У вбитых в землю кольшпков, надрываясь, лаяли собаки. Их было несколько десятков.

Две рыбацкие семьи ловили тут все лето рыбу. Они ставили свои сети в море, а во время нереста кетовых — в устье небольшой реки Магадан (позднее ее стали называть Магаданкой). У хурт стояло несколько высоких столбов, между которыми сушилась на проволоке выпотрошенная и распяленная рыба — горбуша, кета. Горбуша шла преимущественно на корм собакам, а более ценной рыбой кормились хозяева.

Сидя через час в юрте за стаканом мутного чая, Цареградский с удовольствием ел удивительно нежное, плывущее розоватым жиром мясо вяленой, слегка закопченной кеты. К счастью, они захватили с собой из Олы достаточное количество свежего хлеба, сахара, печенья и консервов. Все это он разложил сейчас на низеньком столике, вокруг которого, поджав под себя ноги, уселись гости и мужчины-хозяева. Женщины и дети толпились вокруг, с любопытством глядя на «нючча» — русских, то подавая кружки и стаканы с чаем, то подхватывая на лету куски хлеба с маслом и белые кубики пиленого сахара.

Один из рыбаков довольно сносно объяснялся по-русски, и Цареградский узнал от него, что в бухте Нагаева тоже есть русские и что они в это лето построили там два-три дома.

— Кто они такие? Союззолото?

— Золото? — переспросил якут. — Не знай. Нет, однако, не золото. Дохтур!

— Слушай, друг! — обратился к нему Цареградский. — Помоги нам доставить наши вещи в Нагаевскую бухту! Мы тебе заплатим, хочешь деньгами, хочешь продуктами.

— Как возем? — развел руками рыбак. — Лошадь нету, олень нету, телега нету.

Слушавший беседу сосед что-то сказал по-якутски, и они заговорили, оживленно жестикуюлируя и показывая то вокруг себя, то на собак, то на перевал.

— Вот он говорит, можно возти на собачках. Только я думаю, нельзя. Тяжело, собачки не пойдут!

Не сразу Цареградский понял, что речь идет о перевозке груза на нартах по земле. Вначале эта затея показалась ему невыполнимой, но потом он вспомнил, что летние перевозки по бездорожью на санях приняты на севере во всех горных местах, и решил попробовать.

На следующее утро странный караван из девяти согнувшихся под тяжелой ношей людей и двух тащившихся по траве и по земле нарт тронулся в путь. В общей сложности удалось переправить за один раз около четырехсот килограммов груза. К концу следующего дня весь доставленный в бухту Гертнера груз оказался в бухте Нагаева. Соскучившиеся за лето у своих колышков собаки были в восторге от этого неожиданного развлечения и так быстро тащили скрипевшие по камням нарты, что люди не поспевали за ними. Пришлось увеличить нагрузку, и дело пошло лучше.

— Все полозья издерут. Придется им выбрасывать нарты,— сказал рабочий.

— Мы заплатим хозяевам за нарты,— ответил Цареградский.

В самой вершине бухты Нагаева действительно стояли четыре свежесрубленных дома. Это была недавно обосновавшаяся здесь культбаза Комитета Севера—государственная организация с очень широкой программой культурно-просветительной помощи местному населению. В домах культбазы размещались школа, интернат, больница, ветеринарный пункт и жилой дом обслуживающего персонала. Цареградский быстро перезнакомился со всеми и договорился, что для экспедиции будут временно выделены два пока еще пустующих класса в школе. Теперь они могут спокойно заниматься перевозкой всех остальных грузов и сотрудников экспедиции, не оставляя охраны и не боясь, что их накроет непогода.

Особенно близко Цареградский сошелся с заместителем заведующего культбазой Николаем Владимировичем Тупициным. (Этому человеку было суждено впоследствии сыграть очень значительную роль в геологическом освоении Колымского края, которому он посвятил всю свою дальнейшую жизнь вплоть до выхода на пенсию. Для этого Тупицину пришлось полностью переквалифицироваться, так как его основной специальностью был китайский язык. Но талант редко бывает односторонним; талантливый человек талантлив вообще, и из хорошего сиолога вырос хороший геолог. Через два десятка лет начальник и старший геолог Геологоразведочного управления не раз вспоминали за празднично убранным столом романтические обстоятельства их первого знакомства в самом дальнем углу бухты Нагаева. Впрочем, и сейчас, когда пишутся эти строки, оба старых друга живут в Москве в соседних домах.)

Переброска всего груза экспедиции оказалась, однако, нелегким делом. Обстоятельства благоприятствовали Цареградскому только в первом рейсе. Затем началось непогода, а с ней пришли осенние штормы. Море грозно темнело, облака спускались к самым волнам, и горизонт заволакивало непроницаемым туманом. У берегов

грохотал страшный прибой, и тугой ветер со свистом срывал пену с несущихся к скалам валов.

В такие дни люди отсиживались там, где их заставляла буря,— в Оле или на нагаевской культбазе—и ждали, когда стихнет ветер и улягутся волны. Лишь через две недели груз был полностью переправлен в бухту Нагаева. Еще два рейса шлюпки—и вся экспедиция вновь собралась под крышей школы, в которой еще не было ни одного ученика. С последним рейсом сюда прибыл Билибин, который вместе с Казанли неотлучно занимался в Оле вычерчиванием карт и составлением предварительного отчета.

Из окон школы был прекрасно виден вход в бухту. В любую минуту там могла показаться черная труба «Воровского».

Однако шли дни, а узкий вход в бухту Нагаева оставался свободным, ничто не преграждало взгляду пути к морским просторам. Миновало уже три недели со дня ухода «Воровского» к острову Врангеля, а парохода все еще не было. Билибин все чаще задумывался и, закусив кончик своей рыжеватой бороды, с беспокоеством глядел в море.

— Не может быть, чтобы нас обманули!— сказал он однажды своему помощнику.— Военные всегда держат свое слово!

— Конечно! Если им не помешает какой-нибудь неожиданный приказ по радио,— возразил Цареградский.— Ведь им могли изменить назначение, и тогда мы обречены на зимовку!

Билибин помрачнел и распорядился, чтобы все снаряжение экспедиции было приведено в состояние готовности к погрузке.

— На тот случай,— пояснил он,— если у «Воровского» будет мало времени, чтобы принять нас на борт.

Однако вышло иначе. Уже в начале ноября, когда надежды на возвращение домой иссякли и все члены экспедиции покорно приготовились к долгой и томительно бездеятельной зимовке, на крыльце школы раздался чей-то крик: «Пароход!»

Вероятно, такую же радость вызвал когда-то крик «Земля!» на каравелле Колумба. Все бросились к берегу и стали вглядываться в горизонт. Действительно, у ворот в бухту показалась тонкая веточка дыма, которая медленно разрасталась и темнела на фоне заснеженных гор. Вскоре под дымом прорезалась черточка трубы, а затем показался и сам пароход. Он медленно вошел в бухту и пришвартовался к берегу на другой ее стороне, под скалами Каменного Венца, где находился штабель угля.

— Странно,— произнес, глядя в бинокль, Билибин.— Что-то не похоже на «Воровского».

— Это не наш пароход,— утвердительно сказал Тупицин.— Я знаю все приписанные к Владивостоку корабли. Он не оттуда.

— Сейчас мы узнаем откуда!— воскликнул Билибин.— Скорее в шлюпку! Может быть, это наш последний шанс добраться до Владивостока!

Через несколько минут Билибин, Цареградский, Раковский, Казанли, Тупицин и несколько гребцов уже плыли в шлюпке,

пересекая бухту. Отсюда до таинственного парохода было около восьми километров. Через час даже невооруженным глазом было видно, что это не «Воровский». Не выпускавший бинокля из рук Билибин произнес слегка дрогнувшим голосом:

— Это иностранный пароход. Я разбираю название: «Муллер» или «Мюллер», что-то в этом роде. Лопнули наши мечты на возвращение!..

— Почему же лопнули? — возразил Цареградский. — Может, этот иностранец нас и подбросит во Владивосток?

— Во всяком случае мы должны узнать, что это за незнакомец, — сказал Тупицин. — Уж очень он по-хозяйски подошел к угольному складу. Сведения об аварийных запасах топлива имеются только у наших, советских капитанов. Следовательно...

— Следовательно, это вор?

— Либо хозяин!

— Как же это может быть, — нетерпеливо тряхнул головой Билибин, — когда я своими глазами вижу иностранное название!

— Сейчас все разъяснится, товарищи, — примирительно сказал Цареградский. — А ну, нажмем на весла!

Через четверть часа они уже подплывали к таинственному кораблю. Это был широкий, очень потрепанный и грязный пароход с торчащими во все стороны грузовыми стрелами. Когда шлюпка стала огибать его с кормы, они ясно увидели выведенную потускневшим золотом надпись по-английски: «Nancy Muller».

На корабле давно увидели подплывающую шлюпку, и теперь их встретил гомон разноязыких приветствий. По спущенному скользкому от грязи трапу они взобрались на палубу. Шлюпка с гребцами отошла к берегу.

Капитан судна оказался и его хозяином. Это был американец Джеймс Мюллер, владевший тремя грузовыми пароходами, названными в честь его трех дочерей: старшей, Нэнси, средней, Кэтти, и младшей, Эмили Мюллер. Судно было приписано к шанхайскому порту, но зафрахтовано Совторгфлотом для каботажного плавания в водах Японского и Охотского морей. Мюллер собирал уловы прибрежных рыбаков, развозил им соль, провиант и почту и переправлял сезонные рыбацкие артели к месту лова и обратно. Команда оказалась самой разношерстной. Среди матросов преобладали китайцы и корейцы. Были, однако, также японцы и малайцы. Технический персонал, за малым исключением, был американский. Старший механик, китаец, довольно сносно говорил по-русски.

— Геологи — братья морякам, они тоже странники. Я возьму вас на борт, — говорил, сидя в большой и мрачной кают-компании, капитан «Нэнси Мюллер». — Но погрузиться нужно сегодня же. Предвидятся штормы, и я очень тороплюсь во Владивосток. Мне нужно зайти еще в несколько мест. Разумеется, я не обещаю вам никакого комфорта, но как-нибудь разместимся.

— Я могу пригласить одного гостя к себе в каюту, — добавил, улыбаясь, переводивший разговор механик.

— Ничего лучшего мы не ждали, — ответил Билибин. — Ваше предложение нас вполне устраивает. Мы можем грузиться в любой момент. Что же касается оплаты...

— Об этом не беспокойтесь, — прервал его Мюллер. — Я договорюсь об оплате с Совторгфлотом.

Они условились, что «Нэнси Мюллер», окончив грузить уголь, по возможности ближе подойдет к культбазе и бросит якорь. Тем временем сотрудники экспедиции перенесут все свои ящики на берег и немедленно начнут их перевозку на корабль.

— А сейчас, — добавил капитан, — я дам вам свой катер. Он доставит вас обратно и поможет при погрузке.

Через несколько минут сияющие колымчане уселись в спущенный на воду катер. Взяв на буксир шлюпку и развернувшись, катер направился к еле видимым издали домам культбазы. За это время ветер заметно посвежел, и даже в защищенной бухте забегали белые барашки. Катер зарывался носом в волну, и сидящих обдавало брызгами. Но ничто не могло омрачить радости от предстоящего возвращения домой. Только Билибин озадаченно произнес:

— Как бы нам не утопить чего при погрузке!

— Не беспокойся, не утопим! — ответил Цареградский.

Только Тупицин помрачнел: он успел подружиться с геологами, и их внезапный отъезд наполнил его грустью.

Уже в сумерках «Нэнси Мюллер» подошла к культбазе и, покачиваясь на волнах, встала в ста метрах от скал. Почти в ту же минуту к пароходу направились катер и лодка и подчалили к прыгающему трапу.

— Осторожно, осторожно! — кричал сидевший в катере Билибин.

Первым по трапу влез со своим «золотым» ящиком Раковский. Потом с помощью многих услужливых рук на палубу стали поднимать остальное снаряжение. Через два рейса груз экспедиции в полном беспорядке громоздился на палубе. Билибин и Цареградский еще раз возвратились на берег и, тепло простившись со всем персоналом гостеприимной культбазы, прыгнули в катер.

— Пишите, Николай Владимирович! — крикнул, махая рукой, Цареградский.

— Обязательно! — ответил с берега Тупицин. — Думаю, мы еще увидимся!

Пароход дал долгий рычащий гудок и стал медленно отворачивать от берега.

На палубе стояли все колымчане и молча смотрели на медленно уходящий рыжевато-белый склон, на трубы избушек, над которыми крутился по ветру дым, и на небольшую группу сиротливо сжавшихся от холода провожающих. В воздухе порхали снежинки. Вскоре пошел густой снег, и белая пелена скрыла за собой скалы.

Шторм

Когда «Нэнси Мюллер» поравнялась с крутыми скалами, ограждавшими вход в бухту Нагаева, в лицо стоявшим на палубе ударил крепкий, соленый морской ветер. Уже совсем стемнело, и береговые горы черным силуэтом врезались в мутное небо. Пароход круто повернул налево и скользнул в узкий пролив между полуостровом Старицкого и островом Завьялова. Здесь и в спокойную погоду всегда гуляли волны и крутились жуткие водовороты. Сейчас же тут творилась настоящая свистопляска. Ветер тоненько завывал в снастях, и

пароход беспорядочно переваливался с волны на волну, никак не давая пассажирам приспособиться к ритму качки.

— Ничего,— помахал рукой, пробегая куда-то, старший механик.— Сейчас выйдем из пролива, будет легче!

Действительно, часам к десяти вечера ветер заметно ослабел, и корабль стал раскачиваться ритмичнее. Цареградский спустился в каюту механика, который пригласил его к себе. Билибин устроился у капитана, а остальные разместились частью в кают-компани, частью в твиндеке.

В каюте механика было тесно и душно.

«Ну ничего, зато тепло, а главное, скоро дома!»

Он залез на верхнюю койку и, перекидываемый качкой с головы на ноги, быстро уснул.

Разбудила его усилившаяся качка и стоявшая вокруг тишина. Он вспомнил, что «Нэнси Мюллер» должна была зайти в Олу за рыбой, и догадался, что пароход остановился на рейде. На палубе тускло горели дежурные лампочки, а вокруг зияла шумящая волнами пустота. До рассвета оставалось еще не меньше двух часов, и в темноте было совершенно невозможно угадать, где берег, а где море. Мимо, лениво покачиваясь на кривых ногах, прошел какой-то матрос, кажется японец. Цареградский попытался с ним заговорить, но матрос только махнул рукой и, пробормотав нечто непонятное, скрылся в теплом чреве парохода.

Когда полностью рассвело и вдалеке показался низкий ольский берег, капитан приказал спускать катер и кунгас. К этому времени почти все геологи собрались на палубе и с некоторым страхом смотрели на пляшущие на волнах маленькие суденышки. На кунгасе был всего лишь один китайский матрос. Он держал длинный шест и старался не дать кунгасу удариться о борт

парохода. Через несколько минут, пуская мгновенно разлетавшиеся дымки, катер взял курс на Олу.

Между тем ветер усиливался, и волны все выше громоздились одна на другую. Стоявший на якоре пароход непрерывно поворачивался вокруг своей оси, и перед собравшимися с подветренной стороны людьми показывались то берег, то волнующиеся морские просторы. Вскоре подошел всегда улыбающийся механик.

— Почему так далеко остановились?— спросил его Цареградский.

— Десять миль, ближе нельзя, очень мелкая вода.

— Очень качает!— жалобно воскликнул Казанли, который уже давно испытывал неприятные последствия морской болезни.— На ходу меньше качки. Долго еще простоим?

— Пароход совсем пустой, трюмы без груза,— улыбнулся механик,— поэтому так сильно качает. Я думаю, мы не сможем здесь погрузиться и поэтому простоим недолго. Тайфун идет!— И он озабоченно показал на северо-восток, откуда на них двигалась совершенно черная в утреннем свете низко висящая туча.

Беспорядочная толчея волн, на которых прыгал корабль, постепенно сменялась стремительным бегом гигантских мутно-серых валов в одном направлении. Казалось, с северо-востока на бедную «Нэнси Мюллер» движутся две рати: одна небесная, другая морская. Капитан приказал развести пары. Машина опять заработала, и пароход развернулся против ветра, тяжело переваливаясь с волны на волну. Качка сделалась нестерпимо сильной. Все хваталось руками за что попало, и даже наиболее крепкие из пассажиров почувствовали, что их мутит. Пена и брызги так высоко взвивались над поверхностью моря, что палуба быстро стала скользкой от воды. Один из матросов жестами передал пассажирам распоряжение капитана уйти с палубы и спуститься вниз. Однако Цареградский, которого укачивало меньше других, попробовал подняться на капитанский мостик: «Авось пустит». Капитан нахмурился, но ничего не сказал. Ему было не до пассажиров.

Предположение механика, что они недолго здесь простоят, не оправдалось. Правда, погрузку бочек с рыбой, которые ожидали их на берегу, капитан отменил. Он вызвал катер с полугути гудками паровой сирены, но дальше случилось непредвиденное. Лишь только катер повернул обратно, сильным ударом волны порвало буксирный трос, и кунгас стремительно понесло по ветру. Цареградский услышал восклицание Мюллера и увидел, как, кувыркаясь в волнах, кунгас исчез за пенистыми гребнями и как катер повернул за ним вдогонку. Вскоре и он потерялся в волнах. Сколько Цареградский и капитан ни обшаривали после этого горизонт через стекла морского бинокля, ничего, кроме бушующей стихии, не было видно.

С трудом пробиваясь через бурю, катер вернулся только через четыре часа, уже к полудню. Вернулся без кунгаса. Мрачный, как

туча, капитан поднял его с подветренного борта, и «Нэнси Мюллер», кланяясь и приседая, медленно двинулась вразрез волнам.

Ничего подобного ни до ни после этого памятного путешествия геологи не испытывали. Судно попало в страшный, медленно, но неотвратимо нарастающий осенний шторм. Уже к концу третьего дня ветер достиг десяти-, двенадцатибалльной силы. «Нэнси Мюллер» должна была зайти в несколько рыбацких поселков на северном берегу Охотского моря и на западе Камчатки, а затем, догрузившись в Петропавловске, вернуться во Владивосток. Но ураган оказался не под силу ее дряхлым машинам и изношенному корпусу. Капитан понял это и решил вести судно прямо в Петропавловск, надеясь отстояться в ее лучшей во всем Тихом океане и укрытой от всех ветров бухте. Однако и это решение оказалось невыполнимым. Пароход не мог справиться с бурей, и его стало день ото дня заметно сносить на юг.

С тех пор прошло больше сорока лет, но и сейчас Цареградский не может вспоминать об этом плавании без содрогания. Недогруженное и поэтому слишком легкое судно бросало, как консервную коробку. Сутками отсиживавшиеся в кают-компании пассажиры слышали, как страшно бьется о волны пароход. Некоторые удары дном были так сильны, что казалось невероятным, как старый корпус еще держится. Во время особенно сильных размахов корабля обнажался его винт, который работал вхолостую, перегревая машины. Кроме того, ударяясь о волны, он мог ежеминутно сломаться.

Именно это и случилось на десятый день их борьбы со штормом. Прикорнувшийся на своей койке грязный и измученный механик вдруг вскочил и, крикнув что-то, чего Цареградский не понял, бросился из каюты. Пароход дернулся, и в шуме его машин даже неопытное ухо уловило нечто новое.

— Сломалась лопасть винта! — крикнул стоявший рядом с капитаном Билибин. Мюллер что-то отрывисто кричал в мегафон по-английски, а штурвальному — по-китайски. Через некоторое время, регулируя ход машины и управление рулем, капитан выправил судно, и оно снова повернулось носом к ветру.

Дальнейшее вспоминается как какой-то нескончаемый кошмар, в котором полные ужаса дни сменялись еще более ужасными ночами. Вскоре у «Нэнси Мюллер» отломилась вторая лопасть винта, а затем вышло из строя рулевое управление.

Капитан вызвал к себе на мостик Билибина, Цареградского, Раковского и механика-переводчика.

— Господа, — сказал он, обращаясь к русским, — корабль лишился управления. Я могу и обязан дать сигнал бедствия. Однако мне не хотелось этого делать, не предупредив вас.

— Где мы сейчас находимся? — спросил его Билибин.

— Этого я не знаю. Вот уже скоро две недели, как мы тщетно боремся с бурей. Наша скорость неизвестна, берегов не видно, а

ветер все время тащил нас на юг. Думаю, что мы где-нибудь между Сахалином и Южными Курилами.

— То есть поблизости от берегов Японии?

— Да.

— Юра, — обратился к Билибину Цареградский, — уговори его не радировать о помощи. Ведь мы вместе со всеми материалами можем попасть в руки к японцам!

— Этого нельзя допустить! — Билибин решительно повернулся к механику. — Передайте капитану Мюллеру, — сказал он, — что мы убедительно просим его подождать с сигналом бедствия. В такой шторм это все равно бесполезно. Ни одно судно не сможет приблизиться настолько, чтобы бросить нам буксирный канат. Кроме того, в этих водах нас скорее всего услышат японские военные суда, а их помощь нежелательна ни нам, ни, как мне кажется, самому капитану.

Механик долго переводил это капитану, и потом они еще дольше о чем-то совещались друг с другом и с находившимся на мостике первым помощником. В конце концов механик подошел к русским и сказал им, на этот раз без всякой улыбки:

— Капитан решил подождать. Мы сейчас остановим машину, закрепим рулевое управление и ляжем в дрейф. Может быть, буря стихнет, и тогда как-нибудь доберемся до ближайшего порта, чтобы сменить винт. Но если покажется земля, нам придется радировать о помощи. Капитан не может рисковать кораблем.

Через некоторое время машина застопорилась, и омертвевший пароход, полностью отданный во власть стихии, потащило по ветру. К счастью, к этому времени ярость шторма начала ослабевать. Они уже вышли из области низкого давления, и ветер то и дело менял свое направление, так что изрядно потрепанную «Нэнси Мюллер» влекло по всем возможным румбам. Капитан организовал непрерывное наблюдение за горизонтом, с тем чтобы не оказаться в опасной близости к земле.

... Через двое суток дрейфа ветер улегся, и только крупная зыбь на море говорила об улетевшей буре. Заметно похудевший за эти две недели и заросший седой щетиной капитан Мюллер просил передать русским, что он не помнит такого упорного и длительного шторма и что, наверное, их счастливой звездой он обязан спасением своего судна!

— Скажите капитану Мюллеру, — ответил бывший в тот момент на мостике Цареградский, — что это ему, его умению и мужеству, все мы обязаны своей жизнью!

Капитан довольно улыбнулся и похлопал его по плечу.

В тот же день к вечеру проглянуло солнце. Оно показалось в разорванных тучах только на несколько минут, но и этого было достаточно для того, чтобы штурман мог определить положение судна.

«Нэнси Мюллер» оказалась между южной оконечностью Сахалина и островом Итуруп. От Сахалина ее отделяли сто пятьдесят, а

от крайнего южного острова Курильской гряды — двести пятьдесят километров. Итак, после двухнедельной борьбы со штормом, в течение которой машина почти все время работала против ветра, они не только не продвинулись к своей первоначальной цели — Петропавловску-Камчатскому, но были снесены к югу почти на две тысячи километров! Теперь, в этих условиях, разумеется, не могло быть и речи о возвращении на север, и капитан Мюллер решил идти во Владивосток.

— Мы должны попытаться зайти в ближайший японский порт, чтобы сменить винт,— сказал капитан Билибину.— Вы и ваши сотрудники можете не сходить на берег. Японцы тоже не поднимутся на борт. Оттуда я радирую во Владивосток о помощи.

Через некоторое время весело застучала машина, и «Нэнси Мюллер», медленно ковыляя и прихрамывая, на одной трети винта тронулась на запад. Лишь к концу второго дня, двигаясь буквально черепашьим шагом, они добрались до небольшого порта на Южном Сахалине.

По пути сюда Мюллер связался по радио с Совторгфлотом. Ему запретили просить у японцев уголь, передав, что он может получить топливо с советского парохода «Кулу», который был на подходе к тому же порту. В то же время начальство во Владивостоке позволило «Нэнси Мюллер» сменить винт, без чего дальнейшее плавание было невозможно.

На следующее утро, когда яркое солнце и веселые зеленые горы вокруг залива Анива скрасили страшные воспоминания о перенесенной буре, к «Нэнси Мюллер» подошел «Кулу». Капитан советского судна уже получил предписание снабдить углем зафрахтованный пароход. Несколько часов напряженной, но веселой работы — и черные, как трубочисты, многонациональные матросы капитана Мюллера вернулись к себе на борт. Угольные бункеры парохода были теперь обеспечены топливом до Владивостока.

Однако с винтом получилось не так гладко. Мастерские порта ничем не могли помочь «Нэнси Мюллер». Невольным путешественникам, которым уже осточертели и море, и тесные помещения грузового корабля, пришлось примириться с мыслью о еще нескольких потерянных днях. Пароход медленно двинулся к Хоккайдо и еще через два дня прибыл в Хакодате, где быстрые и сноровистые японцы поставили искалеченному пароходу новый винт.

Во Владивосток «Нэнси Мюллер» прибыла ровно на двадцатый день после их отплытия из бухты Нагаева.

Двадцать дней — срок небольшой, но всем участникам Первой Колымской экспедиции казалось, что между домиками нагаевской культбазы и владивостокским пирсом пролегла вечность. Теперь все опасности, а с ними и вся романтика закончившейся экспедиции остались позади, и только тщательно запертый на замки тяжелый «золотой» ящик с пробами напоминал о поисках и находках, о бескорыстии и о благородном горении духа...

Заключение

Эта повесть рассказывает о подвигах и приключениях участников Первой Колымской экспедиции — так, как они известны автору и вспоминаются одному из ее бывших руководителей, Валентину Александровичу Цареградскому. Может быть, и даже вероятно, что кто-нибудь другой из сотрудников Билибина и Цареградского вспомнил бы знаменательные вехи в работе экспедиции или пересказал бы какой-нибудь из записанных здесь эпизодов иными словами и с другой точки зрения. Такова особенность людей: каждый видит и помнит свое и по-своему. Однако можно быть уверенным, что ничто существенное в многотрудной деятельности экспедиции, положившей начало развитию Золотой Колымы, не упущено в памяти одного из тех, кто был в центре событий. Естественно, что воспоминания о таком событии, принадлежащие одному из первооткрывателей, имеют великую ценность, которой нельзя пренебречь.

Именно эта мысль и толкнула меня взяться за перо и передать на бумаге то, о чем мне долго и помногу рассказывал Цареградский. А пересказать все эти события мне очень хотелось, так как с этим северным краем связана значительная часть и моей жизни.

Какую бы важность ни представлял первый шаг, лишь последующее движение приводит к цели. Дальнейшая история Колымы так многообразна и сложна, что рассказать об этом под силу лишь коллективу авторов. Однако канва подобной истории может быть намечена уже сейчас.

Вслед за первой экспедицией в 1930—1931 годах на Колыме работала вторая экспедиция, во главе которой уже стоял Цареградский. Билибин был занят в это время обработкой обильных материалов, доставленных на «материк» и далее в Ленинград во время памятного рейса «Нэнси Мюллер».

Во Второй Колымской экспедиции работало уже много геологов: Д. В. Вознесенский, Д. А. Каузов, С. В. Новиков, Ф. К. Рабинович, И. Е. Едовин, уже знакомый нам по культбазе в бухте Нагаева Н. В. Тупицин. Каждый из них имел самостоятельное задание, и каждый внес свою лепту в изучение геологии верхней части бассейна Колымы. Работали в Цареградском в те годы и прорабы-поисковики Э. П. Бертин, Н. Н. Станкевич, И. И. Галченко и Л. И. Кофф. Цареградский пригласил с собой работать и астронома Д. Н. Казанли.

В 1931 году Билибин опять отправился на Колыму, в устье Среднекана, во главе другой большой группы геологов, которая впоследствии стала ядром Колымской геологоразведочной базы. Среди этих геологов были А. А. Арсеньев, В. Н. Березкин, Е. С. Бобин, В. П. Брусенкин, А. П. Васильковский, Б. И. Вронский, С. Е. Захаренко, Г. С. Киселев, М. Т. Котов, М. М. Лагутин, Е. А. Нечаева, И. А. Пудовкина, П. И. Скорняков, Л. А. Снятков, Б. Л. Флеров и Е. Т. Шаталов.

Третья и четвертая колымские экспедиции продолжали геологическое изучение этого края в 1933—1935 и 1937—1938 годах также под руководством В. А. Цареградского. Первая из них по месту своих работ называлась Верхнеколымской, а вторая — Индигирской. Начиная с 1932 года геологическое изучение и практическое освоение всей огромной территории от Лены на западе и до Берингова моря на востоке перешло в руки треста Дальстрой, организованного в системе Совета Труда и Обороны. С этого времени начался новый этап в истории развития Колымы, о котором следует писать особо.

Экспедиционное изучение Крайнего Северо-Востока велось в конце 30-х годов и геологами Главсевморпути. В частности, территория Чукотки изучалась Чаунской экспедицией, где главным геологом был Б. Н. Ерофеев, который позднее, начиная с 1941 года, руководил Анадырской экспедицией Дальстроя. Эти исследования открыли миру новый громадный край с месторождениями олова, золота и вольфрама. По существу деятельность Ерофеева и его сотрудников на Чукотке может служить темой особой книги.

В 1938 году при тресте Дальстрой был организован геологоразведочный отдел. Во главе его стояли В. А. Цареградский и главный геолог М. И. Коньчев. Уже через год отдел был реорганизован в Геологоразведочное управление с начальником Цареградским и главным геологом Г. А. Кечekom. Начиная с этого времени и вплоть до ухода в 1955 году по болезни на пенсию Цареградский бессменно занимал этот ответственный пост, руководя все более разрастающейся армией геологов, съемщиков, поисковиков и разведчиков, работавших как в основном, так и в тринадцати районных управлениях, рассеянных на территории, превышающей по своим размерам Западную Европу. Имя Героя Социалистического Труда и лауреата Государственной премии Цареградского, так же как и имена его помощников в эти годы Кечека, Ерофеева, Шаталова и многих-многих других, поднявших на своих плечах всю тяжесть организации этой гигантской исследовательской машины, навсегда врезано в скрижали советской геологической науки.

Но все-таки нельзя дойти до цели, не сделав первого шага в нужном направлении, и этим шагом была Первая Колымская экспедиция Билибина, Цареградского, Раковского, Бертина, Казанли и многих их спутников, промывальщиков и рабочих, имена

которых большей частью стерлись в памяти, как стерлись в летописях имена матросов колумбовых каравелл.

За всю историю освоения Колымы, начавшуюся в 1928—1929 годах, мы можем назвать очень много имен первооткрывателей. Почти каждый из работавших здесь за это время геологов что-либо открыл: один — новое месторождение золота, олова, ртути или других редких металлов, второй — новую для геологии структуру или горную породу, третий — новую форму вымершего сотни миллионов лет назад ископаемого животного или растения, наконец, четвертый — новую научную идею. Все они первооткрыватели, но в первом ряду среди них все-таки стоят те, о которых рассказано в этой повести.

1970 г.

Послесловие

Золотоносный пояс верховьев рек Колымы и Индигирки на северо-востоке нашей страны едва ли не одно из важных геологических открытий первой половины нынешнего столетия. Открытие это связано с именами Юрия Александровича Билибина и Валентина Александровича Цареградского, возглавивших так называемую Первую Колымскую экспедицию 1928—1929 гг.

В геологическом и даже географическом отношении эта часть северо-востока Азии оставалась в то время менее изученной, чем самые удаленные уголки Африканского и Австралийского континентов. Более ранние геологические исследования, проведенные в бассейнах Колымы и Индигирки И. Д. Черским (1891—1892) и С. В. Обручевым (1926—1927), представляли собой единичные маршрутные пересечения, оказавшиеся в стороне от Колымского золотоносного пояса; естественно, они не могли составить основу оценки сырьевых возможностей этой удаленной и труднодоступной тогда окраины нашей страны.

Яркий талант первооткрывателей Золотой Колымы Ю. А. Билибина, В. А. Цареградского и их помощников по Первой Колымской экспедиции С. Д. Раковского, Д. Н. Казанли, Э. П. Бертина и других, их мужество в преодолении трудностей, встретившихся на пути экспедиции, убедительно и точно описаны в предлагаемой книге.

Блестящим итогом работы Первой Колымской экспедиции явился смелый, но уверенный прогноз новой золотоносной провинции на северо-востоке Азии. Этот прогноз — один из первых в отечественной геологии примеров научного обоснования закономерностей размещения полезных ископаемых. Билибин, один из создателей этого блестящего прогноза, основываясь на сравнительно ограниченной информации об условиях образования и размещения золотого оруденения, собранной Первой Колымской экспедицией в сравнительно небольшой части бассейна верховьев Колымы, оказался в состоянии представить общие контуры этого пояса, протянув его далеко на запад. Не случайно именно Ю. А. Билибин позднее, став доктором геолого-минералогических наук, а затем членом-корреспондентом АН СССР, возглавил новое научное направление в советской геологии, получившее название металлогении, и разработал основы методологии прогнозирования месторождений полезных ископаемых в недрах земной коры на основе геологических закономерностей ее неоднородного развития.

Цареградскому выпала честь реализовать предложенный вместе с Билибиным прогноз, что он с успехом и осуществил, продолжая свои работы на Северо-Востоке еще многие годы в качестве руководителя последующих колымских экспедиций, а затем главы большого коллектива геологов Дальстроя.

Одним из ярких представителей коллектива колымских геологов был автор этой книги Евгений Константинович Устиев. Нелегкая судьба привела его на Северо-Восток в конце 30-х годов после многих лет успешных геологических исследований, преимущественно на Кавказе. В коллективе геологов-северян Е. К. Устиев появился как вполне сформировавшийся специалист и последователь петрографической школы академиков Ф. Ю. Левинсона-Лессинга и Д. С. Белянкина.

Более 150 научных работ Устиева, большая часть которых посвящена проблемам магматической геологии Северо-Востока, выделяются своим высоким научным уровнем, оригинальными идеями и принадлежат перу изящного стилиста, поборника чистоты и строгости русского научного языка. Научные труды Устиева получили широкое признание не только в большом и дружном коллективе геологов Северо-Востока, но и во всей стране и за ее рубежами. Продолжая исследования по некоторым проблемам геологии магматических образований Северо-Востока, начатые еще Билибиным, Устиев создал школу молодых геологов и петрографов, с которыми он не порывал прочной связи до конца своей жизни (оборвавшейся в августе 1970 г., вскоре после завершения этой книги). Многолетняя дружба связывала автора повести с ее героями, участниками Первой Колымской экспедиции, прежде всего с Цареградским.

Евгений Константинович Устиев не новичок и в научно-художественной литературе. Геологам нашей страны и многим любителям природы хорошо известны его рассказы, очерки, повести. Их автор — мужественный исследователь и талантливый писатель, правдиво и искренне повествующий о полной тяжести, но благородного труда работе геологов. Законченность, отточенность стиля и живость изложения свойственны литературным произведениям Устиева. Его книга «По ту сторону ночи», в которой рассказано об увлекательном путешествии автора в труднодоступную часть бассейна реки Анюя, к недавно потухшему вулкану Монни, дважды издана в СССР, переведена и издана в ГДР, Франции и Венгрии.

Устиев глубоко понимал значение подвига первопроходцев — участников колымских экспедиций и высоко чтит их вклад в геологию Северо-Востока, в развитие его горной промышленности. Многие годы он тщательно собирал материалы по истории геологических открытий первых колымских экспедиций, посетил многие места их работы и, хорошо чувствуя природу и настроение людей этого сурового края, сумел передать в своей повести мироопущение ее героев так, как если бы и сам был участником описанных событий.

История Первой Колымской экспедиции, правдиво и ярко переданная в книге Устиева, заслуженно станет достоянием широкого круга геологов, исследователей недр нашей обширной страны.

*Доктор геолого-минералогических наук
Ф. Э. Апельцин*

Стр. 3. Несколькими годами раньше в бассейне р. Индигирки, а затем, одновременно с Первой Колымской экспедицией, на Чукотке работала экспедиция Геологического комитета, руководимая С. В. Обручевым, который в общем виде положительно оценил перспективы северо-востока азиатской части страны на золото и олово.

Стр. 3. Отдавая должное вкладу Первой Колымской экспедиции и возглавивших ее геологов Ю. А. Билибина и В. А. Цареградского в оценку перспектив золотоносной провинции верховьев реки Колымы, не следует забывать предшествовавших этому открытию шагов Совета Народного Хозяйства и подчиненных ему организаций — треста Союззолото и Геологического комитета.

За несколько лет до начала работы Первой Колымской экспедиции Совнархозом РСФСР были предприняты энергичные меры по возрождению и дальнейшему развитию золото-платиновой промышленности страны. В этот период в Союззолоте тщательно изучались материалы и заявки по золотоносным объектам разных районов страны, в том числе и верховьев Колымы; не случайно, впервые попав на реку Среднекан, экспедиция Ю. А. Билибина застала там небольшую бригаду старателей Союззолота.

По предложению Союззолота Геологическим комитетом, в частности С. В. Обручевым, в 1927 г. была разработана программа исследований в верховьях Колымы, уточнить и реализовать которую позднее и было поручено Ю. А. Билибину.

Стр. 8. Промывкой рыхлых речных отложений при поисках золота рудоизнаты и старатели пользовались до описываемого времени многие века. Однако опыт Ю. А. Билибина и других алданских геологов выдвинул шлиховое опробование долин как новый метод картографического выражения характера распределения и изменчивости свойств минералов с повышенным удельным весом, что открывало для геологов многие закономерности, важные при поисках и перспективной оценке золотых россыпей и их коренных источников.

Стр. 23. Богатые руды с макроскопически невидимым золотом требуют применения специальных методов анализа горных пород на золото (ядерно-активационных, золото-спектрометрических и др.), которыми геологи в те годы еще не владели.

Стр. 47. Шурфовка — проходка колодцев с сечением порядка 1,5—2 квадратных метра, располагающихся по линиям вкrest удлинения речных долин через интервалы в несколько десятков метров. Каждый шурф пересекает всю толщу рыхлых отложений долин и верхнюю (разрыхленную) часть подстилающих их скальных пород. Вынутую из шурфов породу через определенные интервалы подвергают опробованию (промывке) на лотках, при котором в шлихе остается фракция наиболее тяжелых минералов, в том числе крупинки самородного золота.

Стр. 94. Толща, о которой здесь идет речь, по своей геологической природе не имеет прямого отношения к накоплению золота, но именно в ее пределах возникают местами благоприятные условия для последующей локализации кварцевых жил или других образований, содержащих в своем составе некоторую примесь самородного золота.

Стр. 109. Упомянутые здесь и в других местах карты не отвечали каким-либо топографическим стандартам. По существу это были схемы-абрисы, составленные по опросным данным и уточнявшиеся в ходе маршрутов.

Юрий Александрович Билибин. Снимок конца 40-х годов

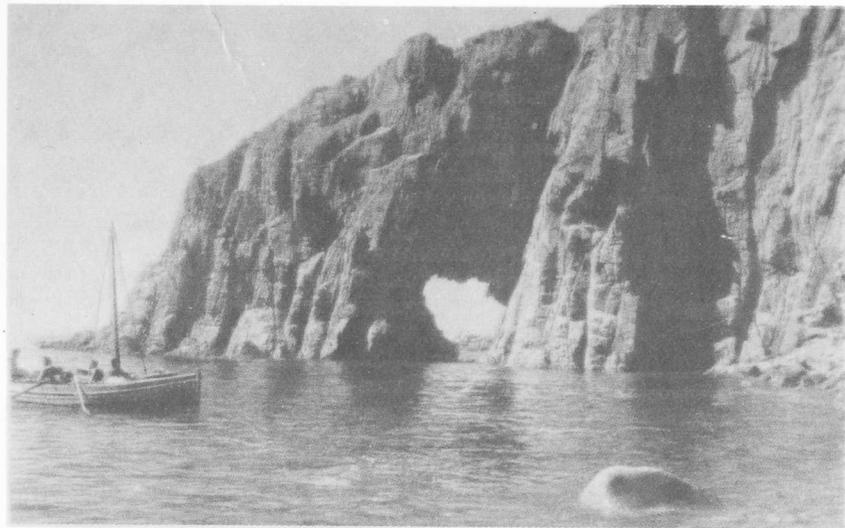
Валентин Александрович Цареградский. Снимок 1968 года

Сергей Дмитриевич Раковский. Рисунок В. А. Цареградского

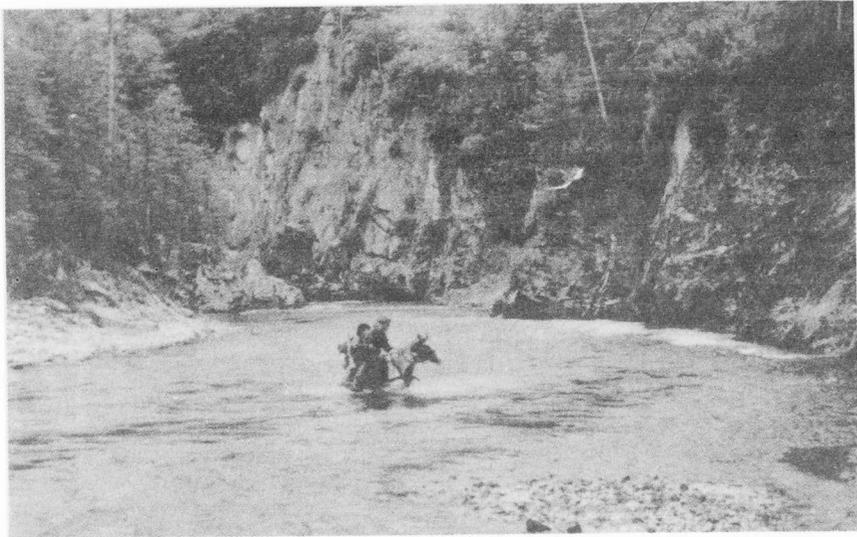

Проводник Макар Захарович Медов. Рисунок В. А. Цареградского

Грандиозными обрывами уходят в море граниты на полуострове Кони.
Фото Е. К. Устьева

Ручей Безымянный. Справа, в уступе террасы, видна граница между
коренными породами (сланцами) и речными наносами. Именно на такой
границе лежат россыпи золота. Фото В. А. Цареградского

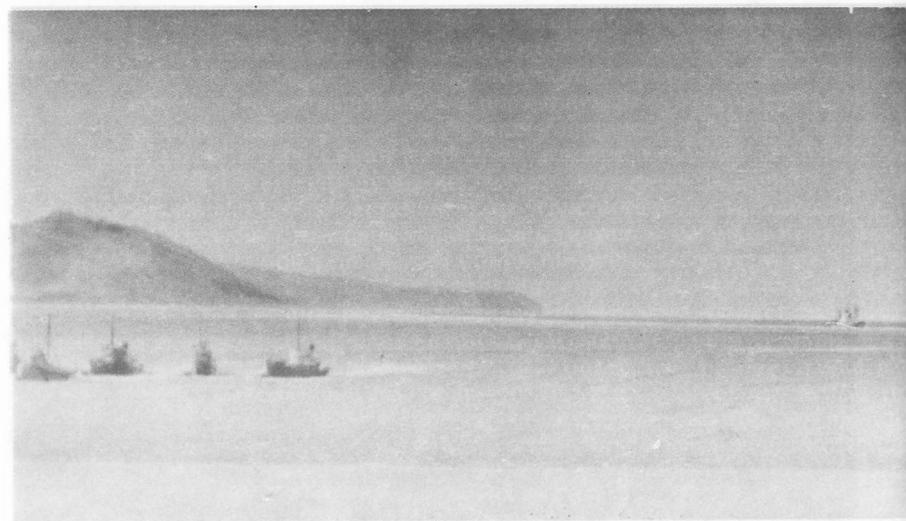

Переправа. Быстрый лесной ручей может сбить человека с ног. Лошадь гораздо устойчивее!

Шлиховое опробование лотком. Основная часть пробы смыва, промывальщик «доводит» шлик на лотке. Фото А. П. Осипова

Лабаз — лесное хранилище для продуктов и имущества. Зверь проникнуть в него не в состоянии, человек в этих краях не тронет чужого. Фото А. П. Осипова

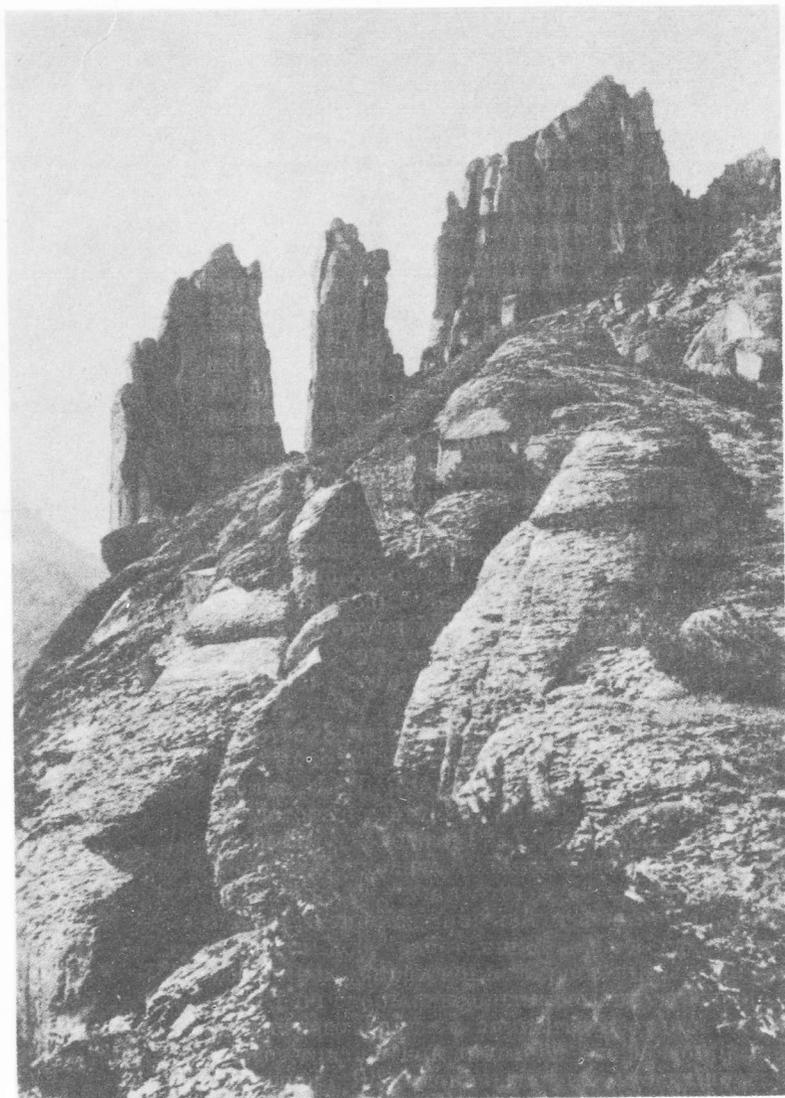
Нелегкий труд—вести цепочку лошадей, особенно по пересеченной местности. Фото Б. Н. Чухломина

Бухта Нагаева—одна из лучших в мире

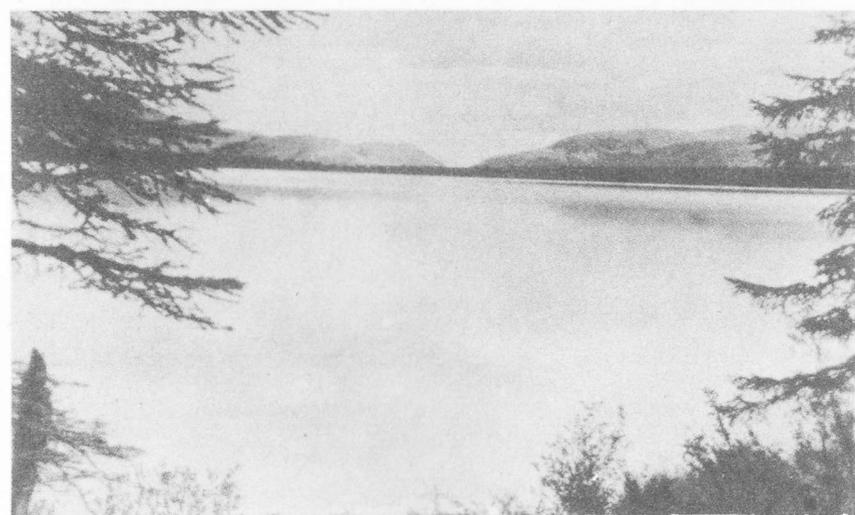

На каменистом берегу реки Запятью. Юрий Александрович Билибин наслаждается спокойной минутой. Июль 1929 года

Башнями и зубцами поднимаются на водоразделе гранитные останцы... Фото Е. К. Устиева

Многолетняя наледь в среднем течении реки Конго (правый приток Колымы). Фото В. Афанасьева

На водоразделе между реками, впадающими в Охотское море и в Ледовитый океан, разливается множество живописных горных озер. Озеро Солнечное (так его назвал в 1931 году В. А. Цареградский). Фото А. П. Осипова

Якутская девочка. Рисунок В. А. Цареградского

Одна из отмирающих проток реки Бахапчи. Фото А. П. Осипова

Горы Больших Порогов. Истоки Большого Мандигана, левого притока реки Бахапчи. Фото А. П. Осипова

На некогда пустынном берегу бухты Нагаева теперь кипит жизнь

Магадан, столица Колымского края

Величественна и многоводна река Колыма...

Евгений Константинович Устиев

Оглавление

Вместо введения	3
Рождение мечты	6
Первая Колымская экспедиция	10
Непреодоленный перевал	20
Борискин шурф	24
Вторая попытка	28
Кипящий источник	35
Среди колымских снегов	39
База в Среднекане	45
Среднеканское россыпное золото	50
Среднеканские золотоносные жилы	59
Весновка	65
Река — лучшая дорога	74
Золотое колымское лето	81
Колымская осень	92
Путь на юг	103
Последние переходы	115
Море вместо гор	123
Шторм	130
Заключение	135
Послесловие	138
Примечания	140

